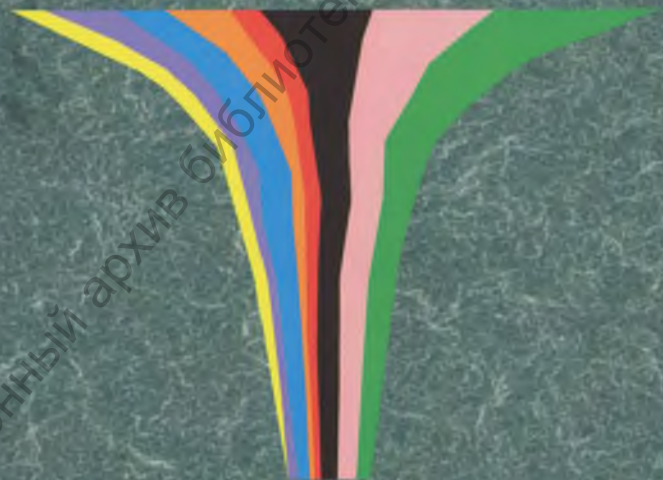

60.7.1.1
349

Я.Г. РИЕР

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Могилев 2006

Электронный архив библиотеки МГУ имени К.А. Кулешова

Я.Г. РИЕР

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

*Допущено Министерством образования
Республики Беларусь
в качестве учебного пособия
для студентов исторических специальностей учреждений,
обеспечивающих получение высшего образования*

Могилев 2006

УДК 314.148 (075)

ББК 60. 7я73

P49

*Печатается по решению редакционно-издательского
и экспертного совета МГУ им. А.А. Кулешова*

Рецензенты:

доктор исторических наук

заведующий отделом специальных исторических наук
Института истории НАНБ *Г.Я. Голенченко,*

кандидат исторических наук доцент кафедры археологии
ГрГУ им. Я. Купалы *С.А. Пивоварчик*

Риер, Я.Г.

P49 Историческая демография: учеб. пособие / Я.Г. Риер.
2-е изд. доп. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. –
160 с.: ил.

ISBN 985-480-206-X.

Пособие содержит основные сведения о демографическом развитии человечества от первобытности до наших дней. В нем рассмотрены процессы рождаемости и смертности в различные исторические эпохи, особенности воспроизводства населения, развитие семейно-брачных отношений. Излагаемые явления анализируются в общеисторическом контексте. Пособие предназначено, прежде всего, для студентов исторических факультетов вузов, а также для учителей истории, учащихся специальных классов школ, лицеев и всех, интересующихся историей.

Издание второе, дополненное.

Первое издание (Историческая демография : монография) вышло в издательстве «МГУ им. А.А. Кулешова» в 1999 году.

УДК 314.148 (075)

ББК 60. 7я73

ISBN 985-480-206-X

© Риер Я.Г., 2006

© МГУ им. А.А. Кулешова, 2006

Глава I

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ДЕМОГРАФИЮ

Предмет исторической демографии

Впервые термин **ДЕМОГРАФИЯ** употребил в 1855 г. французский естествоиспытатель и математик А. Гийяр в книге «Элементы статистики или сравнительная демография». В переводе с древнегреческого «демография» – это народописание. Как самостоятельная наука демография довольно молода. Она постепенно сложилась на стыке, прежде всего, истории и развивавшейся с XVII – XVIII вв. в Западной Европе статистики. В последующем проблематика демографических исследований расширялась, отражая стремление охватить все многообразие явлений, влиявших и влияющих на человеческую жизнь.

Среди ныне существующих определений демографии наиболее общим и понятным представляется следующее: *«Демография – это наука, которая на основе анализа социальных, экономических, географических и биологических факторов изучает закономерности явлений и процессов в структуре, размещении и динамике народонаселения»* (Боярский, Валентей, Кваша, 1980). Для уточнения предмета целесообразно познакомиться и с некоторыми иными, более детальными определениями. *«Демография – наука о закономерностях воспроизводства населения, складывающихся при взаимодействии рождаемости и смертности и отражающихся в процессе изменений численности и половозрастной структуры населения»* (Козлов, 1977). Американские исследователи в конце 50-х гг. предложили следующее: *«Демография изучает численность, размещение и состав населения, а также происходящие в них изменения и компоненты этих изменений, которыми могут считаться рождаемость, смертность, пространственное движение и социальная мобильность»* (Цит. по: Шелестов, 1987. – С. 68). Есть и другие определения, уточняющие отдельные аспекты науки. Множественность определений объясняется не только молодостью демографии среди наук о человеке, но, главное, сложностью и многогранностью процессов, влияющих как на существование человечества в целом, так и на жизнь и деятельность каждого отдельного человека.

Демография, как будет показано далее, выросла из стремления разобраться в закономерностях роста и снижения численности людей, уровня смертности и т.д. Но уже с конца XIX в. демографы стали обращаться и за советами к прошлому, к материалам предшествующего времени, чтобы увидеть динамику происходивших процессов. Постепенно изучение демографических явлений минувших эпох привело к выделению **ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ** – отрасли знаний, изучающей демографическими методами (о них далее) исторические явления. Термин начал распространяться с конца 30-х гг. XX в. после издания Материалов III Международного конгресса по народонаселению, хотя встречался и ранее.

В последние десятилетия историческая демография все больше перерастает свои первоначальные рамки и изучает не только изменения в численности населения в различные исторические эпохи, но также изменение брачности, рождаемости и смертности, и все это – в тесной связи с общественной и экономической жизнью. Так историческая демография сложилась в специальную, самостоятельную историческую науку. По Я.Е. Водарскому, *историческая демография в широком понимании – история населения, в узком – изучает закономерности воспроизводства населения в прошлом.*

Надо заметить, что граница между общей демографией и исторической весьма условна. Демографические исследования изначально содержат исторический элемент, ибо изучают процессы, а они – растянуты во времени. То есть корни любого современного общественного явления уходят в прошлое.

Осмысление демографических проблем нашего времени – бурного роста населения так называемых развивающихся стран, старение и даже сокращение численности населения, кризис семьи и брака в развитых странах – требует учета разных составляющих жизни людей и, прежде всего, «скрытых пружин» воспроизводства населения. Это вызывает необходимость анализа особенностей и традиций брачного поведения, плодовитости, детской смертности, половозрастных соотношений, продолжительности жизни и т.п. Причем все это – в динамике, в разные исторические эпохи и на разных территориях. Тем самым демография в ее историческом аспекте смыкается с изучением повседневного быта и поведения, с историей ментальностей. Так демография способствует познанию того, что в современной историографии с подачи французских медиэвистов получило название тотальной истории (А. Имхоф). Цель такой истории – позна-

ние всего, что влияло и влияет на человеческое существование в прошлом и настоящем.

Как видно, проблематика демографии общей и исторической почти совпадает. Но есть и различия. Из исторической демографии исключаются вопросы прогнозирования, столь актуальные для понимания современного развития народонаселения. С другой стороны, хронологические рамки исторической демографии совпадают с рамками исторической науки. Встречающееся мнение о том, что историческая демография занимается только прошлым – ошибочно (См. Демография.... С. 51).

Историческая демография тесно связана с целым рядом специальных исторических дисциплин, таких, как историческая социология, историческая антропология, историческая география, этнография, источниковедение, история медицины и т.п. То есть историки-демографы работают с теми же источниками, что и историки, только изучают их под своим углом зрения и своими особыми методами. Демограф обращается к истории для познания и создания базы для прогнозирования. Историк же обращается к демографии для более полного осмысления исторического процесса. С этой целью важно изучение исторической демографии историками.

Итак, *историческая демография – частная историческая дисциплина, посылно решающая те задачи в отношении прошлого, которые для современности решает общая демография* (Бес-смертный, 1984).

Учитывая интересы и уровень подготовки историков, предлагаемое пособие представляет ознакомление с результатами, но без проникновения в специфическую «исследовательскую кухню» историков-демографов.

Основные понятия исторической демографии

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ (в демографии) – *совокупность людей, одновременно проживающих на определенной территории.* Основная качественная категория в демо-

графии – **ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ** – *обновление населения путем рождаемости и смертности, то есть размножение, но в отличие от животного мира в совокупности биологических (инстинкты) и социальных регуляторов.*

ТИПЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ – одна из основных категорий исторической демографии. Различают 3 основных

типа. Первый – **АРХЕТИП**, характерный для первобытного общества. Он сложился при присваивающем хозяйстве и определялся, по сути, биологическими механизмами. Ограниченность ресурсов породила особое *демографическое поведение*¹: ограничение брачных партнеров, различные табу, особые обычаи выхаживания младенцев с ритуальным детоубийством и каннибализмом.

ТРАДИЦИОННЫЙ ТИП воспроизводства населения сложился в неолите. В странах Западной Европы он начал изживаться в XVIII в., но у многих народов сохранился и в настоящее время. Он связан с аграрной экономикой, ее консерватизмом и ограничениями. Демографическое поведение – уже менее дикое, чем в архетипе, но примитивное, регламентированное традициями, сложившимися с незапамятных времен обрядами и образцами. Оно отражает незрелость индивидуального человека, его растворенность в коллективе. Для этого типа характерна стабильность **демографических обстоятельств** (условий, регулирующих определенный уровень рождаемости и смертности, от которых зависит рост, стабильность или падение уровня народонаселения, численности людей; сюда входит наличие или отсутствие контрацепции, уровень медпомощи).

СОВРЕМЕННЫЙ (РАЦИОНАЛЬНЫЙ) ТИП воспроизводства населения возник в условиях перехода от феодализма к капитализму в Западной Европе с отрывом большей части населения от аграрного мира и патриархальных традиций. В условиях нового разделения труда, появления свободы выбора деятельности и места жительства возникают новые потребности. Снижается смертность. Разрушаются старые регламенты и нормы поведения, в том числе и демографические. Начинается осознанное регулирование брачной модели.

Процесс перехода от одного типа воспроизводства населения к другому ранее назывался **ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ** (ввел французский ученый А. Ландри в середине 30-х гг. XX в.), теперь – **ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ПЕРЕХОДОМ**. Первый такой переход, отмеченный в неолите, был столь резким, что когда это было обнаружено, возник термин «демографическая революция». Но более детальные исследования показали предпочтительность

¹ **ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ** – это система массовых действий, связанных с воспроизводством населения, которая предусматривает особую *брачную модель* (брачное поведение) – возраст вступления в брак, число супругов, возможность разводов. Демографическое поведение – это также следование идеальным представлениям о числе детей в семье, допустимости или недопустимости внебрачных связей и т.п.

второго, не столь категоричного термина. Новый демографический переход происходил в Западной Европе в XVII – XVIII вв., а затем отмечен и в других странах при достижении ими определенного уровня социально-экономического развития и благосостояния.

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ:

– **ЕСТЕСТВЕННОЕ** – процессы рождаемости, смертности, брачности, разводимости;

– **МИГРАЦИЯ** – смена постоянного места жительства;

– **СОЦИАЛЬНОЕ** – динамика изменений численности людей в сословиях, классах и т.д.

ПОКОЛЕНИЕ – совокупность людей, родившихся в одно время.

ПЛОДОВИТОСТЬ. Различается средняя потенциальная плодовитость, то есть среднее число детей, которых может родить женщина в течение всего **репродуктивного периода** (времени биологической возможности для родов, примерно от 15 до 50 лет), – 10-12 детей. Но реальная плодовитость (**фертильность**), помимо физического состояния, определяется поведением, особым для каждого типа воспроизводства, и включает в себя **БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ** (см. **БРАЧНАЯ МОДЕЛЬ**), **ПОЛОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ**, которое определяется культурными традициями (допущение и недопущение внебрачных (добрачных) связей, регулирование половой жизни), **АКТИВНОЕ ПОЛОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ** (регулярная половая жизнь) и **ПАССИВНОЕ ПОЛОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ** (временное или постоянное воздержание), **РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ** (степень распространенности абортов и контрацептивов).

Все это вместе взятое и образует **СТРУКТУРУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ**, влияющую на рождаемость. Есть еще и структура демографического поведения, влияющая на смертность. Но об этом – в следующей теме.

Источники исторической демографии

Основной источник по динамике народонаселения – статистические документы: переписи, метрические книги, податные списки. Но массовыми они стали лишь с XVII в., да и то только в Европе. Дописьменная же история вообще, естественно, лишена статистики. Информация древних авторов, весьма отрывочная, пестрит фантастическими цифрами, обычно сильно округленными и преувеличенными. Причина – не только в слабой информированности древних, но и в тогдашней психологии

и целях исторических сочинений. Занимательность ценилась выше точности, а преувеличенные округленные числа были призваны подчеркнуть важность событий и поразить воображение читателей. Уважение к точным числам вообще было чуждо и древнему, и средневековому человеку.

Еще более специфичны, понятно, в отношении статистики первобытные общества, изучение которых настолько своеобразно, что ряд исследователей выделил **ПАЛЕОДЕМОГРАФИЮ**, которая опирается, прежде всего, на материалы археологических раскопок. По ним можно установить количество жителей исследованных поселений, число и размеры семей, выяснить экологические возможности территорий (сколько людей может прокормить данная местность при определенном уровне развития техники). Изучение могильников позволяет антропологам устанавливать пол и возраст погребенных, нередко – причины смерти, болезни.

Хотя полностью исследованных поселений и могильников в разных местах Земли еще немного, общее представление о развитии человеческой **популяции** (с франц. – «народонаселение») в огромном отрезке времени от появления первых гоминид и до рубежа IV – III тыс. до н.э., палеодемография дает. Значительно дополняет ее и **ЭТНОГРАФИЯ**. Изучая повседневную жизнь современных отсталых народов, этнографы, не прибегая к гипотезам и предположениям, могут реально собирать вполне достоверные данные о самых разных демографических параметрах в жизни этих народов. Но известно, что при общении с современной цивилизацией многие народы, находящиеся на стадии первобытности, быстро меняют свое поведение. С другой стороны, закономерности в демографии проявляются лишь при длительных наблюдениях. Поэтому очень важны сведения первых путешественников, миссионеров и других очевидцев, оставивших свои записи. Скудость археологических и палеонтологических данных делает этнографические материалы наиболее ценными для демографии ранней первобытности (каменного века, по археологической периодизации).

Наиболее ранние письменные источники, поддающиеся прочтению, относятся к рубежу IV – III тыс. до н.э. Но в достаточном числе они появляются лишь в III – II тыс. до н.э. Однако эти ранние письменные материалы почти не содержат демографических сведений. Более правдоподобные данные появились только в античное время. С IV в. до н.э. в Греции практиковались переписи взрослых мужчин. В Риме с V в. до н.э. и до II в. н.э. проводились регулярные переписи (цензы) численности и имущества граждан. Существовали специальные цензоры, среди

которых в свои последние годы числился и Гай Юлий Цезарь. Отдельные переписи известны и в древнем Китае.

Но для остальной территории человеческой ойкумены, находящейся вне пределов древних цивилизаций, актуальными остаются палеодемографические методы. Однако археологически относительно подробно исследованы только Европа, Кавказ, Средняя Азия. Значительные пространства Азии, Африки, Америки палеодемографически изучены слабо.

Средневековье не принесло исторической демографии существенного прироста информации. Огромные числа с тысячами и даже сотнями тысяч людей были риторическими приемами. Стремления к точности не было ни среди писателей, ни среди читающих. Но постепенно, прежде всего в Европе, нарастает количество письменных источников по отдельным поселениям, владениям, особенно церковным. На этой основе вычисляются размеры семей, плотность и численность населения по регионам.

С развитием городов информация становилась более полной и точной. Но массовая статистика, как отмечалось, складывается в Европе с рубежа XVII – XVIII вв., когда начинается регулярный административный и церковный учет населения. Первоначально, как правило, организовывалась церковная статистика (учет родившихся, умерших, венчавшихся, количество прихожан). Эти данные использовались государственными органами при определении численности жителей в стране.

Понимание важности фиксации возраста, дат рождения начало формироваться в Западной Европе с XVI в., но только среди образованных верхов (ученых, аристократов). В XVII в. там стала складываться традиция отмечать знаменательные семейные даты. Но в простонародье незнание точных дат рождения сохранялось до XVIII в.

С 20-х гг. XVIII в. в ряде стран предпринимались попытки поголового учета всего податного населения. Это делали в России с 1719 г., затем – в германских государствах. Надо заметить, что вследствие специфической роли государства в России учет населения в ней начался даже раньше, чем в Западной Европе: уже в середине XV в. население Новгородской земли описывалось в так называемых «Писцовых книгах». Еще более тщательный контроль за российским населением отмечен со второй половины XVII в., с окончательным оформлением крепостничества. С середины XVIII в. поголовные ревизии населения становятся в Европе регулярными. Тогда же стали фиксировать даты рождения в приходских книгах.

Данные об этнической структуре населения Европы стали собирать с конца XVIII – начала XIX в. Тогда же начали проводиться и регулярные научно организованные переписи населения (в отличие от ревизий более полные и точные), прежде всего – в Западной Европе и Скандинавии. В течение XIX в. совершенствуются методики переписи, появляются теории, единые программы, учитывается этнический и конфессиональный состав населения. В 1872 г. на Международном статистическом конгрессе в Петербурге было рекомендовано специально регистрировать национальную принадлежность на основе самоидентификации опрашиваемых (а до этого за основу брали язык). Но только в 20-е гг. XX в. это предложение стали использовать на практике, а ведущим такой метод стал только после Второй мировой войны.

Таким образом, подушный учет населения в Европе стал организовываться с XVIII в., и в XIX в. он постепенно переводится на научную основу. Но и до настоящего времени даже в Европе демографическая статистика знает далеко не все.

Во всем мире к началу XIX в. учетом было охвачено не более 1% всего человечества, а в начале XX в. – чуть более половины населения Земли и гораздо меньше половины жителей Азии, причем качество переписей там было низким. Исключение составлял Китай, где традиции учета населения восходят еще к древности, к династии Чжоу (XII – III вв. до н.э.). Регистрация хозяйств и отдельных лиц проводилась во времена династии Хань (III в. до н.э. – начало III в. н.э.), а также в Средние века. Но только с середины XVIII в. переписи в Китае стали регулярными.

В других регионах Азии такой системы учета не было. Только с 70-х гг. XIX в. европейские колонизаторы сами начали проводить довольно тщательные переписи в колониях.

В Северной Америке учет населения по хронологии и методике был близок европейскому. В Латинской Америке податной учет начался с XVIII в., а переписи – со второй половины XIX в. В Африке некоторые районы не изучены и поныне.

Становление исторической демографии

Несмотря на молодость исторической демографии как науки, проблемы взаимосвязи народонаселения с другими сторонами жизни человеческого общества интересовали ученых уже в древности. Прежде всего, это связано с изучением влияния численности населения на благосостояние страны. Хотя ранние воззрения об этом носили обычно чисто умозрительный характер в сочетании с

бытовым опытом (на уровне здравого смысла), они интересны демонстрацией развития демографических представлений от простых к научным, адекватно отражавшим реальность.

Уже Конфуций (551 – 479 гг. до н.э.) обращал внимание на необходимость соблюдения равновесия между численностью населения и количеством земли в государстве. Недостаток людей ведет к упадку, перенаселенность; избыток – к росту бедности среди подданных, особенно среди низов. Это был, так сказать, государственный подход. Выразитель интересов мелких китайских землевладельцев, нуждавшихся в работниках, Мо-Цзы (479 – 400 гг. до н.э.) рассматривал рост населения как безусловное благо и рекомендовал его поощрять, в том числе и ранними браками. Потому же он отрицательно относился к войнам, приводящим к убыли населения. Но китайские реалии привели к усилению влияния противников роста населения. Так, основатель школы законников Хань Фэй-Цзы (ок. 280 – 233 гг. до н.э.), опираясь на историю развития землевладельческого хозяйства, показывал, что рост древнего населения вызвал дробление богатств и, как следствие, недовольство людей их существованием, смуты и трудности для властей. Так формировались представления о зависимости благосостояния людей от их численности и размеров природных ресурсов. Близок к этим воззрениям был и основатель даосизма Лао-Цзы (начало н.э.): «Пусть государство будет маленьким, а население – редким».

Наоборот, индийский мыслитель Каутилья (IV в. до н.э.) исходил из того, что редкое население – бедствие для государства: «Сила государства состоит в людях. Безлюдная земля подобна бесплодной корове – что можно из нее выдоить?». Он – за всяческое поощрение рождаемости, против чрезмерных налогов, заставляющих людей покидать страну. Это отражало тогдашнюю ситуацию в Индии: огромная убыль населения из-за эпидемий и войн.

Противоположная ситуация существовала примерно в то же время в Греции, где возникла относительная перенаселенность. Поэтому Платон (428 – 347 гг. до н.э.), опираясь на афинские реалии, доказывал, что число семей в государстве не должно превышать 5040 и предлагал регулировать деторождение. Аналогичного мнения придерживался и Аристотель (384 – 322 гг. до н.э.), допускавший для ограничения роста населения аборт и даже детоубийства. Контроль за рождаемостью и вообще за семейными делами, считали оба мыслителя, должно осуществлять государство.

Римляне рассматривали проблемы народонаселения применительно к большой стране и в противоположность грекам проявляли заинтересованность в росте населения, прежде всего для ведения войн.

Много внимания продлению рода и размножению уделялось в древнееврейских текстах. Бесплодие, как и вообще на Ближнем и Среднем Востоке, рассматривалось в религиозной и философской литературе как большое несчастье.

Христианские авторы рассматривали вопросы народонаселения почти исключительно с точки зрения морали и этики. Они осуждали полигамию, разводы, аборт, детоубийство, восхваляли девственность, воздержание, неодобрительно относились к повторным бракам. Но огромная убыль населения в Средние века, нередко порождавшая в Европе страх перед депопуляцией (вымиранием), способствовала преобладанию в церковной среде воззрений о пользе роста населения и необходимости укрепления семьи, ибо только она обеспечивает необходимые условия для рождения и выхаживания детей. Специальных демографических теорий в средневековой Европе не сложилось.

Взгляды мусульманских авторов близки древнееврейским и раннехристианским. Наиболее разработанными считаются демографические воззрения Ибн Хадлуна (XIV в.), доказывавшего положительную роль большой плотности населения на хозяйственную жизнь и безопасность государства. Основываясь на широких исторических наблюдениях, этот арабский мыслитель доказывал зависимость уровня народонаселения от экономического благосостояния, показывал, что не численность людей влияет на экономику, а наоборот.

Специальный интерес к народонаселению в Европе возобновился в эпоху Возрождения. О необходимости специальной государственной демографической политики писали в XVI в. Н. Макиавелли и Ж. Боден. Географические открытия, познакомившие европейцев с огромным, богатым, но малозаселенным миром, способствовали распространению популяционистских воззрений, обосновывавших поощрение роста населения. Испанский философ Фахардо (XVI в.) предложил своеобразную популяционную формулу, согласно которой силы короля измерялись числом его подданных: в их увеличении заключается достоинство короля. Наоборот, малочисленность подданных – позор, бесчестье для короля.

Но были и обратные суждения. В частности, в Англии в середине XVI в. отмечены взгляды, осуждавшие избыток населения, приносящий упадок государству.

Противоречивые оценки значения численности людей породили и научный интерес к народонаселению. Первым термин «народонаселение» (population) применил, по-видимому, английский философ Ф. Бэкон (1561 – 1626), но им еще долго не пользовались. Лишь со времен Вольтера и Дидро, с 1750 г., его стали применять наряду с терминами «страна», «народ».

Систематическому изучению народонаселения способствовало становление мануфактурного производства, требовавшего учета населения и понимания динамики его роста. На развитии демографической мысли XVII – XVIII вв. в Европе сказалась философия меркантилизма. Его сторонники видели в «густоте и многолюдности людей источник мощи и богатства государства». Исходя из этого, меркантилисты призывали создавать благоприятные условия для роста населения, в том числе путем поощрения браков и больших семей, улучшения общественного здравоохранения, сокращения эмиграции и, наоборот, поощрение иммиграции, особенно квалифицированных рабочих.

Но, наряду с представлениями о благе безудержного роста населения, среди меркантилистов раздавались и трезвые голоса о необходимости согласования численности населения каждого государства с наличием определенного объема средств существования. В целом меркантилисты пытались установить причинно-следственные связи между численностью населения и уровнем богатства в государстве. Их идеи нашли практическое воплощение в деятельности французского министра финансов Ж. Кольбера (1619 – 1683), который провел в жизнь ряд законов, направленных на поощрение роста населения во Франции, стимулировал иммиграцию и ограничивал выезд из страны.

Но идеи меркантилистов вызвали возражения у так называемых физиократов, выступавших против государственного вмешательства в хозяйственную деятельность и жизнь людей вообще. Они были за «естественный порядок». В противоположность меркантилистам физиократы считали основой в жизни общества не торговлю, а сельское хозяйство. Поэтому они поддерживали рост населения, только если это соответствовало аграрным ресурсам и увеличивало их.

Наиболее известный из физиократов француз Ф. Кенэ (XVIII в.) подчеркивал, что больше внимания следует уделять не росту населения, а росту богатств в обществе. Но, констатировали Кенэ и его сторонники, население обычно растет быстрее объема производства средств существования. Поэтому во все времена есть люди, живущие в бедности. Вывод, логичный для

тогдашнего хозяйственного уровня: главное – рост сельскохозяйственного производства.

Оптимистические взгляды ученых XVII – XVIII вв. на возможности обеспечения продовольствием растущего населения достигли наибольшего признания во времена Французской революции. Среди самых активных апологетов таких взглядов были английский философ-утопист и один из основоположников теории анархизма Годвин и французский философ и математик Кондорсе. Годвин безгранично верил в научный прогресс, который приведет к такому уровню, что для удовлетворения своих потребностей людям в будущем будет достаточно работать не более часа или полутора часов в день. Но такое изобилие, считал Годвин, не приведет к чрезмерному росту населения, так как образованный человек сумеет преодолеть половой инстинкт и стремление к размножению. Таких же воззрений придерживался и Кондорсе, который к тому же полагал, что наука сможет продлить и продолжительность жизни без ухудшения ее качества.

Наряду с такими надеждами, порожденными первыми успехами естественных наук, общие потребности развития раннекапиталистического производства в соединении с воззрениями меркантилистов на народонаселение, способствует зарождению и собственно статистики населения в форме так называемой **политической арифметики**.

Основоположник классической буржуазной политэкономии В. Петти развил теоретические воззрения своих предшественников-меркантилистов. Его выражение «Малое население – вот подлинная бедность» стало нарицательным. Ибо малое население было неспособно использовать естественные богатства страны. Но Петти пошел дальше меркантилистов, видевших главный источник богатств в развитии торговли. Он указал на значение производительности труда и в связи с этим призывал к систематическому учету населения.

Методы статистического учета впервые были изложены англичанином Д. Граунтом, в 1662 г. опубликовавшим «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности». Автор проанализировал данные о погребениях и крещениях в Лондоне за 60 лет и стал первым, начавшим работать с конкретными материалами. По мнению многих, именно Граунт положил начало демографии как науки, хотя название свое она получила только в XIX в.

Одновременно с Граунтом итальянский астроном, иезуит Д. Ричиолли сделал первую попытку рассчитать общую числен-

ность европейского населения. Он же попытался подсчитать и число древних людей. Но при отсутствии точных данных и неразработанности методов научной критики источников результаты этих подсчетов были далекими от истины и в отличие от работы Граунта к науке относятся условно. Однако важно отметить зародившийся интерес к подобным исследованиям: образованные европейцы хотели поточнее знать о человеческой популяции, причем в развитии.

Дело Граунта продолжили другие английские исследователи. Среди них был известный математик и астроном Э. Галлей, заметивший зависимость роста населения от уровня благосостояния. В частности, он отметил, что при решении вступить в брак большинство людей исходит из перспективы забот и бремени содержать семью, а рост населения сдерживался неравным распределением собственности и земли.

Постепенное накопление в XVIII в. статистических данных, особенно в Англии и германских государствах, переводило дискуссии о причинах развития народонаселения в конкретную экономическую плоскость. Хотя до подлинной науки еще было далеко. Например, прусский ученый П. Зюссмильх, проведя серию исследований о причинах смертей в разных возрастных группах, брачности и т.д., в закономерностях развития народонаселения видел, прежде всего, «божественную руку провидения».

На рубеже XVIII – XIX вв. зарождается интерес к описательной (государственной) статистике. Известный тогдашний историк А.-Л. Шлецер писал: «История – это статистика в движении, статистика – это неподвижная история». Так в научной среде постепенно формировалось представление о взаимосвязи исторических и демографических процессов. В начале XIX в., кстати, термин «народонаселение» стал применяться в России как научный, в отличие от обиходного – «население». Но проблемы народонаселения продолжали привлекать, прежде всего, экономистов.

Английский экономист Дж. Стюарт писал об обусловленности «населенности отдельных стран» условиями развития сельского хозяйства и ростом промышленности. Но Стюарт указывал на зависимость роста населения и от общественных порядков. Сходную точку зрения высказывал и швейцарский экономист П. Герреншванд. Он обратил внимание и на то, что «разные земледельческие народы» по-разному удовлетворяют свои нужды и поэтому законы развития народонаселения у них различны. Также они различны и у разных классов (например, у рабов и рабовладельцев).

Анализировали экономические факторы воспроизводства населения и классики экономики эпохи становления капитализма А. Смит и Д. Рикардо. Помимо прочего, они стремились уяснить воздействие механизма капиталистического производства на процессы естественного движения населения. Динамика изменения численности населения их интересовала в связи с воспроизводством рабочей силы. Исходной предпосылкой роста народонаселения Смит считал его трудолюбие, развитие процессов разделения труда и накопления капитала, регулировавших спрос на рабочую силу. «Спрос на людей, как и спрос на всякий товар, необходимо регулирует производство людей – ускоряет его, когда оно происходит слишком медленно, задерживает, когда оно происходит слишком быстро». Но, признавал Смит, предел роста населения зависел от естественных возможностей пропитания людей. Рикардо обратил внимание на исходную предпосылку роста народонаселения, а именно – на особенность трудовой деятельности рабочих. Решающей он считал взаимосвязь пределов размножения населения с возможностями сельскохозяйственного производства.

В целом, оценивая эволюцию теоретических воззрений на народонаселение в период становления и победы капитализма в Западной Европе, можно сделать вывод, что признание положительного, стимулирующего значения роста народонаселения на развитие общества и его экономики принадлежит в основном идеологам меркантилизма и физиократам.

Накопление противоречий, вызванных, с одной стороны, разложением старой землевладельческой аристократии (в ходе изживания и ликвидации феодальных порядков), а с другой (с издержками первоначального накопления) – разорением крестьянства и бедностью рабочего класса, вызывали и иные подходы к проблемам народонаселения. В среде и старой аристократии, и новой буржуазии все более распространяются идеи о вредности, даже губительности роста народонаселения, которое, как тогда полагали, растет в геометрической прогрессии. Автором этой теории считается англичанин М. Гэль (1609 – 1676). По его расчетам, за 34 года население может вырасти в 4 раза. И лишь разного рода препятствия (болезни, голод, войны, стихийные бедствия), являясь орудиями бога, сдерживают рост населения. Гэль считал, что бог не только наказывает род человеческий за его грехи и преступления, но также «удерживает от размножения людей в надлежащей пропорции и мере, чтобы для них хватило места на свете и чтобы земля могла их кормить». Общий вывод

ученого был пессимистичным, ибо он считал, что рост населения не удержим ничем и поэтому существование человечества не может быть вечным. Эту теорию активно поддержал итальянский экономист Д. Ортэс (1713 – 1790). Он считал, что в реальной жизни целибат столь же полезен, как и брак. Но невозможность регулирования роста населения требовала иных подходов.

В такой обстановке и появилась знаменитая концепция Т.-Р. Мальтуса (1766 – 1834). В 1798 г., тогда еще не известный широкой читающей публике викарий одного из церковных приходов Северной Англии, выходец из дворян и выпускник иезуитского колледжа, он выступил с анонимным памфлетом «Опыт о законе народонаселения и его воздействие на улучшение общественного благосостояния, ответ на замечания гг. Годвина, Кондорсе и других авторов». Спустя 5 лет он издал расширенный вариант «Опыта...». Затем 30 лет преподавал историю и политэкономии, выпустив «Начала политической экономии» и ряд других монографий.

В «Опыте...» Мальтус обобщил точки зрения ранних идеологов капитализма, опиравшихся в анализе человеческой деятельности на биологические законы. Он отвергал идеи критиков капитализма Кондорсе, Годвина и других о том, что в «естественном обществе» все дары природы будут общим достоянием и на основе непрерывного развития науки препятствия росту народонаселения будут преодолеваться. Мальтус отвергал мысли об эгалитарном обществе (со всеобщим равенством) с непрерывным прогрессивным развитием и предвидел неизбежность развития классового общества, в котором бедные обречены довольствоваться простым существованием. «Порок и нищета, которые сдерживают рост населения, – писал Мальтус, – от неизменности законов природы и человека. Идеи Годвина о будущем всеобщем равенстве противоречат природе человека». Он подчеркивал: «Состояние равенства не подходит для выработки стимулов к труду». Именно в росте народонаселения Мальтус видел главную причину нищеты. Суть закона народонаселения, по Мальтусу, в человеческом стремлении к безудержному росту населения. Человечество растет в геометрической прогрессии, тогда как средства существования – только в арифметической. Естественным выходом из тупика он считал эпидемии и войны, которые стихийно регулировали приемлемую на данный период численность народонаселения.

Эта теория нашла много приверженцев не столько среди демографов, сколько среди политиков и апологетов капитализ-

ма, ибо объявила объективными все основные пороки тогдашнего капиталистического развития. Столь же много у Мальтуса оказалось и противников среди выступивших против капитализма. Но и в научной среде постепенно были найдены контраргументы. Их дала сама историческая практика. Первая научная критика Мальтуса прозвучала в середине XIX в., когда ряд исследователей с цифрами в руках опровергли его основной тезис об удвоении в XVIII в. населения через каждые 25 лет. Современная демография выяснила, что Мальтус абсолютизировал сельскохозяйственное производство, проигнорировав остальные сферы экономики. К тому же он опирался на ситуацию в отсталом аграрном строе Франции XVII – XVIII вв., не увидев начавшийся промышленный переворот в Англии. Но Мальтуса продолжают помнить до сих пор, ибо, не разрешив проблему соотношения между типом воспроизводства народонаселения и сложившимися в данном обществе условиями, он начал разрабатывать эту проблему тогда, когда она приобрела актуальность, привлек внимание к проблеме обнищания и безработицы.

В том числе и под влиянием дискуссии, вызванной Мальтусом, во второй половине XIX в. демографические изыскания в Европе активизировались. В ряде исследований изучаются вопросы численности населения на различных этапах исторического развития. Наиболее результативным, не потерявшим значение и в настоящее время, было исследование немецкого историка античности К.Ю. Белоба. В 1886 г. вышла из печати его книга «Население греко-романского мира». В предисловии ученый поставил задачу перейти от разрозненных характеристик к обобщенному во времени и пространстве показу истории населения, которую он считал частью истории хозяйства. В начале XX в. он опубликовал ряд статей о европейском населении эпох средневековья и Возрождения.

Если Белох в своих исследованиях опирался только на количественные методы (на числовые данные источников), группа французских ученых под руководством Э. Левассэра продемонстрировала иной подход. В изданном в 1889 – 1892 гг. трехтомнике по истории населения Франции авторы попытались разработать схему связи плотности населения и уровня экономического развития, считая, что именно этот уровень и определяет населенность той или иной местности.

Полемика, вызванная выступлением Мальтуса, способствовала также углублению теоретических изысканий о народонаселении. К роли роста и плотности населения в общественном

прогрессе обратился создатель позитивистской школы француз О. Конт (1798 – 1857). Он в отличие от Мальтуса был более оптимистичен в отношении будущего человечества. «Совершенное развитие человеческой природы и более точное знание законов социальной динамики, – писал Конт, – несомненно создадут новые средства для успешной борьбы с этим бедствием» (перенаселенностью – Я.Р.). Конт, кстати, одним из первых обратил внимание на то, что в понятие «народонаселение» надо включать не только его рост, но также плотность заселенности и среднюю продолжительность жизни.

После Конта в позитивистской социологии усилился крен в сторону биологизации общественных процессов, что особенно проявилось в концепции английского социолога Г. Спенсера (1820 – 1904). Он перенес на человеческое общество биологические законы. Механизм действия демографических факторов на общество, по Спенсеру, состоит в том, что избыточная плодовитость ведет к «тесноте», в условиях которой начинают действовать законы борьбы за существование. Это порождает вечную потребность в совершенствовании ума, ловкости и т.п. Другая идея Спенсера – будущее освободит человечество от необходимости контролировать рост своей численности, ибо усложнение социальных отношений ведет к росту индивидуализации в поведении человека, росту потребности в материальных благах, которое постепенно притупляет инстинкт размножения. Снижение плодовитости, считал Спенсер, является следствием и биологической эволюции человеческого организма из-за возрастания умственной деятельности. Это особенно проявляется в вовлечении в общественное производство женщин. Их трудовая деятельность загрузит их ум, улучшит здоровье и снизит плодовитость.

Идеи Спенсера и сторонников его взглядов способствовали формированию в социологии и демографии направления, названного демографическим детерминизмом.

Особенно много сторонников указанное направление приобрело во Франции, где наиболее крупной фигурой стал социолог Э. Дюркгейм (1858 – 1917). Рост населения, по его мнению, вызывался разделением труда, а с ним и расширением рынка. Последнее вызывает конкуренцию, которая требует мобилизации всех умственных и физических сил. Это развивает способности людей, что ведет к созданию новых продуктов, изменению характера производства и дальнейшему разделению труда. Следствием является рост городского населения и индивидуализа-

ция жизни людей, разрушающие традиционные стереотипы поведения, ослабляющие стабильность семейных уз и снижающие рождаемость.

В рамках демографического детерминизма французский экономист и социолог А. Кост (1842 – 1901) разработал демографо-детерминистическую картину хода всей мировой истории, выделив, основываясь на росте населения, 6 эпох человеческого развития. От Коста берет начало так называемая «демографическая школа», в основе которой – учение об определяющей роли демографического фактора в человеческой истории. Свою концепцию Кост противопоставлял марксовой. «Я определенно не вижу исторического материализма, – писал он, – в объяснении ни прошлого, ни будущего человеческого общества; он объясняет только настоящее». Ограниченность марксизма Кост видел в выведении всех общественных явлений только из экономического фактора. Но, отметим, преувеличение демографического фактора Костом и его школой – тоже односторонность.

Идеям указанной школы был не чужд и известный русский этнограф М. Ковалевский. Сложение данной школы отразило распространившееся понимание роли демографических процессов в общественном развитии. Но при этом игнорировалось обратное влияние экономики и социальных отношений на народонаселение.

Тем не менее внимание к демографии сказалось на развитии исследований по истории учета населения, динамики его численности, факторов, влияющих на нее. На рубеже XIX – XX вв. появляются работы о жертвах войн, истории чумных эпидемий, голодовок, распределении населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности людей. Публикуются монографии и статьи о численности населения в древности и средневековье (помимо вышеупомянутого Белоха). В работах немецких ученых Э. Мейера и К. Инама-Штернегга впервые были предприняты попытки систематически изложить историю народонаселения от рабовладения до конца XVIII в. Но преобладали работы по динамике численности населения. Однако незначительность известных тогда источников и несовершенство методики их обработки приводили ко многим ошибочным выводам, неточность коих стала известна лишь впоследствии.

В 30-е гг. XX в. американский демограф У. Уилкоккс и его английский коллега А. Карр-Саундерс произвели оценки численности населения мира и континентов с 1650 г. Их работа была

положительно оценена и сыграла определенную роль в выработке современных историко-демографических представлений, которые впоследствии использовала и ООН. Тогда же были выполнены более полные расчеты и по раннему времени.

На основании добытых сведений в 30 – 40-е гг. была выработана концепция демографической революции. Одним из ее авторов был французский демограф А. Ландри, опубликовавший в 1934 г. свою концепцию в книге «Демографическая революция». Он выделил 3 основных режима воспроизводства населения, характерных для основных этапов человеческой истории. Эта концепция в основном принята современной наукой и будет рассмотрена далее.

Новый этап историко-демографических исследований начался после Второй мировой войны, когда демографические исследования стали интегрироваться в исторические работы, что отразило складывание системного подхода в исторических исследованиях, начало которому было положено еще в 30-е гг. французскими историками М. Блоком и Л. Февром. Они выдвинули и разрабатывали идею объединения всех наук, изучающих человеческую историю, в единый комплекс. Историки данного направления стали обращаться к представителям многих наук с вопросами о влиянии биологических, природных или иных факторов на человека в разные эпохи. Соответственно, в других научных направлениях стали выделяться области, связанные с историей. При таких обстоятельствах и сложилась историческая демография как особая научная дисциплина.

Начало изучению взаимосвязи истории и демографии положили работы французских ученых Л. Шевалье и М. Рейнара, опубликовавших во второй половине 40-х гг. статьи, в которых показали значение для историков демографических исследований. Рейнар предложил «омолодить историю с помощью демографии». Таким образом, осознается необходимость объединения знаний и методик обеих наук.

Становление исторической демографии как науки повлекло за собой появление серии методических работ типа «Руководство по исторической демографии» и «Введение в историческую демографию», изданных в Западной Европе в 60 – 70-е гг.

Наиболее интенсивно историко-демографические исследования развернулись во Франции, прежде всего, очевидно, из-за проблемы крайне низкой рождаемости, встревожившей общественность. С 50-х гг. подобные работы стали интенсивно разворачиваться и в других западноевропейских странах, что тоже

стимулировалось снижением численности населения в них и его увеличением в слаборазвитых государствах. Как видно, развитие исторической демографии определялось стремлением найти в истории объяснение современных демографических процессов на Западе с помощью изучения «доиндустриальных обществ».

Другим важным стимулом историко-демографических исследований стало усиление внимания мирового сообщества к глобальным экономическим и социальным изменениям, непосредственно связанным с демографическими процессами. Для этого потребовалась опора на конкретно-исторический материал о развитии народонаселения в прошлом.

Подъем историко-демографических исследований был связан также с успехами в развитии демографического анализа, совершенствованием методик. Ученые научились так моделировать демографические процессы, что стало возможным их изучать и по отрывочным, неполным данным. Все указанное породило своеобразный бум в историко-демографических исследованиях на Западе в 60 – 70-е гг. XX в.

Наряду с традиционными исследованиями о народонаселении в отдельных странах и регионах, особенно с эпохи появления статистики, с XVII – XVIII вв., появились и новые направления. Наибольшее число работ было посвящено восстановлению истории семей с помощью особого метода, разработанного во второй половине 60-х гг. В основе этого метода – тщательное изучение в архивах (особенно местных) материалов об отдельных семьях, родах, династиях. Одним из создателей метода был французский исследователь Ф. Ариес, впервые применивший его в «Истории французского населения и его отношения к жизни в XVIII в.», изданной в 1948 г. Этот метод позволил во многом по-новому взглянуть не только на историю семьи, но и на ее внутренний мир в наше время, в частности, на представления о рождаемости. С середины 60-х гг. XX в. в рамках данного метода изучаются домохозяйства, отношения взрослых и детей.

С работ бельгийца Р. Молса в середине 50-х гг. XX в. начались исследования по истории населения городов, главным образом в Западной Европе. Тогда же появляются основанные на современной методике работы по истории населения Земли. Ряд изданий выдержала опубликованная тогда монография западногерманских ученых Э. Кирстена, Э. Бухгольца и В. Кельмана «Территория и население в мировой истории». Уже упоминавшийся Рейнар и А. Арменго во Франции рассмотрели первобыт-

ную демографию в монографии «Всеобщая история мирового населения». В 1970 г. была опубликована книга П. Гийома и Ж. Пуату «Историческая демография» с очерком истории народонаселения XVII – XX вв. В разных странах все больше появляется статей по рассматриваемой проблематике.

Нарастание исследований потребовало международной консолидации, и происходивший в 1960г. в Стокгольме XI Международный конгресс исторических наук признал необходимость создания Международной комиссии по исторической демографии. В 1963 г. в Льеже был проведен первый историко-демографический коллоквиум. Тогда же в Париже по инициативе Рейнара было создано Общество исторической демографии, в которое во второй половине 70-х гг. входило около 400 ученых из 30 стран. С 1964 г. в Париже стал издаваться ежегодник по исторической демографии. Вскоре и в других странах создаются общества изучающих историческую демографию. К середине 70-х гг. только в Европе насчитывалось 24 центра и группы по изучению исторической демографии, 15 центров находились вне Европы.

В 70 – 80-е гг. в США большое внимание уделяется истории поколений, семей, жизненных путей и т.п. Создан ряд историко-демографических центров во многих университетах. В 1980 г. из 295 исторических факультетов американских университетов 152 имели учебные курсы по истории женщин, 7 – по истории семьи, 43 – по исторической демографии в целом. Как видно, в отличие от европейских коллег, обративших основное внимание на проблему трудовых ресурсов семьи и передачу собственности от поколений к поколениям, в США изучались, прежде всего, вопросы родительства, воспитания детей, экономические основы функционирования семьи.

Уже отмеченное обращение историко-демографов к древним эпохам привело их к археологическим и палеоантропологическим источникам, что способствовало становлению палеодемографии. Здесь прежде всего следует отметить достижения американцев. В 1960 г. В. Хауэлл опубликовал работы по оценке численности населения по данным археологии и костных останков, а Е. Диви попытался рассчитать эту численность для всей человеческой ойкумены эпохи палеолита. Затем появились и другие работы по палеографии. И хотя по сравнению с наивными рассуждениями XVIII в. и отдельными исследованиями конца XIX в. эти работы опирались на более полные данные и современные методики, подсчеты все равно приходилось вести по косвенным данным, что вызывает дискуссии среди специалистов.

В странах Центральной Европы активизация историко-демографических исследований началась с конца 50-х гг. Там помимо конкретных исследований появилась и теоретическая литература, а также периодические издания по нашему предмету. Особенно этим отличалась тогдашняя Чехословакия, где сложилась устойчивая традиция междисциплинарных связей различных исторических отраслей. Там же в начале 80-х гг. историческая демография была введена в качестве специальной дисциплины в высшие учебные заведения.

Историческая демография в СССР долгое время официально не отделялась от общей демографии. Хотя уже с конца 20-х гг. появилось несколько типично историко-демографических работ: «Смертность в России и на Украине в конце XIX в.» (М.В. Птуха), «Динамика народонаселения СССР за 80 лет» (Е.З. Волков). Но затем по отечественной демографии до 50-х гг. ничего существенного не издавалось. В 30-е гг. в борьбе за «чистоту» мировоззрения демографы в СССР были обвинены в преувеличении роли своей науки, и в 1934 г. власти закрыли Демографический институт АН СССР в Ленинграде. Спустя 4 года был закрыт аналогичный институт в Украине. Демографические исследования замерли почти на 30 лет. Среди причин гонений на демографов было и то, что они изучали продолжительность жизни, семейные отношения, воспроизводство, что не соответствовало тогдашним идеологическим установкам – оправданию человеческих жертв в борьбе за социализм, самопожертвования, пренебрежения здоровьем и личными интересами ради достижения общей цели. Интимные отношения, как и в Средние века, выводились за рамки общественных и человеческих интересов. На затухании демографических исследований сказалось и засекречивание статистики (итоги предвоенной переписи вообще были аннулированы с репрессиями против ее организаторов).

Исключение в те годы составили лишь работы по зарубежной демографии. Среди них – книга П.И. Куркина о смертности и рождаемости в зарубежной Европе XIX – начала XX в. и Б.Ц. Урланиса об истории американской демографической статистики. Но наиболее значимой стала изданная в 1941 г. монография Урланиса «Рост населения в Европе. Опыт исчисления». Впервые в советской литературе в ней был рассмотрен период от XI в. до 1940 г. Развитие демографических процессов также впервые было сопоставлено с изменениями в способах производства, со сменой общественно-экономических формаций, то есть с марксистской концепцией истории. В этом – сильная и слабая сто-

роны этой книги, как, впрочем, и всех советских общественных наук. Выделение социально-экономического аспекта в демографическом развитии было важным, тем более что западные демографы часто не уделяли этому должного внимания. Но придание ему решающего значения тоже приводило к односторонности, которая стала преодолеваться только теперь, в иных исторических условиях. Но по фактическому материалу работа Урланиса сохранила свое значение и поныне, ибо остается пока единственной подобного рода книгой на русском языке.

Как и в остальной Европе, активизация историко-демографических исследований отмечается в СССР после Второй мировой войны. В конце 40 – начале 50-х гг. было опубликовано несколько исследований о демографических процессах на территории СССР XIX – начала XX в. Основное внимание уделялось динамике численности населения и влияющим на нее процессам. Во второй половине 50-х гг. появляются исследования по исторической демографии Европы и мира в целом. Особое внимание уделялось влиянию войн на демографические процессы. Среди обобщающих исследований на эту тему следует указать на монографию Урланиса «Войны и народонаселение Европы» (1960 г.), охватывавшую XVII – XX вв., и исследование М.С. Авербуха «Войны и народонаселение в докапиталистических обществах» (1970 г.).

Но в целом объем историко-демографических исследований в СССР 50 – 60-х гг. еще был явно недостаточным, ибо оставались неизученными многие проблемы демографии прошлого. В первую очередь это вызывалось недостаточным развитием в советской исторической науке направлений, связанных с изучением психофизических сторон жизни людей в прошлом, их повседневного поведения, которые, как отмечалось, тесно связаны с семейно-брачными отношениями, активно изучавшимися западной исторической демографией. Впрочем, и в последующее время этот недостаток сохранился. Слабое внимание к исторической демографии сказалось и на том, что первый учебник по рассматриваемой дисциплине был издан в Москве только в 1989 г., но страдает все теми же недостатками.

Статистическим вопросам, динамике народонаселения посвящен ряд исследований. Инициативу в таких работах проявили историки, которые все чаще использовали статистические данные для изучения размещения населения и миграционных потоков, социального состава, этнических процессов, особенно в расселении русских на так называемые окраины, в частности – в

Сибирь. Преимущественно изучаются два предыдущих столетия. Среди таких работ, прежде всего, следует отметить книгу одного из ведущих историко-демографов России Я.Е. Водарского «Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.)» (1973 г.). В ней рассмотрены взаимосвязи территории и населения, социальный состав жителей и их размещение. Но демографические сведения, ценные сами по себе, в этой и других тогдашних работах рассматриваются как вспомогательные для исторических исследований.

На однобокость такого подхода было обращено внимание на I Всесоюзном семинаре по исторической демографии в Таллинне (1974 г.). Затем такие семинары стали регулярными. Собиравшие и историков, и демографов, они способствовали «притирке» интересов тех и других, расширению и углублению тематики исследований. Больше появляется работ по советскому периоду. Но они ограничивались как закрытостью многих документов для широкого использования, так и определенными идеологическими рамками: все исследователи должны были априори доказывать успехи социализма; негативные явления советской жизни игнорировались. Поэтому работы по исторической демографии советского общества часто носили не столько научный, сколько пропагандистский характер, что, впрочем, было характерно для практически всех исследований советского общества. Тем не менее при обращениях к более ранним эпохам научный уровень исследований становился выше, так как они адекватнее отражали историю. Под влиянием тенденций развития мировой историко-демографической науки советские ученые обращались не только к общей статистике численности населения и отдельных его групп, но также анализировали половозрастную структуру, семью и брак, типы производства и т.д.

Особенностью 70 – 80-х гг. стало обращение исследователей к XVII – первой половине XIX в. из-за открытия новых документов этого времени. Зато уменьшилось количество работ по второй половине XIX – началу XX в.

В 70-е гг. статьей патриарха сибирской археологии А.П. Окладникова начались палеодемографические исследования в СССР.

Из бывших советских республик наиболее интенсивно историко-демографические исследования велись в Украине и Эстонии. В последней применялись западные методики изучения истории семей. Этому способствовала, пожалуй, лучшая в бывшем

СССР сохранность источников – наличие матричных книг с XVII в. Западные методики также применялись в исследованиях по зарубежной истории. Это относится, прежде всего, к историкам-медиевистам, широко использовавшим с конца 60-х гг. в своих работах демографические данные и методы.

В Беларуси историко-демографические исследования не получили пока значительного распространения. В 20-е гг. к этой тематике обращался М.В. Довнар-Запольский в книге «Народное хозяйство Белоруссии, 1861 – 1914 гг.» (1929 г.), в 60-е гг. – Н.Н. Улащик («Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии»). Отдельные статистические данные XVII – XVIII вв. использовали историки в последующие годы. Уже в наше время весьма красноречивыми данными об убыли населения Беларуси в войне середины XVII в. между Россией и Речью Посполитой воспользовался Г.Н. Саганович. В последние годы историко-демографические материалы используют в своих исследованиях по истории женщин в Беларуси О.В. Петровская, Н.И. Служ, С.А. Толмачева. Первый в нашей стране детальный анализ истории одной из деревень в Центральной Беларуси от ее возникновения в Средние века до наших дней недавно представил В.Л. Носевич. Но в целом, специальные историко-демографические исследования на белорусском материале еще очень малочисленны.

Общим для развития советской исторической демографии (и эти тенденции пока сохраняются) было, как видно, лидерство историков, в отличие от дореволюционной России и Запада. Очевидно, это связано со слабым развитием статистики, социальной психологии и вообще наук о конкретном человеке, что уже отмечалось. Для исторической демографии это имеет отрицательные последствия – нехватку профессиональных демографов. Лишь в 80-е гг. были созданы сначала комиссия, затем и Научный совет по исторической демографии и исторической географии. Но до создания региональных, а теперь национальных центров дело еще не дошло.

В последнее время на постсоветском пространстве основное внимание демографов приковано к проблемам сокращения населения. Причем в серьезных работах эти процессы рассматриваются на широком историческом фоне. Российские исследователи большое внимание уделяют недавней истории, демографическим процессам советской эпохи. При этом используются многие ранее недоступные архивные данные. В итоге преодолеваются «белые пятна» демографической истории

советского общества. Мы обратимся к этим исследованиям в последнем разделе пособия.

Теперь, после общего обзора исторической демографии, перейдем к ознакомлению с ее основными достижениями. Учитывая историческую подготовку читателей, представляемые материалы сгруппированы на основе общеисторической периодизации.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Глава II

ДЕМОГРАФИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

Общая ситуация. Возникновение человека

Согласно новейшим данным, прародинай человека и в целом всего современного человечества является Африка. Гипотетически такую идею высказывал еще Чарльз Дарвин. В первой половине XX в. ее активно поддерживал Тейяр де Шарден, видный французский палеонтолог (один из первооткрывателей синантропа), теолог и философ. Но лишь многочисленные палеонтологические открытия во второй половине минувшего столетия убедили научное сообщество (во всяком случае большинство специалистов), что именно Африканский континент был колыбелью человечества. Точнее – небольшой регион в Восточной Африке, на территории современных Танзании, Кении и Эфиопии, где с 1959 г. обнаружены тысячи ископаемых останков, принадлежавших людям или их предшественникам; при этом многим из них около 3 млн лет и более (отдельные находки датируются 8 млн лет).

Согласно одной из новейших гипотез около 7 млн лет назад вследствие геологических изменений на востоке Африки климат стал более засушливым, чем на западе, что могло обусловить две линии эволюции: на близком к Атлантике западе континента, в обильных влажных лесах развились человекообразные обезьяны (гориллы и шимпанзе), в более суровых условиях востока появились предшественники человека.

В Эфиопии были найдены останки скелета самки австралопитека (ей дали имя Люси), возраст которых 3,5 млн лет. Исследователи пришли к выводу, что Люси (ей было около 20 лет, когда она погибла) ходила быстрой рысцой, слегка враскачку; питалась она в основном фруктами и корнеплодами (это установили по состоянию эмалей ее зубов). По размерам и строению таза Люси исследователи заключили, что родовой акт у самки австралопитека был ближе к человеческому, чем к обезьяньему. Вертикальное положение тела вело к увеличению черепной коробки и, соответственно, объема мозга. Встав на ноги, австралопитек освободил от функции передвижения передние конечности, которые постепенно стали руками, способными изготовлять орудия труда.

Но активное создание орудий труда, их совершенствование и применение привело к появлению около 3 млн лет назад нового существа, которое могло миллион лет или даже больше сосуществовать с австралопитеком. Это новое существо было более прямым, более высокорослым, с лучше развитым мозгом и практически всеядным. *Это был уже человек.* Время его появления связано с наступлением нового засушливого периода. Удачное приспособление к изменениям окружающей среды способствовало модификации дыхательных путей, что стало предпосылкой к появлению членораздельной речи.

Австралопитеки же, по-видимому, не сумели эффективно приспособиться к новым природным условиям. Частично они были истреблены появившимися конкурентами – более «продвинутыми» (в эволюционном отношении) пралюдьми, а частично вымерли сами по себе. Как бы там ни было, но никаких их останков (или иных следов) в пределах последнего миллиона лет учеными не найдено.

Эволюция стадий развития человека – *Homo habilis* (человек умелый, 3 млн лет), *Homo erectus* (человек прямоходящий, 1,5 млн лет), неандертальский человек (300 тыс. лет.), *Homo sapiens* (человек разумный, 200–100 тыс. лет) – столь последовательна, что вполне позволяет говорить о едином, непрерывном человеческом роде. Но на каждом этапе лишь в какой-то одной небольшой популяции создавались наиболее благоприятные предпосылки для подъема на новую эволюционную ступень. Остальные популяции, не отличавшиеся необходимыми качествами для приспособления к окружающей среде и конкурентной борьбе, постепенно исчезали.

Первобытную историю, или праисторию (по западной терминологии), принято начинать с первобытного стада. Распространяя наблюдения над стадной жизнью человекообразных, прежде всего шимпанзе и горилл, на австралопитековых, можно предположить, что первобытное стадо на этом этапе состояло из 25-40 особей: 2–3 взрослых самцов, нескольких самок и детенышей разного возраста. Такая совокупность могла противостоять хищникам, имела не очень жесткие границы (особи свободно переходили из одного стада в другое) и являлась оптимальной группой с точки зрения участия в процессе полового размножения внутри вида.

Средняя продолжительность жизни **австралопитековых** приблизительно находится между 17,2 и 22,2 годами. Разница в данных связана с находками из различных мест Южной Африки с разными, вероятно, условиями обитания. В среднем, учитывая большую детскую смертность, австралопитеки доживали до 20 лет.

Есть данные и о 38 **синантропах**. Из них 15 индивидов умерло в возрасте 14 лет (39,5%). Это – детская смертность. 3 человека умерло в возрасте менее 30 лет, 3 – в возрасте между 40 и 50 годами. И только 1 женский череп свидетельствует о доживании до 50 или даже 60 лет. Средний возраст смерти для 7 взрослых индивидов, таким образом, равен 37,9 лет. Но если учесть возраст умерших детей, эта цифра резко уменьшится и будет сравнима с вышеприведенными данными об австралопитеках.

А всего людей в эпоху синантропов (около 1 млн лет назад) предположительно насчитывалось около 125 тыс. (по Э. Диви). Число это довольно умозрительно, но более точных данных нет.

Сведения о **неандертальцах** также крайне малочисленны. На разных территориях их средний возраст определяется от 30 лет в Европе до 37,5 на Ближнем и Среднем Востоке, что ближе к синантропам, но о точности и здесь писать преждевременно. Есть еще и одиночные данные, но и они укладываются в отмеченные величины.

Таким образом, можно констатировать, что неандертальцы нечасто доживали до 30-летнего рубежа. Примерно половина их популяции умирала в детском возрасте. Никакого увеличения продолжительности жизни по сравнению с предыдущим временем не фиксируется.

Вспомним, что неандертальцы жили в Европе и Западной Азии приблизительно от 300 до 28 тыс. лет назад. Высказывается мнение, что они были крупнее и мощнее последующих кроманьонцев и жили дольше. «Последний» неандерталец был найден на Пиренеях, его возраст 29 тыс. лет, физические данные внушительны: рост – около 180 см, вес – под 100 кг. Но именно физическая сила неандертальцев и погубила: не было нужды, как кроманьонцам, для выживания совершенствовать свою социальную организацию – сила позволяла не развивать интеллект.

Хотя совсем уж дикими неандертальцы не были. Они уже умели делать захоронения, ухаживали за больными, добывали и сохраняли огонь, владели приемами коллективной охоты и воспитывали детей. Жилищ они, однако, не строили. Судя по каменным орудиям труда, у неандертальца была развитая кисть и он мог соединять кончики двух пальцев, что важно для тонких манипуляций. Но говорить неандерталец не умел. Хотя подъязычная кость у него имелась, а объем мозга был больше, чем у предка, гейдельбергского человека, и у родственника, *Homo sapiens*. Подвели лишь неразвитые лобные доли.

Современные люди – кроманьонцы – появились в Европе 40 тысяч лет назад. Они оказались более искусными охотниками и были лучше организованы, вытеснили неандертальцев из зон большой охоты. К тому же они и размножались быстрее, превзойдя неандертальцев по количеству.

Среди причин вымирания неандертальцев, все еще неясных, видят, помимо их интеллектуальной неразвитости, похолодание – ледниковый период, начавшийся около 30 тыс. лет назад.

По поводу общей численности людей в эпоху неандертальцев можно привести число в 1 млн человек (Диви), но оно столь же приблизительно, как и предыдущее по нижнему палеолиту. Эти данные опираются на анализ возможной плотности населения в изученных очагах человеческой ойкумены. Это – максимум возможные числа. Реальные скорее были меньше, ибо не везде, где могли жить люди, они действительно тогда жили. Так, собиратели и охотники могли существовать при

плотности 1 человек на 10 – 100 кв. км, рыболовы – 1 человек на 5 – 10 кв. км.

Наблюдения за современными первобытными охотниками, собирателями и рыболовами показали, что наиболее устойчивыми были популяции минимум в 200 – 500 человек. Более мелкие вымирали. Размеры популяций (племен) зависели от ресурсов регионов обитания. Плотность у современных первобытных племен в зависимости от экологических условий варьировала от 1 человека на несколько кв. км в Экваториальной Африке до нескольких десятков кв. км на 1 человека в Южной Африке, Австралии, Северной Америке.

Надо заметить, что среди современных исследователей возникло предположение, что первобытные люди не столько охотились, сколько собирали падаль. И это вполне допустимо, если сравнивать физические возможности людей и хищников.

В эпоху **верхнего палеолита** (40 – 14/13 тыс. лет) формируются родовые общины. На смену *промискуитету* (неупорядоченным половым сношениям) приходят брачные связи. Этот важный, если не эпохальный перелом в отношениях полов произошел в силу физиологических и социальных изменений, о которых можно только догадываться. Где-то в предыдущее время по неясным причинам исчез *эструс* (течка), что резко размежевало физиологию размножения людей и животных, в том числе и обезьян. Хотя еще долго первобытные люди не видели связи между половым актом и деторождением.

Происходили и какие-то изменения в организме стадных сообществ, постепенно подводившие древних людей в разных местах ойкумены к родовой организации с присущей ей социальной структурой. Об этом тоже можно только догадываться без надежды найти какие-то фактические подтверждения.

Первобытный брак – это брак не между индивидуумами, а между группами людей. Первой формой брачных отношений был групповой или дуально-родовой брак, при котором мужчины одного рода могли вступать в половые отношения с любой из женщин другого, соседнего рода. Социальными нормами, регулирующими репродуктивное поведение (воспроизводство) коллектива, были различные половые табу, самым сильным из которых был запрет половых связей между членами одного рода.

Численность населения в эпоху верхнего палеолита (по Диви) возросла уже до 3,3 млн человек. Это число опирается на распространённое мнение о неуклонном и бесперебойном возрастании численности населения от эпохи к эпохе. Но это чисто умозрительное заключение никогда не было доказано, а по отно-

шению к ранним эпохам – подробно не исследовалось. Известные же данные о среднем возрасте – примерно в 33,9 года, то есть не выше, чем в предыдущие эпохи – приведенного мнения не подтверждают. Об этом же свидетельствует и сохранение очень высокого уровня детской смертности среди верхнепалеолитических людей – до 41,5% от всех найденных скелетов. То есть можно предположить, что в течение всего палеолитического времени при сохранении примерно одинаковых показателей продолжительности жизни нет данных для мнения о неуклонном росте населения. Возможно, точка зрения об относительной стабильности численности палеолитических людей имеет больше оснований, ибо покоится на конкретных данных, полученных в последние десятилетия. Однако, поскольку речь идет о десятках тысяч лет и огромных территориях, о жизни, нам почти неизвестной, мнение о постепенном росте населения отвергать тоже нельзя. Тем более что при почти аналогичной продолжительности жизни в средние века рост населения был хотя и незначительным, но неуклонным. Поэтому представление о росте населения к концу эпохи палеолита на несколько процентов за тысячелетие вполне допустимо.

Можно привести и некоторые региональные наблюдения. В долине Нила, например, к концу палеолита проживало около 20 тыс. человек, на территории современной Франции – до 50 тыс. Поселения были небольшими. Для прокорма одного человека в те времена требовалась большая площадь растительных и животных угодий. В Восточной Беларуси, например, на палеолитических поселениях одновременно жило около 25 человек (Е.Г. Калечиц).

С ростом населения происходило и постепенное освоение территории Земли, что в свою очередь способствовало увеличению численности людей. К мезолиту уже было освоено до 30% земной поверхности. Но о численности **мезолитического** населения (к началу VIII тыс. до н.э.) единого мнения у исследователей нет. Диви предлагает число примерно в 5,3 млн. человек. Но В.П. Алексеев опирается на известный археологический феномен: число найденных мезолитических поселений меньше более древних, верхнепалеолитических. На этом основании он делает вывод о возможном сокращении мезолитического населения в силу каких-то экологических или иных причин. С учетом сохранения верхнепалеолитического уровня продолжительности жизни он предложил для начала мезолита численность человечества в 2,5 млн человек, а для конца этой эпохи (VI тыс. до н.э.) – 4 млн человек. В белорусском и украин-

ском Полесье тогда, например, проживало около 5500 человек (Л.Л. Зализняк).

Таковы наши сведения о народонаселении присваивающей эпохи, с которой человечество подошло к эпохальным переменам неолитического времени – *неолитической революции* – переходу к земледелию и скотоводству, а также к изобретению глиняной посуды, улучшившей качество питания за счет появления вареной пищи.

О динамике роста **неолитического** населения также нет единого мнения. Все исследователи сходятся на признании относительно быстрого увеличения населения в условиях улучшения условий жизни и освоения новых земель. В итоге, если в начале неолита насчитывалось, по разным оценкам, от 5 до 10 млн человек, то к концу эпохи (IV тыс. до н.э.) население Земли у разных авторов колебалось от 50 до 86,5 млн человек. А к середине II тыс. до н.э. (**эпоха бронзы**) оно могло достигать и 100 млн человек. Отмеченное расхождение в числах не может повлиять на общий вывод: за 4,5 тыс. лет распространения на земле производящего хозяйства резко расширились возможности питания, и человеческая популяция выросла не менее чем в 20 раз. Такой рост населения в первую очередь относится к земледельческим племенам, ибо одна единица площади при земледелии может прокормить в 20-30 раз больше людей, чем при скотоводстве, а при скотоводстве, соответственно, в 20-30 раз больше, чем при охоте. Впрочем, нельзя забывать, что указанные возможности не обязательно могли полностью реализоваться в тогдашней не просто сложной жизни, но в условиях элементарной борьбы за выживание. Поэтому указанный рост в 20 раз вполне логичен.

**Особенности
рождаемости
и смертности
в каменном веке**

Теперь, после анализа статистических данных, обратимся к более подробному рассмотрению демографических процессов.

Начнем с показателей смертности. Из 22 поддавшихся определению костяков синантропов умерли в возрасте:

до 14 лет	15 особей	68,2%	всех костяков
15 – 30 лет	3 особи	13,6%	– // –
31 – 50 лет	3 особи	13,6%	– // –
51 – 60 лет	1 особь	4,6%	– // –

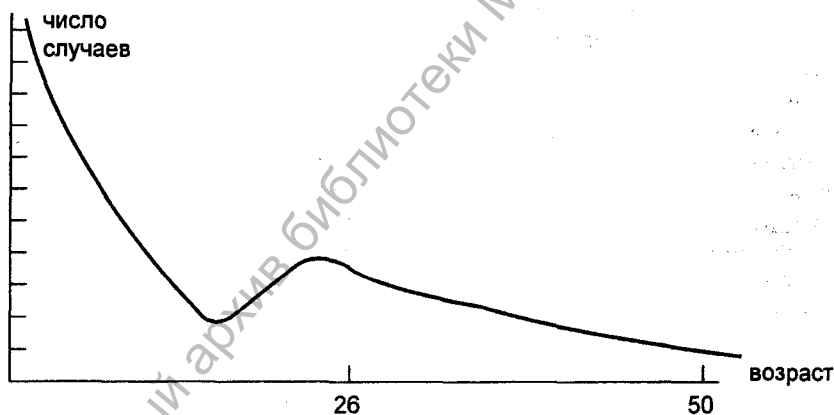
Длительность жизни неандертальцев и кроманьонцев:

до 11 лет	15 особей	или 38,5%	29 особей	или 38,1%
12 – 20	4	10,3	12	15,8
21 – 30	6	15,4	15	19,6
31 – 40	10	25,5	11	14,7
41 – 50	3	7,7	7	9,2
51 – 60	1	2,6	2	2,6
Всего	39		76	

По другим данным, из 102 костяков, найденных в Западной Европе на верхнепалеолитических стоянках:

до 14 лет умерло	24,5%
в 15 – 20 лет	9,8%
в 21 – 40 лет	53,9%
в 41 – 60 лет	11,3%

В обобщенном виде динамика смертности представлена на предлагаемом графике:

Распределение смертности в нижнем и среднем палеолите
(по Б.Ц. Урланису)

Среди причин невысокой продолжительности жизни, что видно из приведенных данных, очень высокая детская смертность. Возможно, она была еще выше, но детские, особенно младенческие кости плохо сохранились и потому не всегда могут быть обнаружены. Что касается смертности взрослых (старше 15 лет), то ее главными факторами считаются несчастные случаи на охоте, травматизм, стихийные бедствия. Роль инфекций и эпидемий счита-

ется незначительной. Они возросли с переходом к оседлости. Частые передвижения первобытных собирателей и охотников не вели к накоплению отбросов и всяческих токсинов в местах обитания. Даже такие знаменитые стоянки, как обиталище синантропов в пещере Чжоугоудзян под Пекином, едва ли имели постоянных жителей. Скорее, они были как бы базами для возвращения.

Этнографические данные подтверждают высказанные соображения. Среди эскимосов смертность у мужчин от несчастных случаев на охоте составляла 15%. Многие из них тонули в перевернувшихся лодках. Голод, по современным этнографическим данным, не играл значительной роли, как это считалось ранее, и встречался скорее в виде исключений. Но колы такие голодовки случались, они действительно могли погубить целые группы. В таких ситуациях люди могли убивать или оставлять без помощи стариков, убивать маленьких детей, заниматься каннибализмом (подробнее об этом – далее). Но, судя по этнографическим данным, такое могло быть лишь в исключительных случаях.

Анализируя приведенные данные, надо также иметь в виду, что главным показателем являлось количество людей, не умерших в детском возрасте (до 15 лет). Ибо именно они составляли потомство, передавали детям жизненный опыт, кормили их. А таковых, как видно, было не менее 60-70%. Среди них не менее половины жили и после 20 лет, то есть могли дать и по минимуму обеспечить жизнь более одного ребенка. При этом надо учитывать, что из-за тяжелого повседневного труда и антисанитарии женщины жили в среднем на 2 – 6 лет меньше мужчин.

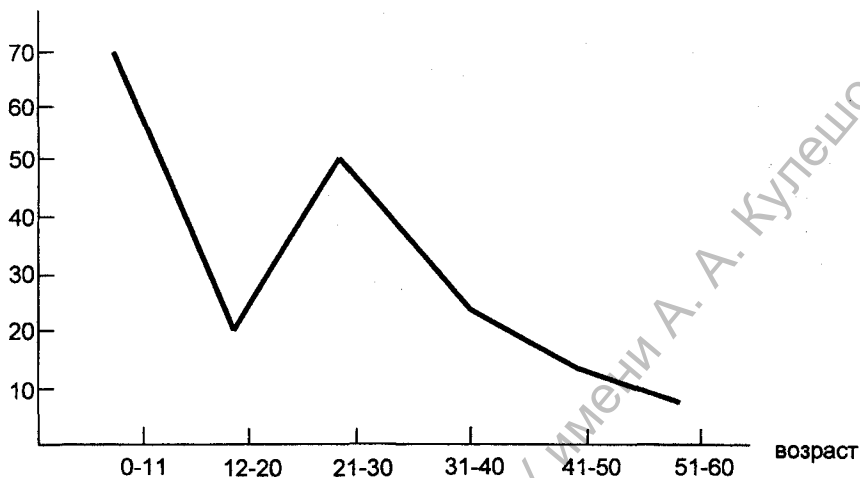
В эпоху **мезолита** картина практически не изменилась.

По Урланису (1978), из 71 костяка, по Рохлину (1965), из 65 костяков

до 11 лет умерло	29,6%	до 14 лет умерло	30,8%
в 12 – 20 лет	8,5%	в 15 – 20 лет	6,2%
в 21 – 30 лет	49,3%	в 21 – 40 лет	58,5%
в 31 – 40 лет	8,5%		
в 41 – 50 лет	1,4%	в 41 – 60 лет	3,0%
в 51 – 60 лет	2,7%		
		свыше 60	1,5%

Обращает на себя внимание низкая смертность подростков (15 – 20 лет). Вероятно, те, кто пережил детство, обычно доживали до более старшего возраста. Это наглядно показывает, как на общие показатели влияла детская смертность (1/3 всех рождавшихся).

число случаев

Возраст умерших в верхнем палеолите и мезолите (по Б.Ц. Урланису)

С переходом к **неолиту** демографическая ситуация во многих регионах мира существенно изменилась. Причем изменилась настолько, что некоторые исследования назвали ее, как отмечалось, первой демографической революцией и связали с переходом к производящему хозяйству. Но это можно отнести только к районам, в которых переход к земледелию и оседлости был относительно быстрым и прочным, необратимым. Но так было не везде. Например, в Сибири бродячие коллективы охотников, собирателей и рыболовов дожили до недавнего времени. Тем не менее в целом переход к земледелию и оседлости дал рост населения от 0,8 до 2,5%, местами и временами – 10%.

Но с причинами такого роста населения не все ясно. Ведь средняя продолжительность жизни и в неолите оставалась крайне низкой, в прежних пределах – 20 – 30 лет. Значительный прирост населения происходил за счет других источников.

При отсутствии прочной исторической базы объяснение этих причин представляется весьма умозрительным. Но за неимением другого рассмотрим их. Отдельные авторы в качестве причин указывают на переход к использованию более доступных ресурсов и уменьшение подвижности, что улучшило условия для выхаживания детей и восстановления здоровья молодых матерей. Хотя, с другой стороны, у земледельцев увеличивалось

количество белковой пищи, но одновременно возрастал и объем балластных продуктов с углеводами. Лишь постепенно, когда со временем земледельцы освоили оседлое животноводство (особенно разведение молочного скота), белковая пища, более благоприятная для деторождения (по некоторым данным), стала преобладать над углеводной.

Но переход к земледельческой оседлости способствовал росту эндогамных браков до 80-90%, чего у низших охотников и собирателей не было. Впоследствии общинный контроль через многие табу воспрепятствовал росту населения. Оседлость также стимулировала и рост заболеваемости из-за накопления в местах обитания отхождений и патогенных (болезнетворных) бактерий, чего, как отмечалось, кочевники избегали. Переход к земледелию вызвал вырубки лесов, что привело к распространению малярии. Скопление припасов, домашних животных и отбросов вело к концентрации на поселениях разных паразитов, особенно грызунов – переносчиков многих инфекций (тифа, чумы, холеры). От инфекций, кстати, чаще гибли дети и женщины, обычно постоянно находившиеся в поселках. Мужчины, с другой стороны, чаще погибали на охоте, которой продолжали активно заниматься первобытные земледельцы.

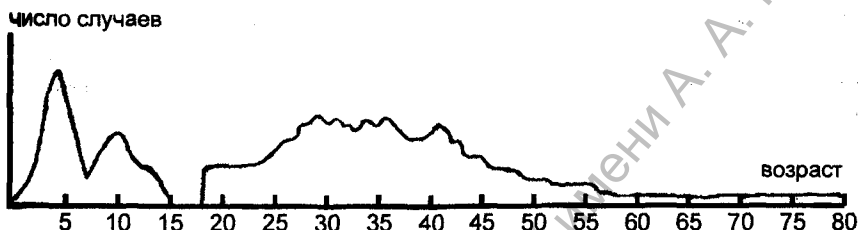
Однако со временем преимущественно оседлой жизни и земледелия брали верх и средняя продолжительность жизни начала медленно, но неуклонно расти. Особенно по сравнению с предыдущими эпохами увеличивалось количество людей, преодолевших 40-летний рубеж и доживших до глубокой старости. Большинство тех, кто перешагивал 15-летний возраст, доживало до 30 – 38 лет. Так, в раннеземледельческой Греции мужчины доживали до 31 года, женщины – до 30 лет, в Анатолии в VI тыс. до н.э., соответственно, до 34,3 и 29,8 лет, на Крите – до 35,2 и 33,6 года, на территории Венгрии – до 36,4 и 28,9 года, в Южной Туркмении – до 38,1 и 36,1 года. Надо, однако, заметить, что такой скачок не был необратимым; в энеолите и раннем бронзовом веке продолжительность жизни отдельных земледельческих районах вновь сократилась.

По данным о 276 погребенных эпохи бронзы из Австрии (Рохлин, 1965)

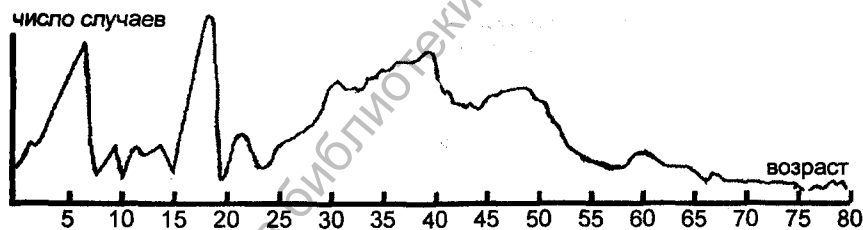
до 14 лет умерло	7,9%
в 15 – 20 лет	17,2%
в 21 – 40 лет	39,9%
в 41 – 60 лет	28,6%
Свыше 60 лет	7,3% (в эпоху мезолита до этого возраста в Европе достигало только 1,5% людей)

В целом в эпоху бронзы средняя продолжительность жизни стала составлять 29 лет (в Австрии), 24,6 года (в Поволжье).

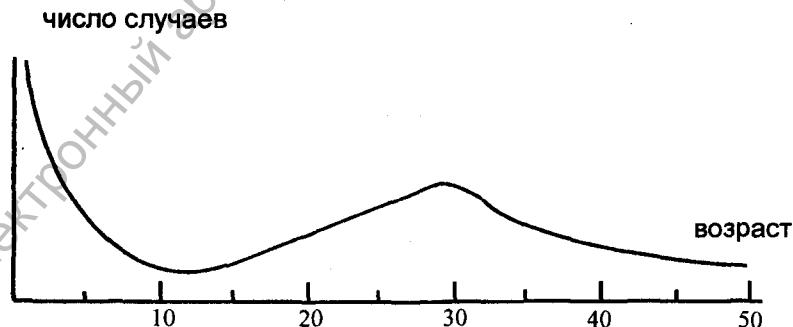
Итак, нижняя граница смертности в первобытности составляла около 50%, а высшая вообще неясна, так как зависела от многих факторов. Эксперты ООН считают, что она доходила до 80% (то есть столько не доживало до биологической старости). Высокая смертность была той ценой, которую платили первобытные люди за свою жизнь.

Продолжительность жизни в неолите (по материалам Вольни)
(по Б.Ц. Урланису)

Распределение смертности по возрастам в неолите (Венглия)
(по Б.Ц. Урланису)

Общая схема смертности в каменном веке (по Б.Ц. Урланису)

Помимо уровня смертности, на численность первобытного человечества влияли и другие факторы. Прежде всего уровень и условия **рождаемости**. Уровень определялся, прежде всего, условиями жизни. Тяжелый повседневный труд был необходимостью всех, в том числе беременных и кормящих женщин. Поэтому стремления к многодетности не было. Тяжелый труд к тому же притуплял и половые инстинкты (что наблюдали этнографы). К низкой рождаемости вели и многие табу, установление особых месяцев для совокуплений (обычно осенью). Сама собой понятна высокая смертность женщин при родах и во время беременности (от тяжелого труда, из-за чего случались выкидыши). Применялись и аборты (даже у древних собирателей и охотников), особенно при наличии грудного ребенка, если данная группа находилась в состоянии движения.

На рождаемость, как и на продолжительность жизни, влияла также изношенность женского организма из-за тяжелого труда с детства и раннего начала половых контактов. В принципе, тогдашний репродуктивный возраст составлял 22 года: от рождения первого ребенка примерно в 18 лет до последних родов около 40 лет. Но большинство женщин из-за ранних смертей не доживало до этих лет, чем сокращался детородный период.

Нерегулярное снабжение пищей, ее скудность и низкое качество могли повышать возраст половой зрелости и, соответственно, брачный возраст, увеличивать количество мертворожденных и выкидышей, а отсутствие подходящего дополнительного питания удлиняло время лактации (что отдаляло следующее зачатие). Хотя, как уже отмечалось, первобытные люди часто не знали о связи полового акта с беременностью.

На способность женщин к деторождению у охотников и собирателей влияли и особенности ведения хозяйства, где роль женщин была почти что решающей. Особенно это относится к умеренным и жарким поясам, где собираемая женщинами пища составляла до 70-80% всего набора продуктов. А если учесть, что женщины должны были заботиться о воде и топливе, о приготовлении пищи, переносили различную утварь во время длительных переходов, участвовали в строительстве жилищ и т.д., то понятно, почему тогда люди стремились избегать частых родов, отрывавших женщин от их нелегкого повседневного труда, который сам по себе способствовал раннему увяданию и бесплодию.

У многих охотников и собирателей отмечалось и весьма раннее начало половой жизни. У аборигенов Северной Австралии

девочки нередко вступали в половые отношения до наступления зрелости, иногда с 9 лет. Похожее наблюдали у бушменов (Экваториальная Африка) и эскимосов (Северная Америка). Это явление, по мнению этнографов, связано с тем, что у многих первобытных племен девушки еще до вступления в брак должны были доказать способность к деторождению. Но беременность в раннем возрасте наступала редко, зато такое поведение способствовало травматизму и возможному бесплодию в будущем. К быстрому истощению молодого организма вели и традиции раннего вступления в брак. Этнографам известны помолвки с новорожденными и брачные соглашения еще до рождения невесты.

Первые роды относятся обычно к 17 – 19 годам. Время наивысшей плодовитости – 20 – 27 лет. С 30-летнего возраста плодовитость женщин постепенно падала, и у большинства доживших до 35 – 40 лет наступало окончательное (вторичное) бесплодие. Так что реальный репродуктивный период бывал и меньше ранее указанного максимального числа в 22 года.

На общую рождаемость влияло и наличие в силу названных причин большого числа бесплодных женщин (до 14% у бушменов), крайняя неустойчивость браков и то, что большинство женщин вообще не доживало до завершения репродуктивного периода.

Мужчины вступали в брак обычно в 20 – 25 лет и позднее, то есть они обычно были на 5 – 6 лет старше своих жен. О соотношении числа мужчин и женщин в общинах данные весьма различны: от 68 до 150 мужчин на 100 женщин.

Особое влияние на рождаемость у охотников и собирателей оказывал довольно строгий интервал между родами, обычно в 3 – 5 лет. Такой промежуток обуславливался, во-первых, невозможностью в условиях бродячей жизни носить на себе более одного малолетнего ребенка (хотя таких детей помогали нести сестры, тетки и другие родственницы матерей), во-вторых, как отмечалось, отсутствием иной подходящей пищи для младенца, кроме материнского молока и, следовательно, длительным периодом лактации, в-третьих, стремлением избегать осложнений у молодых матерей, которые не освобождались от тяжелой физической работы, в-четвертых, другие отмеченные ранее физиологические механизмы.

Указанный интервал между родами регулировался применением разных трав и абортами. Они становились более частыми у ранних земледельцев, в неолите и ранней эпохе бронзы. Конечно, о хирургическом вмешательстве речь не идет. Были прыжки

с высоких деревьев, тугое стягивание живота, на живот клали горячие камни и т.п. Но, по данным этнографов, подобные аборт применялись нечасто. Более распространенными были табу на половые отношения, длившиеся от нескольких месяцев до года, а иногда и до двух лет. Время их действия определялось по-разному: до возвращения матери к нормальной хозяйственной деятельности, до появления второго зуба у ребенка, до того, когда он начинал ходить или говорить и т.д. Устанавливались запреты как из-за опасения за здоровье ребенка при лактации, так и по другим причинам, прежде всего сакрального характера. Считалось, например, что интенсивные половые контакты отрицательно влияли на результаты предстоящей охоты или рыбной ловли. Отношения прерывались многодневным отсутствием мужчин, уходивших на охоту или другие промыслы. Не были ясны и особенности женской физиологии. Например, пигмеи были убеждены в том, что общение в период менструаций наиболее плодотворно для деторождения.

Семья, детность

Важнейшую роль в развитии первобытного народонаселения играли семейные традиции, которые формировались, естественно, под влиянием рассмотренных условий жизни. В среднем на одну женщину приходилось примерно 4-6 детей. И если до 50% новорожденных погибало на первом году жизни, то от 10-15% до 50% оставшихся умерщвлялось искусственно. Отдельные авторы могут, и драматизируют ситуацию (называя 50%), но сам факт бесспорен. Слабых, больных, ставших обузой (стариков, детей убивали).

Детоубийства чаще отмечались в экстремальных климатических условиях: у наиболее северных групп эскимосов, у аборигенов засушливых центрально-австралийских пустынь. Убивали рожденных слабыми или с физическими дефектами, если новорожденный мог составить конкуренцию уже имеющемуся грудному ребенку. По той же причине могли убивать одного из близнецов. В исключительных случаях голода убивали малолетних и их мясом кормили старших детей. При этом предпочитали чаще убивать девочек, особенно там, где роль мужчин в добыче средств существования была значительной (у эскимосов отмечены убийства даже шестилетних девочек, если рождался мальчик, а дочь не была помолвлена). Девочек чаще убивали и из разнополых близнецов. Известно и ритуальное убийство одного из близнецов и поедание его матерью для «получения от него жизненной

силы». Впрочем, такой ритуал возникал, скорее всего, из-за памяти о голоде предшествовавших поколений, когда одного из близнецов убивали по жестокой необходимости. Часто убивали двух-, трехлетних детей, если они мешали матери работать, или бросали их больными без ухода, если таковой был нужен.

Вообще, вероятно, какие-либо закономерности в этих деяниях найти трудно. Например, у африканских племен, отошедших от собирательства, детоубийства диктовались скорее не количественными, а качественными соображениями: как правило, убивали тех детей, которых считали неполноценными, что наблюдалось у зулусов. У бушменов же все решала арифметика: первого ребенка, даже урода, мать обязательно воспитывала, второго, пусть и полноценного, но если он появлялся еще до того, как первый вставал на ноги, обязательно умерщвляла.

Считается, что детоубийство было внутрисемейным делом и, как правило, осуществлялось матерью. Но у австралийских аборигенов этот вопрос решался всей общиной, волю которой выражала наиболее уважаемая старуха, умерщвлявшая новорожденного. Замечено, что там, где практиковались детоубийства, менее продолжительными были сроки воздержания от половой жизни.

В неолите, при переходе к оседлости и улучшении бытовых условий, суммарная рождаемость стала достигать 7-9 детей на одну женщину. Но так как многие по-прежнему не доживали до завершения репродуктивного периода, то среднее число оставалось почти на прежнем уровне – 5-7 детей. Однако даже полуседлый образ жизни облегчал положение рожениц: резко сокращались изнурительные переходы, тяжелый земледельческий труд носил сезонный характер, к тому же самую трудоемкую работу на земле начинали брать на себя мужчины (особенно по расчистке участков). Они же освобождали женщин и от некоторых других работ, например, от строительных. Это сказывалось на выживаемости детей и, значит, на общем росте населения. В такой ситуации постепенно смягчались и запреты на половую жизнь, и традиции детоубийства.

Определенное влияние на демографическую ситуацию при начавшемся социальном расслоении в более развитых обществах стало играть многоженство, вызывавшееся не только избытком женщин в ряде случаев (из-за войн, гибели мужчин на охоте), но и престижными моментами. Многоженцами бывали обычно наиболее влиятельные мужчины-лидеры, которым была выгодна многодетность, ибо она обуславливала поддержку со

стороны многочисленных родственников жен, а тем самым и социальное превосходство. Но практика многоженства, с другой стороны, обрекала многих мужчин на пожизненное одиночество. Ибо при тех обстоятельствах, о которых уже шла речь, и на женщин тоже бывал дефицит. Это приводило, в ряде случаев, к передаче жен по наследству сыновьям или братьям, что отражало обычай более ранних групповых браков, когда несколько мужчин – близких родственников – пользовались одной женой.

Важным демографическим фактором сдерживания роста были кое-где и запреты на вступление в брак вдовцам и разведенным (от нескольких недель до нескольких лет, а иногда и пожизненно, особенно женщинам). Известны случаи умерщвления вдов или принуждения их к самоубийству.

Еще одной варварской традицией, через которую прошло человечество, было **убийство стариков**. Этот обычай, как и детоубийство, был, естественно, вызван экономическими трудностями, особенно недостатком пищи. Умерщвляли тех, кто не мог помочь в борьбе за выживание. Убийство больных уже отмечалось. Обычно умерщвление стариков было обязанностью сыновей. По этнографическим наблюдениям, согласно традициям старики и немощные сами просили о смерти, если, конечно, доживали до такого состояния и возраста. Они либо шли сами, либо их доставляли в лес или иное глухое место и обычно бросали там на волю судьбы: их или съедали хищники, или они умирали от голода.

Умерщвление старцев имело далеко идущие социальные последствия, что первобытные люди не всегда понимали. В тогдашних довольно замкнутых не очень многочисленных (в несколько сот человек) коллективах-общинах в отсутствие письменности, когда носителями знаний и опыта были только живые люди, эти коллективы (общины, малые племена) подвергались опасности регресса, когда исчезало несколько носителей местных культурных традиций. Это, кстати, объясняет медленное развитие в те времена.

Только технический прогресс, переход к земледелию с возможностью прокормить большее количество людей способствовал отмене обычая умерщвления немощных. Хотя на периферии цивилизаций рассмотренный обычай сохранялся еще очень долго. Прокопий Кессарийский в VI в. писал о каком-то германском племени, где убивали старых. В Исландии и в 1000 г. стариков морили голодом. В глухих японских деревнях этот обычай отмечен и в XIX в.

Рост престижа стариков – свидетельство морального прогресса первобытного общества. Это отразилось в появлении института советов старейшин.

**Итоги
демографического
развития
первобытного
общества**

Древнейшая присваивающая экономика позволяла существовать лишь до нескольких десятков людей на 100 кв.км. С демографической точки зрения, это вело к самоограничению человеческой популяции, для чего стихийно вырабатывались особые нормы демографического поведения: запреты эндогамии, различные табу, ограничивающие половые контакты, определение круга брачных партнеров, регламентация их прав и обязанностей по участию в воспроизводстве (разные в различных половозрастных группах), ритуалы с демографическим смыслом (принятие родов, начало половой жизни и т.п.), обычаи вскармливания младенцев, отношение к детоубийству и каннибализму, отношение к жизни взрослых соплеменников и иноплеменников.

Первым важным техническим достижением стало начало использования огня. Возможно, огнем пользовались уже австралопитековые. Огонь, безусловно, был у синантропов, появившись в Азии между 450 – 350 тыс. лет. Но не все в палеолите умели им воспользоваться. И обычно применяли его лишь для обогрева и отпугивания хищников. Готовить на огне начали в позднем плейстоцене, что позволило использовать в пищу растения, в сыром виде не усваиваемые. Таким образом, применение огня в тогдашней кулинарии расширяло продовольственную базу древнейших людей. Затем, с изобретением в неолите глиняной посуды, пищу начали варить, что еще больше облегчило ее усвоение. Поэтому применение огня имело не меньшее значение, чем переход к земледелию.

Использование огня привело к первому общественному разделению труда между мужчиной и женщиной: мужчине – добыча зверей, женщине – уход за огнем, что соответствовало ее физическим возможностям. Широкое применение огня и добыча с его помощью дополнительных продуктов питания способствовали уменьшению детоубийства и умерщвления стариков. Последние помогают в домашнем хозяйстве, особенно в поддержании огня. Так огонь защитил стариков (Л. Крживицкий). С появлением огня чаще отмечаются люди, жившие свыше 60 лет.

Другим крупным явлением, повлиявшим на демографические отношения, на жизнь детей и стариков, стала неолитическая аграрная, прежде всего революция – переход к производящему хозяйству. Этот переход, связанный с выделением скотоводческих и земледельческих племен, привел к такому скачку в приросте населения, что, как отмечалось, он был назван демографической революцией. Увеличилась продолжительность жизни, расширились демографические свободы, увеличилась рождаемость. В итоге рост населения повысился от нескольких тысячных долей процента в год до нескольких сотых, то есть примерно в десять раз. Эти доли процента для тогдашнего народонаселения весьма важны. Так, например, если число дочерей, доживавших до материнского возраста, увеличивалось на 10% в год, прирост населения возрастал до 0,03%.

Неолит – эпоха окончательного утверждения семьи, что также улучшало условия для выхаживания детей, прекращения детоубийства. Изживание практики умерщвления людей – это и начало влияния моральности на демографические процессы. До этого ее и не было. Теперь же, с появлением возможности содержать тех, кто не мог участвовать в добывании продуктов, стали цениться знания и опыт стариков. Появляется забота об их здоровье, отсюда – понимание ценности продолжительности жизни.

Так в неолите осуществлялся переход от присущего присваивающему хозяйству архетипа к традиционному типу воспроизводства населения, начавшему изживаться лишь с XVIII в. Этот тип был связан с аграрной экономикой, со свойственным ей консерватизмом. Демографическое поведение стало менее диким, чем при архетипе, но оставалось примитивным, регламентированным традицией, сложившейся с «незапамятных времен». Это была эпоха незрелости «индивидуального человека». Жизнь человека проходила по схеме, без свободы поведения, подчинялась нормам и привычкам. Весь этот период демографические обстоятельства оставались, в принципе, неизменными.

Главными причинами смертности становятся болезни из-за плохого питания, тяжелого труда, антисанитарии в жилищах, отсутствия санитарно-гигиенических представлений. Все это считалось устроенным богами и целенаправленно не изменялось. Отсюда – пассивное отношение к смерти. Она считалась концом земной жизни. На этой основе формировались все основные мировые религии: человеческая судьба, в том числе и время жизни каждого, определенное свыше. Смерть восприни-

малась не как конец жизни, а как качественное изменение, становилась как бы «прирученной» (Ф. Ариес). Не случайно средняя продолжительность ее от каменного века до промышленной революции росла крайне медленно.

Этот тип демографического поведения был связан с традициями варваров. Если в мотивации поступков древнейших людей преобладала импульсивность, реакция на внешние раздражители, основанная, как и в животном мире, на безусловных рефлексах то постепенно приходила осмысленность поведения, формировалась личность. Это вело к ограничению неуправляемости полового поведения, созданию семьи, что тоже было одним из слагаемых традиционного типа воспроизводства населения.

История возникновения семьи покрыта мраком. Но можно предположить, что в основе формирования этой важнейшей ячейки человеческого общества лежали социально-биологические факторы. По принятой у эволюционистов теории, переход к прямохождению, который начался за 2 млн лет до изготовления орудий, запустил длинную цепочку важнейших для эволюции человека следствий. У самки вставшего на ноги нашего древнего предка тазовые кости для сохранения равновесия стали более узкими. Но в этом случае могли возникнуть осложнения при родах, и, чтобы избежать этого, младенец стал появляться на свет с несросшимися долями головного мозга. Это привело к тому, что мозг человека рос и развивался неизмеримо дольше, чем у любого другого живого существа. Ребенок гораздо дольше нуждался в защите не только матери и отца, но и всего племени. Это способствовало возникновению социальных структур, недоступных другим обитателям Земли.

Выхаживание ребенка требовало больших усилий от матери. Поэтому при постепенном упорядочении половых контактов женщина стремилась оставаться с тем мужчиной, который мог ей помочь. Естественно, в тогдашних хозяйственных условиях такой мужчина мог по-настоящему помогать только одной женщине. Но это ограничивало его в привычных возможностях контактов с другими женщинами. И для компенсации мужчины хотя бы быть уверенными, что растят своих детей, то есть и от женщин требуют верности. Так формировалась тяга к семье (Д. Херлихи).

Возможно также, что на формирование семьи повлияло сложившееся примерно с конца неолита понимание связи половых контактов с деторождением (вероятно, от наблюдения за

одомашненными животными, у которых самки при отсутствии самцов не приносили приплода). От этого сознания у мужчин могли возникнуть представления: «мой ребенок», отсюда – «моя жена», что и вело к ограничению сексуальной свободы женщин (Р. Тэннехилл).

Свобода нравов дольше всего сохранилась там, где не было собственности и детям ничего не оставлялось. В этом случае они были необходимы только для продолжения рода, и потому было неважно, кто отец (Э. Фукс). При таком подходе объясняется и известная вольность в поведении среди аристократии в более поздние эпохи – у них хватало средств на всех детей.

Наиболее привлекательными для женщин становились мужчины, способные создавать определенный уровень благосостояния. Не отсюда ли появление стремления к накоплению и аккумулярованию в семьях определенных запасов, то есть частной собственности? Иными словами, возможно, не собственность породила семью (как утверждали Л. Морган и Ф. Энгельс), а семья привела к собственности (Д. Херлихи). Это доказывает и появление полигамии среди наиболее знатных и, следовательно, обеспеченных мужчин, что произошло при переходе к оседлости. Но многоженство не распространилось, так как при создании ранних государств кланы, основанные на полигамии, препятствовали самой идее государственности, то есть объединению вокруг одного правящего рода не на родственных, а на служебных обязанностях. Подробнее об этом – в следующих главах.

Глава III

ДЕМОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Уже отмечалось, что демографическое развитие человечества прямо не совпадало с общеисторической периодизацией, то же, кстати, весьма условной. Возникший с переходом к земледелию в неолите так называемый традиционный тип демографического поведения просуществовал местами до нового времени, а местами и до современности. Но предлагаемое членение курса по главам представляется более привычным, потому удобным для историка, к тому же позволит увязывать демографическое развитие с иными сторонами исторического процесса.

Общая ситуация

Об эпохе, относимой к древнему миру (III тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.), статистических данных едва ли больше, чем для предыдущего времени. Лишь в Риме со II в. до н.э. отмечаются переписи, да и то неполные. Поэтому можно представить лишь общие числа, причем со значительным разбросом.

В Уруке около 2500 г. до н.э. насчитывалось примерно 50 тыс. человек, в Уре к началу II тыс. до н.э. – около 200 тыс. жителей, а в одном из ближайших городов – 9 тыс. В древней столице Египта Фивах около 1600 г. до н.э. проживало примерно 225 тыс. жителей. Но в основном в тогдашних городах Ближнего Востока, а также и в I тыс. до н.э. насчитывалось от 2 до 20 тыс. жителей. То есть за 2 тыс. лет почти не отмечено роста городского населения. Кстати, как считают эксперты ООН, для содержания в ту эпоху одного горожанина требовался труд 50-90 крестьян.

О государствах данных еще меньше. Так, в Аккаде при Саргоне I (2414 – 2369 гг. до н.э.) жило около 40–50 тыс. человек (армия царя при этом насчитывала 5400 воинов).

К началу новой эры на Земле насчитывалось, по разным оценкам, от 250-280 до 400 млн человек. Из них до 70% всего населения проживало в Азии. Только в Индии его было более 100 млн. Там же отмечалась и наивысшая плотность населения –

до 20 человек на кв. км. В Китае при плотности в 6–7 человек на кв. км в начале новой эры жили 60–71 млн жителей, в Египте – 5–8 млн человек, во всей Африке – 30–40 млн, в Америке – 5 млн жителей.

Германцев в начале новой эры насчитали 3–6 млн человек, славян и других жителей Восточной Европы – 6–7 млн. В Римской республике рубежа новой эры (по К.Ю. Белоху) было 54 млн. Но многие считают это число завышенным. Ф.Ю. Маркузон, например, все тогдашнее европейское население оценил примерно в 35 млн человек, а Б.Ц. Урланис, наоборот, исходя из размеров Римского государства и плотности населения в нем, определил число жителей в нем в более чем 100 млн, хотя и признал условность таких подсчетов. К середине I тыс. население Италии обычно оценивают примерно в 8 млн, Иберии и Галлии – по 5–7 млн человек.

Немного подробнее об античном мире. В IV в. до н.э. в Милете и Коринфе жило около 20–30 тыс. жителей, в Афинах IV в. до н.э. – примерно 100 тыс. В Коринфе тогда же жило около 40 тыс. свободных и до 60 тыс. рабов. Во всей Аттике тогда насчитывают от 100 до 150 тыс. рабов и столько же свободных. В III – II вв. до н.э. в Афинах жило от 75–100 до 200 тыс. рабов и примерно столько же свободных. А во всем греческом мире тогда (по Белоху) проживало 7–8 млн человек, примерно половину из которых составляли рабы. Впрочем, число рабов едва ли можно подсчитать даже приблизительно, ибо они относились к домашнему имуществу и не включались в существовавшие сведения о населении.

В раннем Риме (VI – V вв. до н.э.) доля рабов, возможно, составляла не более $\frac{1}{16}$ – $\frac{1}{8}$ от всего населения, которое насчитывало 5–10 млн. В конце III в. до н.э. во всей Италии проживало около 4 млн свободных, а римских граждан из них – примерно 273 тыс. В начале II в. римских граждан было около 260 тыс., в середине II в. – 322 тыс., к концу столетия – уже около 400 тыс. К рубежу новой эры общее число римских граждан доходило до 5–6 млн (около $\frac{1}{10}$ всего населения Римской империи). А в самом Вечном городе в I – II вв. н.э. проживало до 1 млн человек (все данные – по Белоху). О населении империи перед ее крушением, в V в., данных нет. Но известно, что ее армии насчитывали в общей сложности более 600 тыс. человек, из которых в Восточной Римской империи находилось более 350 тыс., в Западной – около 250 тыс.

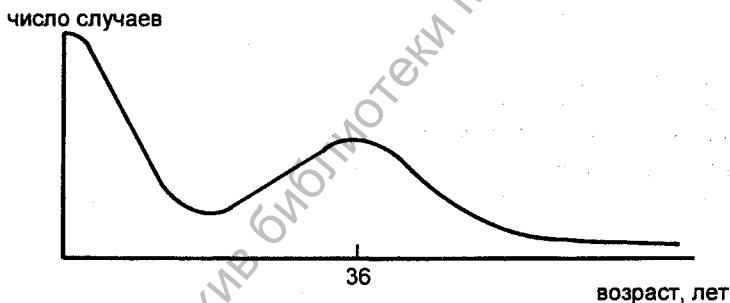
По Востоку подробных статистических данных нет, но известно, что число рабов там было много ниже числа свободных, среди которых преобладали крестьяне – мелкие землевладельцы. Это сообщало восточным обществам большую устойчивость.

С другой стороны, к рассматриваемому времени начала ослабевать прямая зависимость силы государственных образований от численности населения. Экономический и общественный уровень немногочисленных греческих государств позволил им успешно противостоять богатой людьми Персии в знаменитых греко-персидских войнах.

Продолжительность жизни

В ранней Греции продолжительность жизни составляла около 20 лет. Но уже в IV в. до н.э. свободные греки доживали в среднем до 40 лет.

В Египте начала новой эры средняя продолжительность жизни составляла 22,5–28,7 лет, в тогдашнем Риме – 22 года. Но Средняя Италия была нездоровой для жизни из-за болотистой местности и распространения малярии. В Испании, Галлии, Северной Африке условия проживания были получше, и там в среднем доживали до 35 лет, в римских городах I – II вв. н.э. – до 25 лет. У скифов эти данные составляли 25,8–29,5 лет.

Кривая смертности в античную эпоху
(по Б.Ц. Урланису)

По оценкам американских демографов, средняя продолжительность жизни в древнем мире колебалась в пределах 20–30 лет. Конечно, локальное разнообразие стало значительнее, чем в первобытности. Больше людей доживало до зрелого и пожилого возраста. Но активизация международных контактов, увеличение количества войн, причем с дальними походами, естественно, повышали уровень смертности и не способствовали росту рождаемости.

Известно, что в войнах Ассирии с 883 по 878 гг. до н.э. обычно уничтожалась и уводилась в рабство до 1/3 мужского насе-

ления. При завоевании Галлии Цезарем (в середине I в. до н. э.) примерно за 10 лет из 3 млн галлов погибло до 1 млн. В войне с Ганнибалом в Италии было убито до 300 тыс. жителей. Рабы, понятно, умирали от тяжелого труда, плохого питания и содержания.

Рождаемость

Огромное число рабов, особенно в античных обществах, не участвовало в воспроизводстве вообще. Хотя можно отметить и специфику. При патриархальном рабстве отмечена заинтересованность в рабах. Беременных рабынь даже освобождали от работ. Но в античном обществе с распространением рабства среди мелких рабовладельцев преобладало стремление максимальное и быстрее оправдать затраты на покупку рабочей силы. Поэтому становилось выгоднее максимально использовать молодого раба или рабыню, чем освобождать последнюю из-за беременности, а потом еще и кормить ее детей. Поэтому рабов помещали в казармы, что вело к падению рождаемости в их среде. А дешевизна рабов была временами поразительной, особенно при крупных завоеваниях. В 177 г. до н.э. в Риме цены на сардинских рабов так упали, что сложилась поговорка: «Дешев как сард». В I в. до н.э. в период завоевания Понтийского царства цены на рабов упали до 4 денариев, тогда как обычно в те времена они стоили 300-500 денариев.

В целом, однако, уровень рождаемости повышался за счет, пусть и незначительного, но увеличения продолжительности жизни женщин, которые, следовательно, могли больше рожать. На одну женщину в среднем приходилось 5 детей. В росте рождаемости были заинтересованы крестьяне. Но если на Востоке при большой роли крестьянского населения в хозяйстве эта традиция была довольно стабильной, как, кстати, и теперь, то в античном обществе ситуация постепенно менялась из-за сокращения самого крестьянства. Так, в Аттике за 100 лет в V – IV вв. до н.э. удельный вес крестьян уменьшился с 33–34% до 27–28%. В дальнейшем на падении рождаемости в Греции и Риме сказались и интенсивная урбанизация общества, и рост культуры, и отрыв аристократии, да и большинства свободных от трудовой деятельности, что лишало их заинтересованности в многодетности. Широкие слои мужчин греко-римского мира прельщала политическая и общественная деятельность, что требовало финансовых затрат. Дети, как и семья вообще, отходили на задний план. Свободное времяпровождение влияло и на брачные традиции,

поведение женщин. В римских семьях рубежа новой эры в среднем было 2 ребенка, что вообще вело к прекращению роста населения.

Ограничению рождаемости способствовала и огромная армия, в которую регулярно отвлекались массы молодых мужчин. Далеко не все из них возвращались домой. Так, после поражения при Каннах (216 г. до н.э.) Рим призвал в армию более 30% всего мужского населения, то есть около 10% свободного населения вообще. По реформе Мария (конец II в. до н.э.), с отменой гражданского ополчения в постоянной армии стали служить по 16 лет. А при Августе (рубеж новой эры) римская армия насчитывала 250 тыс. воинов (со вспомогательными службами – до 300 тыс.). Рядовые легионеры поступали на службу в 17–20 лет, и служили по 25–30 и даже 40 лет и до отставки не могли вступить в легальный брак.

В итоге, несмотря на то, что в Риме 75% женщин на рубеже новой эры вступали в брак до 20 лет, а 40% – даже до 14, античная семья сползала в кризис. Пренебрежение семьей у греческой знати еще в III – I вв. до н.э. и у римской в I – III вв. н.э. отрицательно сказывалось на плодovitости и репродуктивности общества в целом. Аморальность, характерная для аристократии, стала одной из причин ее вырождения. Женщины не хотели иметь детей. Увеличивалось число холостяков. Многие известные политики не оставляли прямого потомства. Даже в крестьянских семьях из-за сокращения земельных наделов (земля концентрировалась у латифундистов) рождаемость начала падать.

Ситуация к началу новой эры в Риме стала столь драматичной, что при Августе начала проводиться, пожалуй, впервые в истории, активная демографическая политика: вводились законы, направленные на поощрение рождаемости, на борьбу с безбрачием и бездетностью. Все мужчины от 25 до 60 лет и женщины от 30 до 50 лет были обязаны состоять в браке. В качестве наказания предусматривался запрет передавать наследство непрым родственникам. Незамужние женщины обязывались платить налог в 1% имущества. Имеющим трое и более детей предоставлялись привилегии. С конца I в. бедным семьям стали выделять пособия. Но все равно до 20–40% детей в I – III вв. было брошено. Позднее, в IV в., были запрещены аборты, хотя наказания за них назначались минимальные. Впрочем, эти решительные меры не оказали должного воздействия на рождаемость, ибо не могли изменить сложившийся уклад. А при Кон-

стантине из-за ограниченности средств законы Августа о льготах отменили.

Рассмотренный семейный уклад формировался еще греками, которые одни из первых среди древних народов начали соблюдать принцип единобрачия, ибо полагали, что вводить в свой дом множество жен – обычай варварский и недостойный благородного эллина, как писал Еврипид. Думается, в этом сыграла роль и ограниченность земельных ресурсов и рано в таких условиях формировавшиеся традиции обособленных семейных ячеек с правом собственности. К тому же только при моногамии можно было обеспечивать право всех мужчин иметь жен. В демократических условиях Греции идея равных прав была актуальна, а богатство и власть какого-либо преимущества в этом интимном деле не давали.

Так или иначе практически во всех греческих полисах сложился общий взгляд на институт брака. Считалось, что супружество преследует две цели: общегосударственную и частносемейную. Первой целью брака было приумножение числа граждан, которые могли бы воспринять от отцов обязанности перед государством. Производя на свет детей, гражданин выполнял свой долг перед родом и семьей, ибо дети – продолжатели рода – принимали на себя культовые обязанности по отношению к предкам, поддерживали и сохраняли семейные традиции. Вступая в брак, человек преследовал и личные цели – надежду на опору в старости, что при моногамной семье было чрезвычайно важно.

Важнейшим все же считалось исполнение своего долга перед государством. И это объясняет, почему в Афинах, где не было формального принуждения к женитьбе, само общественное мнение заставляло мужчин обзаводиться семьями. Одинокие, холостяки не пользовались тем уважением, которым окружало общество людей женатых и особенно имевших детей. А в более суровой Спарте за безбрачие на холостяков налагался крупный штраф.

При этом греческое общество оставалось патриархальным. Женщин считали существами неполноценными. Аристотель писал, что женское тело – несовершенная копия мужского, а Эсхил – что «мать не родитель того, что зовется ее ребенком; она лишь возвращает помещенное в нее семя, которое растет само».

В раннюю эпоху, в VII – VI вв. до н.э., жениха выбирал отец девушки. Кровное родство не являлось у греков препятствием для супружества. Браки заключались иногда даже между детьми одного отца. Закон запрещал только вступать в браки тем, у кого была общая мать (у других народов лишь царственные особы,

чтобы подчеркнуть свою исключительность, могли допускать incest). Выдавали замуж девушек в 15 и даже в 12 лет, что, кстати, осуждал Платон, считавший цивилизованным для девушек замужество с 18–20 лет, а женитьбу для мужчин – с 30 до 35 лет.

Появление на свет ребенка было для семьи торжественным событием, независимо от того, как к ребенку отнесся отец. Если рождался мальчик, двери дома украшали оливковыми ветвями, если девочка – шерстяными нитями. Младенца купали в воде, в которую в Афинах добавляли оливковое масло, в Спарте – вино. Если отец признавал ребенка, на 5–7 день после родов устраивали семейный праздник. Если же отец отказывался от ребенка, его просто выкидывали из дома, то есть обрекали на гибель, если только кто-нибудь его не подобрал и не выхаживал. Этот воистину варварский, дикий обычай может шокировать тех, кто поверхностно знаком с высокой древнегреческой культурой. Но зная о первобытных обычаях детоубийства, этому не следует удивляться. Здесь присутствовали отголоски все тех же традиций. Избавлялись от родившихся слабыми, увечными, опасаясь, что они станут обузой, а не опорой государства и семьи. В Спарте участь ребенка решали не отцы, как в Афинах и некоторых других городах, а старейшины города. Вместе с тем могли избавляться и от здоровых детей, особенно девочек. Так, в Милете (Малая Азия) в 230 – 228 гг. до н.э. у 74 греков было 118 сыновей и лишь 28 дочерей. Это могло быть связано с экономическими условиями в греческих полисах, порождавших потребность к саморегуляции численности населения. В итоге число детей в семьях ограничивалось двумя, реже – тремя. А семьи с двумя дочерьми считались исключениями. Понятно, женщины не могли выполнять те задачи, которые ожидали подрастающее поколение полисов: охранять границы, выполнять сакральные функции, поддерживать культ предков. Считалось, что женщины не представляют ценности и как рабочая сила в хозяйстве. Аристотель писал: «...должно поставить предел скорее для деторождения, нежели для собственности так, чтобы не рождалось детей сверх какого-либо определенного числа...». То есть с увеличением численности детей пришлось бы дробить семейную собственность, что разоряло бы граждан, а вслед за ними и государство.

Проблема перенаселения, как известно, рано стала актуальной для эллинов. Примерно с рубежа IV – III вв., как сообщал Полибий, греки решили впредь ограничиваться воспитанием одного, самое большее – двоих детей, хотя сам Полибий выступал против этого, считая, что страна со временем может обезлюдеть.

Такое решение, понятно, прежде всего ударило по девочкам. Уже позднее, в I в. до н.э., в письме некоего грека Гилариона из Александрии проявлялась трогательная забота о маленьком сыне и дается наставление жене, ожидавшей второго ребенка: «Если счастливо родишь и это будет мальчик – оставь его в живых, а если девочка – брось ее». Двух мальчиков в семье сохраняли на случай смерти одного из них.

Ни религия, ни мораль, ни право не осуждали этой жестокой практики детоубийства. Люди, которые находили брошенных детей и выхаживали их, также делали это не из сострадания, а из корыстного расчета. Они воспитывали себе верного раба или рабыню, которых затем можно было выгодно продать. Девочки чаще всего при этом попадали в руки сводников и держателей притонов.

Матери не всегда выкармливали младенцев. Часто их отдавали кормилицам, обычно бедным женщинам из числа свободных или рабынь. В афинских семьях в кормилицы, кстати, охотнее всего брали спартанок, отличавшихся отменным здоровьем и искусными, хотя и суровыми, методами воспитания. Детей выкармливали молоком, медом, а когда можно было переходить на более твердую пищу, поступали следующим образом: кормилица или нянька брала в рот кусок и, разжевав его, кормила этой кашцей ребенка. Современная гигиена, безусловно, отвергает такой способ. Но другой греческий прием успокаивания ребенка признается правильным и теперь: ребенка брали на руки и носили, укачивая.

Для детей делали игрушки: погремушки, кубики, волчки, куклы, зверюшек из терракоты, более дорогие – из слоновой кости. Некоторые куклы могли двигать ручками и ножками. Были и марионетки, управлявшиеся нитками. Дети постарше лепили игрушки из глины, воска, хлебного мякиша. Так что детство выживших детей уже проходило вполне цивилизованно.

В Спарте, впрочем, из-за особенностей ее внутренней жизни перенаселенности не было, там внимательно следили за тем, чтобы все способные к брачной жизни мужчины и женщины имели семьи. Были иски за безбрачие, за позднее вступление в брак. Многодетные семьи поощрялись. Спартанец, имевший 3–4 сыновей, публично получал награду. Впрочем, здесь много и от патриархально-казарменных порядков Спарты. Ведь настоящая семья там отсутствовала. Мужья были, по сути, приходящими, а дети довольно рано изымались из-под материнской опеки. Такие порядки, как известно, не прижились в других греческих государствах.

Но в целом демографическая политика в Греции отличалась гибкостью. При известном стремлении ограничить рождаемость после потерь в Пелопоннесской войне Платон изменил своему требованию установления минимального брачного возраста для мужчин в 30 лет, снизив его до 25 лет. Именно в такой ситуации греческие граждане, имевшие 3 сыновей, освобождались от ночной сторожевой службы, а отцы 4 сыновей – от всякой общественной службы. В спокойные годы все возвращалось на круги своя, и Аристотель ратовал за 37-летний минимальный брачный возраст для мужчин.

Вообще для греков при большой роли общественной жизни характерно негативное отношение к семье. Было много незамужних женщин. С конца VI в. до н.э. в Афинах появились гетеры. Первые публичные дома были открыты с начала VI в. по приказу Солона. В такой ситуации в развитых греческих полисах складывались условия для демографического упадка, который, очевидно, тоже внес свою лепту в закат греческой цивилизации.

Римская семья поначалу следовала греческим традициям. По своей структуре любая семья в римском государстве была автократичной. Глава дома по отношению к разным членам семьи занимал положение мелкого абсолютного монарха и именовался «отцом семейства».

Но в отличие от Греции женщины в Риме пользовались гораздо большей свободой. Они не были обречены на затворничество в своей половине (как в греческом гинекее), а проводили время в общих комнатах, принимали гостей как полновластные хозяйки дома, свободно появлялись в обществе, бывали в гостях и на торжественных приемах, о чем не могли и мечтать гречанки (женщины типа жены Перикла были в Греции исключением). Зависели от мужчин римские женщины в сфере экономики: они не могли владеть недвижимостью, но могли выбирать себе опекуна и даже самостоятельно распоряжаться своим приданым при помощи верного раба.

С современной точки зрения, отличительной особенностью брака в римское время был его частный, семейный характер. В эпоху Августа почти все римляне вступали в брак без вмешательства жрецов и никогда не привлекали государственных чиновников. Мужа для дочери, как и в Греции, выбирал отец. Отмечалось, что брачный возраст у юношей начинался с 14, у девушек – с 12 лет. Однако реальным для юношей был более зрелый возраст, ибо они еще должны были учиться и отбывать военную службу. Но девушки выходили замуж рано. В отличие от Греции,

где клятву при бракосочетании от имени невесты давал ее отец или опекун, в Риме сами молодые приносили брачные обеты.

Но практиковался выкуп за невесту, что означало передачу отцом или опекуном юридической власти над невестой ее мужу, сама же женщина не рассматривалась как юридическое лицо и потому была принуждена жить всю свою жизнь под властью («рукой» – *manus*) мужчины: отца, брата, опекуна или мужа.

Однако несмотря на подчиненное положение невесты, римский брачный обычай был значительно более передовым, чем у многих современных ему народов: необходимым условием законности брака было согласие не только жениха, но и невесты. Это правило было выражено в законодательной формуле «Брак совершается согласием, а не совокуплением». А в III в. до н.э. была введена новая форма брака, которая вызвала решающие перемены в положении женщин. Она позволяла невесте оставаться членом семьи (*families*) отца, невзирая на то, что та переезжала в дом мужа. Тем самым она, как дочь, сохраняла права на наследство своего отца, что давало ей определенную независимость от мужа. Ко времени Адриана (117 – 138 гг. н.э.), по словам современного историка, отец «не мечтал ни о принудительной выдаче дочери замуж, ни о противодействии ее решительному выбору».

Прекращение брака в Риме было возможно всегда, а для мужчины и легко достижимо. Но первый развод в Римской республике был отмечен только в 231 г. до н.э. Возможно, ранее они просто не фиксировались, что отражало отмеченный выше частный характер брака. Но уже во II в. до н.э. поводом для развода становилась любая мелочь, например: жена вышла на улицу с открытым лицом. По этому поводу Плутарх приводит такой анекдот: одного римлянина упрекали, что он разошелся с женой, красивой и богатой. Тот в ответ вытянул ногу, обутую в изящную сандалию и ответил: «Ведь и обувь эта новая и хорошо смотрится, но никто не знает, где она мне жмет».

К концу эпохи республики разводы в Риме стали весьма распространенными, тем более что женщины добились некоторого правового обеспечения своих имущественных интересов. Разрыв с традицией привел к превращению разводов в обычное дело. Такой распад семейных уз, как отмечалось, сказался на уменьшении рождаемости. Сам Август был разведен, но это не оказало влияния на вводимое им законодательство, оказавшее важное историческое влияние на домашнюю жизнь. Кроме аморальности легких разводов, Август усмотрел в них угрозу государству: перепись населения показала, что большинство мужчин, принадлежащих к классам сенаторов, всадников и образующих римскую аристократию, остаются холостяками. Ав-

густ рекомендовал сенату ряд законов, которые предусматривали ограничение прав наследства для бездетных и неженатых, сокращали срок обручения до двух лет и требовали, чтобы отцы обеспечивали приданое дочерям. Соответственно, поощрялось материнство, и мать троих детей освобождалась от обязательной мужской опеки.

Уже одна последняя норма означала радикальное покушение на святость доминирующего положения мужчины в семье. В целом законодательство Августа завершило переход от древнего представления о семье как целостном и независимом минигосударстве к восприятию семьи как подчиненной государству социальной ячейки, члены которой несут индивидуальную ответственность перед властями крепнущей державы – большого национального государства. Поскольку было желательно ускорить заключение разведенными супругами новых браков, возникла нужда в большей формализации разводов. Теперь для подтверждения развода требовалось семь свидетелей.

Впрочем, и законы Августа не покушались на свободу разводов. Но после очередного развода бывшим мужу и жене предписывалось в определенные сроки вступать в новые законные браки (для женщин – от 6 месяцев до 2 лет, считая со дня развода). Интересно, что новых мужей легче было найти женщинам пожилым, ибо кандидаты в мужья часто мечтали о будущем завещании и о наследстве старой жены. Естественно, от таких браков прибавления детей ждать не приходилось.

Дети почти повсеместно рассматривались как наиболее важный результат брака. В древности поклонение предкам сообщало деторождению мистический смысл, что, впрочем, не мешало производить аборт, осуждаемые обществом и тщетно запрещаемые имперским государством во II в. н.э. Ранее они считались незаконными, только если были сделаны без разрешения главы семьи (*pater familias*). Также широко, хотя и без большого успеха, применялась контрацепция. Вагинальные препараты, блокирующие или убивающие семя, равно как и циклический способ, имеют длительную доримскую историю. Гиппократ в своей известной клятве осуждал аборт, но не контрацепцию. Существовавшее тогда изобилие явно шарлатанских снадобий и суеверных приемов указывает как на интерес к контрацепции, так и на отсутствие надежных средств.

Заботливое отношение к детям, рожденным в богатстве, не делало детоубийство менее распространенным явлением, особенно частым среди бедняков, более редким – в среде зажиточных людей. Римское законодательство также разрешало продажу лишних детей в рабство, что было древним обычаем; во II в. до н.э., правда, продажа была ограничена только очень малень-

кими детьми, которых родители не могли прокормить. В I – III вв. н.э. императоры еще более сократили власть отцов, запретив продажу детей, за исключением случаев крайней бедности. В 318 г. н.э. император Константин, движимый, с одной стороны, гуманным влиянием христианской церкви, с другой – беспокойством по поводу сокращения населения, приравнял детоубийство к преступлениям, наказуемым смертной казнью.

Но несмотря на такие обычаи, латинская литература изобилует выражениями родительской любви к детям. В типичном римском домохозяйстве ребенка достойно кормили и прилично одевали (в тунику, плащ, тогу – уменьшенные варианты костюма для взрослых). На хуторах дети поневоле должны были начинать работать, как только достаточно подрастали. В городских семьях высшего и среднего класса детям давали систематическое образование.

Еще одним парадоксом античности было отсутствие врачебной помощи при родах. Как в Греции, так и в Риме достаточными считались услуги повитухи или опытной в акушерстве рабыни. Неудивительны трагические исходы и для рожениц, и для новорожденных. Регистрировать детей было необязательно до указа Августа, который обязал оповещать власти в течение 30 дней о родившемся ребенке.

Положение детей, не принятых отцом в римскую семью, было аналогичным тому, что отмечено в Греции. По-настоящему бороться с умерщвлением новорожденных начали только христиане.

К внебрачным детям в Риме относились отрицательно и при строгости нравов периода республики, и при их либерализации в ранней империи, в эпоху Принципата. Но ревнитель нравов Август ввел и специальные кары за прелюбодеяние с чужой женой, за супружескую неверность. Однако за конкубинат (связь с наложницей) не наказывали. Так что внебрачных детей хватало, но юридических прав они не имели. С победой христианства в IV в. положение бастардов еще более осложнилось, тем более что церковь выступила и против конкубината. При Юстиниане (первая половина VI в.) конкубинат расценивался как низшая форма супружества, особенно в правах конкубины и ее детей на наследство. Такое более либеральное отношение к незаконно рожденным сохранилось в Византии до IX в., в Западной Европе – до XII в.

Если, как отмечалось, при родах медицинская помощь не полагалась, то особая детская медицина – педиатрия – существовала, особенно в Риме. Так что сохранившим жизнь детям могла

оказываться и специализированная помощь, что несколько компенсировало падение рождаемости.

Доминирование мужчин в римских обычаях и порядках всегда сказывалось и на том, что на протяжении всего языческого периода римской истории преступлением считалось лишь прелюбодеяние, совершенное женщинами. В период республики муж имел право убить изменившую ему жену, пойманную на месте преступления, вместе с ее любовником, если он был вольноотпущенником или рабом. Законодательство Августа ввело более гуманное и практичное наказание в виде штрафа, размер которого зависел от размера приданого жены. Новый закон коснулся и поведения мужа. Чуть позже оскорбленная жена приобрела ценное право получить назад свое приданое, однако прелюбодеяние стало равноценным преступлением как для мужа, так и для жены только тремя столетиями позже, в эпоху Константина. На самом деле Августа больше всего интересовала удовлетворенность мужа, и потому основной упор в его законодательстве был сделан на определение и облегчение процедуры развода. Неслыханным наступлением на традиционную закрытость частной жизни стало наделение платных информаторов правом свидетельствовать против заблудших жен всепрощающих мужей.

Завершая обзор семейных отношений, отметим, что смерть в римском обществе была сугубо частным делом. Языческая религия не давала утешения а медицина не предлагала никаких паллиативов до смерти, хотя, конечно, лечили. Но показательна эпитафия (надгробная надпись), приведенная Полибием: «Погиб, сраженный толпой врачей». Римлянин умирал дома, обычно оставаясь в одиночестве. Как писал Сенека: «Никто не сидит с умирающим другом. Никто не в состоянии заставить себя, как бы того ни хотел, наблюдать за смертью отца». Похороны проходили скромно, незаметно.

Но прогресс в медицине все-таки был. Распространение практической медицины в Риме относится к началу новой эры. В эпоху Августа были заложены основы медицинской службы в армии. Военные врачи следили за питанием, гигиеной. В знаменитых римских походных лагерях сооружались бани с горячей и холодной водой, специальные отхожие места с хорошей очисткой. Для службы на флоте учитывали даже психические особенности моряков. У врачей были помощники – санитары. При Марке Аврелии армейская медслужба придумала для себя знаменитую эмблему – кубок и змею Асклепия – бога – покровителя врачевания.

Все это облегчало жизнь людей античной эпохи. Но сохранение древних обычаев, регулирование рождаемости (в том числе

и детоубийством), многочисленные войны, а затем и кризис семьи в позднем Риме сдерживали рост народонаселения.

Противоположное отношение к детям отмечается в древнем Китае. Там, в иной общественной системе, при отсутствии такой публичной жизни, как в античном Средиземноморье, семья была не только ячейкой общества, но и его хозяйственной единицей, в которой проходила вся жизнь рядового человека. А в правящем слое большую роль играли патриархально-семейные узы, поэтому многодетность поощрялась. Рост населения рассматривался мыслителями и политическими деятелями Китая как показатель увеличения национальной силы, благосостояния и процветания. Но в семейной жизни китайцев были свои особенности. В многочисленных китайских руководствах секс и любовь считались неразделимыми. Поэтому занятие сексом требовало уединения. В Индии, по «Кама-сутре», наоборот, секс и любовь не увязывались в единое целое. Поэтому занимались сексом открыто. Полигамия в Китае распространялась только в аристократической среде, так же, как и большие семьи. Но гаремов, как на Ближнем Востоке, там не было, и нередко сыновья вступали в связи со скучающими женами и наложницами отцов. В Индии большие семьи были характерны для всех общественных слоев, что создавало лучшие условия для выхаживания детей, вообще для заботы о слабых. Полигамия в Индии – тоже удел знати, но допускалась и при бесплодии первой жены.

Завершая тему, отметим еще некоторые детали сексуальной жизни древних. Первые следы контрацепции отмечены в древнем Египте (мази, пасты). Аристотель, кстати, для этого же рекомендовал оливковое масло. В Шумере и Вавилоне проституция не считалась позором, ибо в храмах культивировался особый культ плодородия. Даже знатные женщины, по замечанию Геродота, раз в год должны были участвовать в этих культовых ритуалах.

В целом, нравы восточных обществ более способствовали многодетности. Но конкретной статистикой о демографических процессах там мы не располагаем.

Итоги

Выделим главные особенности демографических процессов в древних обществах.

1. Вследствие накопления хозяйственного и технического опыта улучшались бытовые условия и обеспечение пищей. Тем самым создавались предпосылки для выхаживания большего числа новорожденных, уменьшения смертности и общего роста продолжительности жизни.

2. Но реализация этих потенциально благоприятных демографических условий была затруднена из-за того, что:

а) во многих землевладельческих регионах, особенно в Греции, а затем и в Риме, в условиях ограниченности земли и быстрого роста количества рабов создавалось относительное перенаселение, что вело к необходимости регулирования рождаемости, ее искусственному сдерживанию и сохранению практики детоубийств. Короче, античное общество не проявило интереса к росту населения;

б) если смертность от естественных причин уменьшалась, то увеличилась из-за участвовавших войн, которые стали и более продолжительными. Обострение военных конфликтов было связано с ускорением социальной дифференциации древних обществ, выделением знати, формированием государств, озабоченных и собственной безопасностью, и поисками дополнительных источников обогащения. В итоге столкновения стали интенсивнее и разрушительнее, чем в первобытности. Это увеличило как воинские потери, так и жертвы среди мирного населения. К тому же многочисленные, почти постоянные войны, особенно между крупными государствами, отвлекали значительную часть мужского населения самого продуктивного возраста от процесса воспроизводства;

в) в античном обществе произошло изменение брачной модели. Направление развития античной цивилизации к хозяйственному обособлению индивида вплоть до формирования частной собственности с необходимостью вело к гражданскому обществу с демократическими традициями. Эти традиции не могли не затронуть и брачную модель – в обществе все взаимосвязано. И если в Греции еще сохранялись патриархальные отношения, пришедшие из варварства – полное господство мужа в семье (правда, при установлении моногамии), то в Риме дело дошло до изменения брачной модели; говоря демографическим языком, *половое поведение* (в традиционном обществе, в котором автономное поведение женщин отсутствовало, кроме проституции, половая жизнь регулировалась браком, а в браке – воздержанием при постах и другими ритуалами) сменялось *прокреционным поведением* (независимостью полового поведения от традиций, регулированием рождаемости самими людьми через контрацептивы, аборты, известные уже в древнем Египте, но широко применявшиеся в Риме, особенно верхами). Это значительно сократило рождаемость и воспроизводство населения в позднем Риме, в определенной степени даже способствовало кризису и разложению, загниванию правящих слоев империи. Лишь христианство, основываясь на поздневарварской брачной модели, на традиционном половом поведении с сильным патриархальным, мужским началом и брачными обычаями стало восстанавливать в Средиземноморье старые формы семьи, распространив-

шиеся потом по всему христианскому миру. Но от античного общества церковь взяла идею моногамии.

3. Восток развивался без таких скачков и зигзагов, в том числе и в демографическом отношении. В условиях, когда в хозяйстве сохранялись традиционные коллективные, общинные формы, когда коллективная собственность общин на землю плавно перерастала в общегосударственную собственность под началом монарха, поздневарварская патриархальная семья сохранила свои основные ценности: большие коллективы совместно проживавших родственников, часто с совместным же хозяйством (так было легче нести повинности). В таких условиях оставалась потребность в рабочих руках, что объективно вело к поощрению многодетности. Это же характерно и для брачного поведения правящих слоев, где многочисленная родня, клан были необходимы для удержания определенного места в обществе. Ибо гарантом собственности на Востоке был не закон, как в античном мире, а монарх и приближенная к нему знать. Это, однако, особая тема. Для нас же важно подчеркнуть сохранение на Востоке традиционной брачной модели. Впрочем, позднее средневековая Европа тоже к ней вернулась.

4. Отмеченные особенности Востока обеспечивали там более стабильный рост населения, чем в Европе. Но опять-таки многочисленные войны, особенно ожесточенные из-за соседства землевладельцев с кочевниками, которые при своей экстенсивной хозяйственной модели не могли обходиться без постоянных войн, отрицательно влияли на демографическое развитие. К этому можно добавить и катастрофические стихийные бедствия, от которых постоянно страдали густонаселенные земледельческие цивилизации долин Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхэ. В итоге природа и человеческое несовершенство ставили серьезные ограничения росту народонаселения Востока.

5. Наконец, в рассмотренную эпоху проявились и противоречия хозяйственного, культурного и демографического развития. Относительная малолюдность античного общества не мешала ему одерживать победы над многолюдными, но негибкими, деспотичными восточными государствами с менее образованным населением (победы греков над персами, захваты Александра Македонского в Азии, римская экспансия на том же Востоке). То есть силу и цивилизованность конкретного общества прежде всего определяли экономический и культурный уровень, а не интенсивность демографического развития.

Глава IV ДЕМОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Общая ситуация. Динамика демографического развития

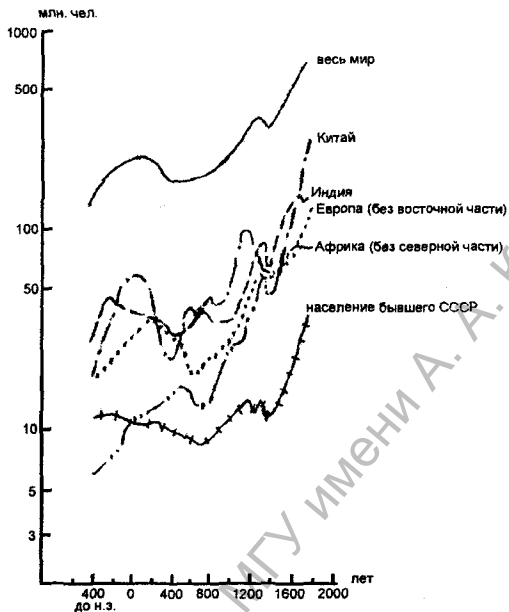
Эпоха, условно называемая средневековой, характерна прежде всего выходом из первобытности населения преобладающей части территории Европы, ряда регионов Азии и Африки, появлением первых цивилизаций в Америке. Социально-экономические

процессы породили появление многих новых государств, неравномерности экономического и политического развития способствовали многочисленным миграциям, в условиях которых формировалось большинство современных народов и государств. Если в древности человеческие цивилизации располагались довольно узкой полосой от Средиземноморья до тихоокеанского побережья Китая, то в Средние века различные цивилизации покрыли большую часть Земли.

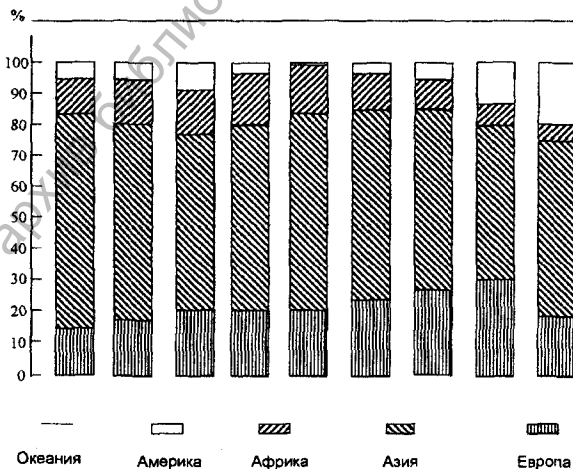
Соответственно активизировались и демографические процессы, возрос объем информации о них. Если за все I тыс. н.э. прирост населения составил 20–30% (во второй половине I тыс. отмечено даже уменьшение его численности), то лишь за первые 500 лет II тыс. население выросло уже на 150%. При этом по-прежнему 2/3 всего населения Земли проживало в Азии. В абсолютных цифрах к началу новой эры, как отмечалось, всего на планете проживало около 250–280 млн человек, к 1000 г. – примерно 300 млн, к 1500 г. – 440–450 млн человек.

Из графика (см. стр. 66) видно практически повсеместное снижение абсолютной численности народонаселения в середине и второй половине I тыс., связанное с массовыми миграциями, войнами, исчезновением многих государств того времени. Затем прогрессивная тенденция демографических процессов стабилизировалась, особенно в Европе.

Динамика соотношения численности населения по континентам наглядно видна на нижеследующем графике.

Динамика численности населения Земли и ее отдельных регионов с 400 г. до н. э. до 1800 г. (по А.Г. Вишневскому)

Динамика демографического развития населения Земли по континентам в I – II тыс. н.э. (по З. Павлику)

По отдельным странам и регионам числовые данные следующие.

Регион, страна	Год	1	1000	1800
	Китай		60–70	60–70
Индия (с Пакистаном и Бангладеш)		45–70	55–75	180–200
Ближний Восток (с Северной Африкой)		38–42	28–32	28–34
Западная Европа		33–36	28–30	109–111

(По В.А. Мельянцеву)

Рассмотрим данные по регионам подробнее.

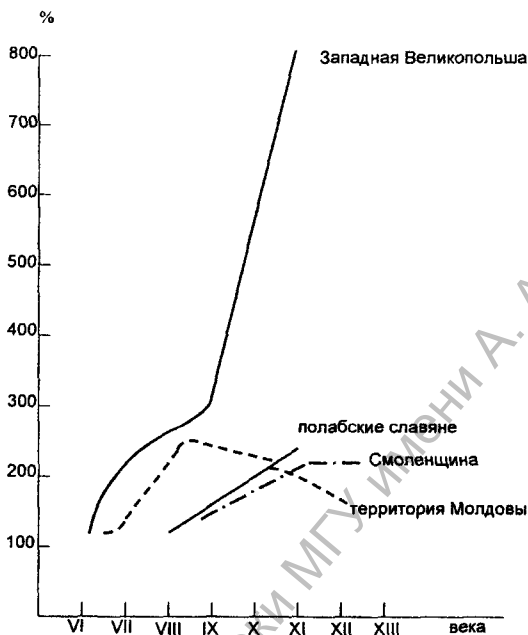
В начале новой эры германцев в местах их начального обитания (Южная Скандинавия и Северная Германия) жило (по разным оценкам) от 3 до 6 млн человек, столько же – славян.

К середине I тыс. на территории Римской империи проживало до 100 млн человек, из них в Византии в VI в. – примерно 30 млн, вандалов при их высадке в Северной Африке в V в. насчитывалось 8–10 тыс. (вероятно, это только воины). Вестготы, появившиеся в Испании в VI в., составляли не более 5% населения Пиренеев. В Галлию в V в. вторглось не более 500 тыс. германцев, которым противостояло более 6 млн галло-римлян.

Обратимся к Центральной и Восточной Европе. Исходя из количества поселений и могильников, славянское население середины I тыс. определяется (по разным методикам) в 2,7–4 млн человек. На территории Беларуси проживало 80–100 тыс. человек. Демографические процессы во второй половине I тыс. здесь были противоречивыми и зависели в разных землях от конкретной ситуации, что видно из приведенных графиков. Такие же различия наблюдались и позднее.

К рубежу I – II тыс. и в первой половине II тыс. демографическая ситуация в Европе и Азии выглядела более определенной (в млн человек).

Годы	Регионы, страны	Европа	Китай	Индия	Япония
1000		38 – 56	60 – 70	55 – 75	4
1100		48 – 62			6
1200		61 – 68			8
1300		73 – 79			11
1400		45 – 76			14
1500		69 – 91	66		16
1600		89 – 106		100	20

Динамика заселенности отдельных центрально- и восточноевропейских земель (по С. Курнатовскому)

Доколумбово население Америки (к середине II тыс.)

Северная Америка	4,4 млн человек	или 8% населения континента
Мексика	21,4	37
Центральная Америка	5,6	10
Острова Карибского моря	5,8	10
Андские горы	11,5	20
Низменная часть Южной Америки	8,5	15
Вся Америка	57,3	100

Особенность средневековья – медленная депопуляция Азии. Если в начале новой эры в Азии жило 73% всего населения Земли, в 1000 г. – 61%, в 1500 г. – около 53%. Причины этого – нападения кочевников на землевладельческие районы, особенно монголов в XIII в. и турок в XIV – XV вв. А когда не воевали,

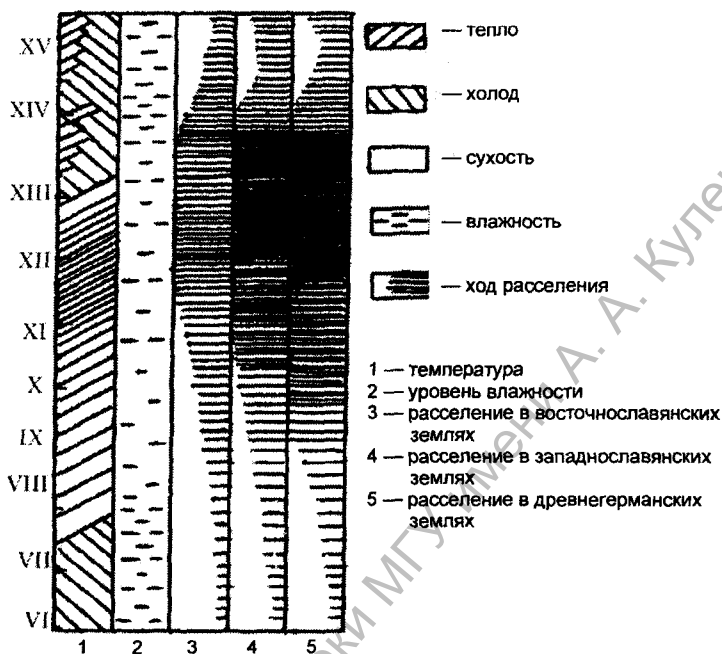
тогда голодали из-за последствий набегов кочевников и природных катаклизмов. Войны способствовали укреплению военной знати, что вело к усилению эксплуатации и обнищанию остального населения. Отрицательно сказывались и особенности восточного феодализма – государственная монополия на землю, господство деспотических режимов.

Проследим подробнее европейскую демографическую динамику.

Века Территории	X/XI млн чел.	на 1 км ²	XII/XIII млн чел.	на 1 км ²	XIV/XV млн чел.	на 1 км ²
Германские земли	4	8	7	14	14	28
Британия	2,5	7	3,5	10	7	20
Франция	8	16	12	24	20	40
Пиренеи	6	10	7	12	10	17
Италия	5	16	10	32	13	42
Венгрия	1	4	2	8	3,5	14
Польша	0,7	4	1,4	8	3	18
Балканы	6	12	12	18	12	24
Скандинавия	1	1	1,5	1,5	2	2
Восточная Европа	4,5	2	9	4	13,5	6

Общий демографический прогресс очевиден. Но были и существенные колебания, выделенные в графике на стр. 70. Они зависели от многих факторов. Прежде всего – от своеобразия природной среды, особенно от перемен в климате. Так, климатические изменения, повлекшие за собой усыхание степей в Азии и в Восточной Европе (наступление тайги на севере, пересыхание на юге), сдвинули с места огромные орды кочевников, которые в середине I тыс. принесли многочисленные беды и разрушения в Индии и Китае, а в Европу докатились гуннским нашествием и вызванным им Великим переселением народов. Это, безусловно, отрицательно сказалось на развитии, в том числе и демографическом, землевладельческого населения.

Вторая половина I тыс., особенно с середины VIII в. в Европе прошла под знаком улучшения климата, что способствовало расширению ареала возделываемых земель, улучшению агрикультуры (распространение плуга и паровой системы земледелия). Наиболее благоприятными для земледелия в Европе были XI – XII вв. Именно в этот период и отмечено начало демографического бума по всему континенту.

(Плотность штриховки означает интенсивность процесса)

Этот бум в Европе не затронул лишь Скандинавию, где земледелие тогда не играло решающей роли в хозяйстве и пищевом рационе. В остальных же европейских землях началась активная внутренняя и внешняя колонизация, освоение пустошей и лесных земель. Все это создало новую, более значительную пищевую базу и новые уголья для испомещения растущего, прежде всего, сельского населения.

Но уже со второй половины XIII в. ситуация начала меняться. На Восточную Европу обрушились монголы. В Западной и Центральной Европе демографический кризис наступил в XIV в. Начался он с ухудшения природных условий. Климат уже с конца XIII в. стал портиться: повысилась неустойчивость погоды и влажность. Последнее привело к слякотным зимам и гнилым летам, что вызвало участвовавшие неурожаи. Тем более что при освоении лесных площадей в ходе внутренней колонизации в Западной и Центральной Европе крестьяне по неопытности распахали много бедных, быстро истощившихся земель, а вырубленные при этом леса перестали весной

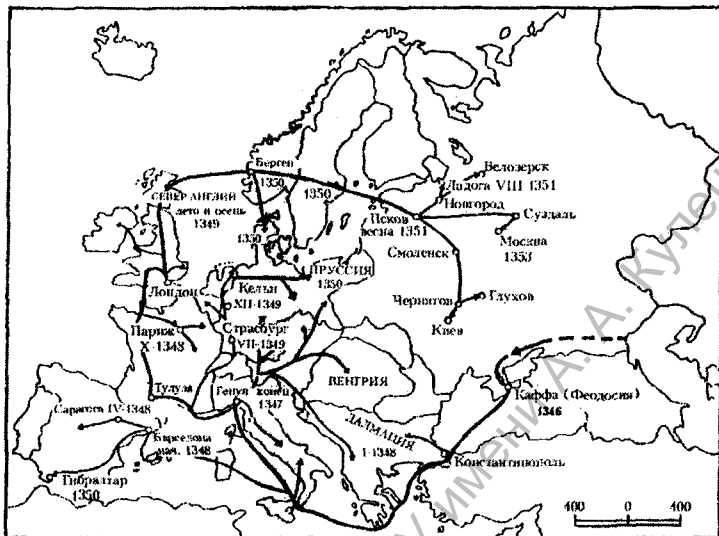
задерживать снег. Последнее провоцировало катастрофические весенние паводки и заболачивание речных долин, где по традиции продолжало проживать большое число людей. Уменьшение лесного покрова усилило и влияние ветров, переносивших влажный воздух с Атлантики вглубь континента. Постепенно крестьяне приспосабливались к новым погодным условиям и новому водному режиму. И очередной виток холода, начавшийся с конца XV в. (так называемый малый ледниковый период), не имел столь катастрофических последствий. Но это уже было позже.

Теперь же неблагоприятная экологическая обстановка в Западной Европе наслонилась на начавшиеся перемены в экономических и социальных порядках деревни (изменение форм повинностей с выкупом крепостной зависимости, проникновение в сельское общество рыночных порядков и усиление имущественного размежевания среди крестьян). Это привело к обеднению значительного числа крестьянских хозяйств, голоду, восстаниям. На севере Франции разорение довершила Столетняя война с Англией (1337 – 1453). В Центральной Европе таких социально-экономических изменений и войн тогда не было и демографический спад был менее ощутимым.

И ко всему добавилась самая опустошительная в истории средневековой Европы эпидемия чумы 1347 – 1353 гг. – печально знаменитая «Черная смерть», охватившая весь континент. Она довела общую демографическую ситуацию в ряде мест до катастрофы. Смертность от нее достигала от 20–30% до 80–90% населения. В Лондоне, например, в разгар эпидемии хоронили по 200 человек ежедневно. Во второй половине XIV в. затухающие волны чумы (из-за оставшихся кое-где очагов инфекции) еще несколько раз прокатывались по Европе. Итоги эпидемии для Англии (в тыс. человек).

	население	потери	% смертности
перед «Черной смертью»	3757		
после «Черной смерти»	3127	более 600	25 – 27
после эпидемии 1360 – 1361 гг.	2745	более 350	23
после эпидемии 1369 г.	2452	около 250	13
после эпидемии 1374 г.	2250	около 200	12
в конце XIV в.	около 2000		около 5

(по В.В. Самаркину)

Распространение «Черной смерти» в Европе
(по В.В. Самаркину)

В Италии от этих эпидемий население уменьшилось почти на 40% (с 9,2 до 5,5 млн человек). Во Франции чума совпала со Столетней войной. В итоге в Нормандии к концу XIV в. осталось не более 60% жителей от уровня 1328 г., в Провансе – 65%. Если в 1328 г. во Франции проживало около 20 млн человек, то в 1450 г. – около 12 млн. Только с 30-х гг. XV в. начался рост населения, но дочумный уровень был восстановлен лишь в конце XV – начале XVI в. В целом от чумы в тогдашней Европе погибла почти половина населения – около 25 млн человек.

Последствия чумы неизмеримы в плане демографическом, экономическом, социокультурном, религиозном, социально-психологическом. Историк медицины Ж. Сурниа утверждает, что они сравнимы с атомной войной. Пандемия привела Европу в состояние демографической катастрофы. В особенности пострадали города, ибо в условиях городской скученности болезнь распространялась быстрее. Но аграрный мир Европы также пришел в критическое состояние: земля осталась невозделанной, нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве привела к массовому падежу скота и эпизоотиям. Попытки преодоления экономического кризиса путем законодательного регулирования вызывали к жизни жесточайшие меры, например, английское рабочее законо-

дательство Эдуарда III и Ричарда II, запрещавшее бродяжничество и попрошайничество.

«Черная смерть» показала, как изменяется поведение человека в критической ситуации. С 1348 г. в Европе наблюдаются эпизоды коллективной паники, массовые психозы, галлюцинации. «Почетный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез», – с горечью отмечает современник событий итальянский писатель Джованни Боккаччо. Для «человека перед лицом смерти» девальвировались религиозные и нравственные нормы: «Не станем говорить о том, что один горожанин избегал другого, что сосед почти не заботился о соседе, родственники посещали друг друга редко или никогда или виделись издали: бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя племянника, сестра брата и нередко жена мужа: более того и вернее: отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто то были не их дети». По многим линиям происходил разлом отношений человека с официальной церковью, на которую возлагалась вина за Господнюю кару. Чума вызвала к жизни новые еретические течения. По городам Франции и Германии двигались процессии флагеллантов.

«Черная смерть» повлекла за собой вспышку антисемитизма: евреев обвиняли в злонамеренном отравлении колодцев с целью вызвать мор. В булле Климента IV говорилось, что евреи так же, как и христиане, умирают от чумы, а следовательно, не являются ее виновниками. Но эта булла не положила конец преследованиям.

Страшная пандемия не могла не найти свое отражение в изобразительном искусстве и литературе. Весьма популярным стал сюжет «Пляска смерти». Мироощущение человека приговоренного, человека за гранью отчаяния приводило к различным эксцессам: в художественной литературе прочно утвердилась тема «пира во время чумы».

Кстати, современные эпидемиологи подвергают сомнению первоначальный диагноз: в хрониках нет указаний на массовую гибель крыс, которая считается неотъемлемой частью картины; эпидемия легко распространялась через дороги и реки, что для чумы нетипично. Инфекция передавалась только от человека к человеку. Поэтому чуму сравнивали с пожаром. Если при борьбе с проказой жесткие меры изоляции в лепрозориях приносили свои плоды и проказа постепенно покидала Европу, то для «черной смерти» это оказалось явно недостаточным. Меры, принятые для борьбы с эпидемией, различались, но основным способом повсюду стал *cito, longe, tarde* (*бежать быстрее и дальше, возвращаться позже*). Паническое бегство людей из зараженных районов, естественно, способствовало дальнейшему распространению заболевания. И главной задачей местных властей стали меры, препятствующие развитию болезни: именно чуме

Европа обязана появлением карантинной службы и основ городского здравоохранения. В портовых городах Италии экипажи кораблей, прибывавших с востока, в течение 40 дней не сходили на берег, чтобы предотвратить возможное заражение¹.

На общую динамику демографических процессов влияли и многочисленные войны. Так, в первом крестовом походе на Восток (1096 – 1099) участвовало до 100 тыс. крестьян, около 70 тыс. рыцарей, ополченцы, обоз. До Иерусалима дошло чуть более 20 тыс., а обоз погиб почти весь. В результате всего крестового движения на Восток (1096 – 1270) европейцы потеряли до 3 млн человек. О потерях Востока неизвестно, но еще долго население Ближнего Востока с ужасом вспоминало крестоносцев.

Впечатляющими были потери в гражданских войнах. Так, в войне Алой и Белой роз в Англии (вторая половина XV в.) погибло до 10% населения; одних солдат среди них – около 80–120 тыс., то есть 4–6% всего населения.

Впрочем, многие цифры часто были преувеличенными. Например, по летописи, в Куликовской битве участвовало до 400 тыс. с обеих сторон, в живых осталось 40 тыс. воинов. Современный исследователь Шахмагонов установил, что русских в битве было не более 24 тыс., а ордынцев – 40 тыс. Потери русских (по Урланису) едва ли превышали 10 тыс. Но и это много, и не потому, что скорбеть надо о каждом погибшем; необходимо учесть, что княжеские дружины редко достигали 10 тыс. воинов.

Теперь, рассмотрев как бы внешние условия демографических процессов, обратимся к их внутренним составляющим.

Продолжительность жизни

Во второй половине I тыс. средняя продолжительность жизни в Западной Европе уже поднялась до 40 лет, в Восточной Европе – до 36,5 лет.

Средний женский возраст был примерно на четверть ниже мужского, вероятно, из-за смертности при родах. В Византии в IV – VI вв. средний возраст мужчин был в пределах 35–44 лет, женщин – 25–34 лет. Средний возраст императоров Македонской династии (IX – X вв.) достигал 55 лет, Комнинов (XI в.) – 61 год. Ученые в Византии доживали до 70 лет, отшельники – до 80–90 лет. В менее цивилизованной Западной Европе монархи обычно жили поменьше. Например, короли Саксонской династии в Германии (X в.)

¹ Подробнее см.: Бергер Е.Е. «Черная смерть» // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 335-339.

доживали до 40 лет, а средний возраст погребенных в дружинных могильниках Центральной Европы не превышал 27 лет.

В X – XV вв. средняя продолжительность жизни в Европе осталась в целом прежней. Но пожилых становилось больше. Знаменитый папа Иннокентий III (конец XII – начало XIII в.) дожил до 55 лет. Итальянский поэт XIV в. Данте считал апогеем человеческой жизни 35 лет, 45 лет – старостью, 70 лет – поздней старостью, а сам умер в 56 лет. Предельный возраст службы рыцаря определялся в 60 лет. Но доживало их до такого возраста мало и пятидесятилетние считались старцами. В городские Советы обычно избирали перешагнувших 30-летний рубеж, и такой возраст считался зрелым. А у дворян высокие должности уже в 22–25 лет были обычным делом. Пятидесятилетние считались «старцами».

Подробные сведения о продолжительности жизни дошли из Англии. Члены королевской семьи жили в среднем по 30,7 года, для других слоев данные таковы.

Даты	Средняя продолжительность жизни, год	Даты	Средняя продолжительность жизни, год
До 1276 г.	35,3	1348 – 1375 г.	17,3
1276 – 1300	31,3	1376 – 1400	20,3
1301 – 1325	29,6	1401 – 1425	23,8
1326 – 1348	30,2	1426 – 1450	32,7

Таковы же средние данные по тогдашней Франции, где во времена Столетней войны средняя продолжительность жизни упала до 18 лет.

В Греции в условиях упадка Византии, затем Османского завоевания средняя продолжительность жизни упала с 30 лет до 22 лет, как в античную эпоху.

В Венгрии X – XII вв. этот же показатель составлял 27,3–37,8 года. В западнославянских землях – та же картина: средняя продолжительность жизни – около 30 лет. В некоторых могильниках до 30% погребений – детские. Старше 50 лет – 5–22%. Причем мужчины жили на 4–5 лет дольше.

В древней Руси население жило в среднем 36–38 лет (мужчины – 37–40 лет, женщины – 35–36 лет). Примечательно, что средняя продолжительность жизни в княжеских родах древней Руси составляла в XIII – середине XIV в. лишь 27,2 года, в XIV – XV вв. – 31,5 года. В северорусских сельских погребениях до 30% костяков – детские, а средний возраст взрослых там – 33 года, причем изучение останков свидетельствует о перенесен-

ных тяжелых физических работах. Но парадокс: по данным этих же погребений, мужчины жили в среднем до 30,1, а женщины – до 32,8 года.

Следует отметить, что данные археологов и антропологов, изучавших сельские могильники, превышают средние числа, полученные из письменных источников, относящихся к знати и городскому населению. Возможно, это отражает при всем прочем более здоровые условия жизни в сельской местности, даже несмотря на тяжелый физический труд крестьян. В высших слоях при благоприятных условиях могли доживать до глубокой старости, но ведь далеко не все умирали естественной смертью.

В целом же, как видно, по сравнению с древностью наблюдается постепенное, очень медленное увеличение числа людей более старшего возраста. Что за этим стояло?

Рождаемость и смертность

При традиционном типе брачного поведения, который сохранялся и в Средние века, динамика демографических процессов была прежде всего связана с уровнем смертности. Среднее соотношение рождаемости и смертности в тогдашней Европе было 4,2 : 3,6 (на 100 человек), а в период демографического упадка – 0,9 : 4,1, то есть смертность тогда превышала рождаемость. Нередки были бездетные семьи. В X – XI вв. во Франции таких было до 20% от всех крестьянских семей. А на русском севере, по данным из могильников X – XIII вв., на 1 женщину приходилось 1,66 – 2,6 ребенка, то есть в семьях в среднем было не более 2 детей.

В целом смертность уменьшилась. В Европе X – XV вв. она в среднем составляла (по Урланису) 37-42 промилле (то есть на тысячу жителей). Приведем данные по отдельным странам (в промилле):

Страна	Сербия		Швеция	Германия	Венгрия	Всего	
века	X – XI	XII – XIV	XII – XIV	XII – XII	X – XII	X – XII	XII – XIV
возраст							
0 – 6 лет	28,4	4,4	44,8	15,6	28,7	29,5	22,4
7 – 14	16,4	18,6	11,8	12,6	–	17,4	13,3
15 – 20	3,3	5,5	5,2	6,3	27,5	11,3	5,7
21 – 40	9,3	28,3	19,0	29,6	15,8	14,8	25,6
41 – 60	38,3	32,8	17,8	27,4	7,4	23,8	26,0
свыше 60	3,8	10,7	1,7	8,5	2,3	4,0	7,0

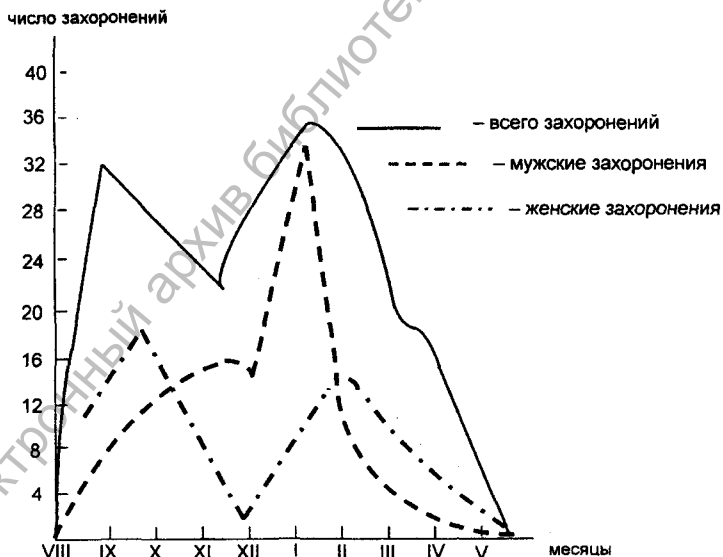
Есть данные из могильников VII – IX вв. Витебщины (северо-восточная Беларусь):

детей, подростков	– 9,6% погребенных
до 35 лет	63,6% погребенных
до 55 лет	24,7% погребенных
свыше 55 лет	2,7% погребенных

Почти исчезает умерщвление стариков и больных (см. в тему II). То есть смертность начинает стареть.

В отношении мужчин и женщин сохраняются прежние традиции. Пренебрежительное отношение к рождению девочек, которых чаще подбрасывают к стенам монастырей, недокармливают в голодные годы, высокая смертность при родах приводили к уже отмечавшейся меньшей средней продолжительности жизни женщин и преобладанию в целом мужского населения. И это несмотря на большую смертность мужчин во всевозможных столкновениях. Например, во Флоренции XV в. в зажиточных семьях на 160 мужчин было 100 женщин, а в среднем по городу – 116 мужчин на 100 женщин. Нередко мужья успевали сменить 2–3 жены.

Смертность зависела и от годичных колебаний погоды, что проследили польские исследователи на материалах раннесредневекового могильника.

Распределение смертности по месяцам
(по Я. Янушевскому)

На графике видно явное преобладание смертности с осени по весну, что можно связать с неустойчивостью погоды и атмосферной активностью, усилением влажности воздуха и холодными ветрами. Все это вело к охлаждению организма, стимулировало простудные и, особенно, ревматические заболевания. Выделяющийся на графике спад смертности в декабре связан, вероятно, с наступлением после осенней слякоти и влажности устойчивой погоды с умеренными морозами. А длинные зимние ночи способствовали более долгому сну, сохранявшему здоровье. Однако последующие зимние месяцы были холоднее, и жизненные силы расходовались быстрее. К концу зимы обычно исчерпывались пищевые ресурсы и защитные силы организма, наступал авитаминоз (и теперь пик эпидемий гриппа приходится на конец января – март). Более выраженный спад в декабре женской смертности может свидетельствовать об их большей зависимости от погоды.

Рождаемость в Средние века оставалась на уровне биологически возможной. Общее повышение среднего возраста и постепенное изживание детоубийства вели к увеличению детности. Этому способствовала заинтересованность основных слоев средневекового общества, даже в Европе, в росте населения: правящим слоям было выгодно увеличение числа своих подданных (нередко в феодальных владениях налагались штрафы на холостяков из числа зависимых крестьян, неженатых ограничивали в правах на занятия ремеслами, в поступлении на государственные должности). К призывам создавать семьи для производства и воспитания потомства присоединялась и христианская церковь. Обратимся к семейным делам.

Брачные отношения, семья, детность

И в Средние века, как отмечалось, сохранялся традиционный (матримонильный) тип демографического поведения, для которого характерно раннее вступление в брак (в 12–16 лет), особенно для женщин, ограничение свободных половых контактов.

У раннесредневековых варваров семья была более подчинена мужчине, чем у римлян. Расторжение брака у варваров, как и в раннем Риме, было совершенно невозможно для жены и легко постижимо для мужа, который должен был всего лишь компенсировать затраты семье, в которую возвращалась отвергнутая жена. Если верить Тациту, то прелюбодеяния среди германских женщин

были очень редки и наказывались мужем на месте, который «обрезав изменнице волосы и раздев ее донага в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне». Обесчещенная женщина уже не может вернуться обратно и найти нового мужа. Согласно германским судебникам муж имел право убить изменившую ему жену, а также ее любовника или потребовать от него компенсации.

В каролингских крестьянских семьях овдовевшие и незамужние проживали в семьях родственников. Часто женатые сыновья жили совместно с родителями. Средняя семья состояла из 4,7 человека. Но у более половины домохозяйств было 6 и более человек. Укрупненные семьи обычно распадались после смерти отца. Размер семьи был связан и с размером надела.

Особую роль в становлении средневековой европейской семьи сыграло христианство. Уже апостол Павел находил в семье средство обуздания разврата, отвращения от греха. Если неженатые или вдовы «не могут воздержаться, пусть вступают в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться». Развивая тему умеренности, отцы церкви рекомендовали жить малыми, а не большими семьями, практиковать воздержание во время Великого Поста и церковных праздников и, насколько возможно, обоим полам сохранять целомудрие. Тем не менее Библия без всяких сомнений одобряла брак.

А так как брак начал рассматриваться как таинство, то совершенно логичным стало получение свадебного благословения от священнослужителя. Однако долгое время участие священника в брачной церемонии было не обязательным. Оно не считалось важным для признания брака действительным. Но включение брака в число таинств имело несколько последствий. Христианину запрещались полигамия и конкубинат. В соответствии с Евангелием от Матфея порицался развод: «Что Бог сочел, того человек да не разлучает».

Ну а коль скоро христианство признавало лишь брак как приемлемую форму воспроизводства потомства, что только и было единственным оправданием сексуальных отношений, то церковь резко осудила аборт и, следуя той же логике, контрацепцию. Впрочем, и варварская традиция отрицательно относилась к прерыванию беременности. К нему, кстати, чаще прибегали в среде знати, где отмечалась и большая свобода нравов. С XIII – XIV вв. известны презервативы (из бычьих пузырей).

До XI – XIII вв., когда церковь сумела взять под контроль фиксацию брака (венчание), отношение к семьям как бы не оформлялось. Так, во французских документах VIII – IX вв. только 30% мужчин и 39% женщин состояли в признанном браке. Но о разводах сообщений нет. Хотя свобода внебрачных связей прослеживалась во всех случаях. При этом считалось, что в семье дол-

жно быть более 3 детей, а бездетность связывалась с наказанием за грехи родителей.

Показательно, что при распространенности внебрачных связей в средневековой Европе они осуждались не только церковью, но и в литературе, где изображались как насилие, приносящее удовлетворение лишь мужчинам, да и то не всегда. А женщинам такие связи, по литературным образцам, закрывали путь к материнству.

Известное же христианское отношение к женщине как «вместилищу пороков и сосуду нечистот» происходило как от языческой необразованности (непонимания особенностей женской физиологии), так и от женоненавистничества ранних монахов-аскетов, в котором переплетались и протест против римской распущенности, и то, что именно женщины напоминали этим отшельникам о земных удовольствиях. К этому следует добавить и общие патриархальные нравы того времени, определенные общественно значимыми функциями мужчин как вождей, воинов, работников, от которых зависит безопасность и обеспечение жизни в человеческом сообществе.

Весьма деликатной проблемой для церкви был брак священников. Следуя взглядам апостола Павла на преимущества целомудрия, священникам было запрещено жениться уже в III в. Это не мешало принимать посвящение многим уже женатым мужчинам, в том числе представителям знати, занимавшим высокие должности в светской администрации, губернаторам, сенаторам и другим, когда они обращались в христианство и становились епископами. Поместный собор 306 г. постановил, что священники и епископы, как женатые, так и неженатые, должны воздерживаться от секса, но на вселенском Никейском соборе 325 г. этот вопрос обсуждался вновь, и было решено не настаивать на целомудрии священнослужителей. Вплоть до VI в. проблема целибата не слишком беспокоила церковь, но в VI в. синоды впервые начали отказывать в священническом сане мужчинам, женатым более одного раза и женатым на вдовах, при том что посвящение в сан женатых мужчин продолжалось. Возник вопрос, могут ли священники и прелаты спать со своими женами или они обязаны избегать сексуальных отношений? «Обязаны», – начали настаивать поместные соборы. «Епископ должен обращаться со своей женой, как с сестрой», – провозгласил синод в 541 г. Признавая трудности проведения этого установления в жизнь, синод постановил, чтобы каждый женатый иерарх, диакон или субдиакон «постоянно имел при себе клирика, который повсюду следовал бы за ним и спал в одной с ним комнате».

Большинство епископов, как кажется, решали эту проблему одним из двух способов: либо они полностью расставались со своими женами, либо продолжали жить с ними под одной крышей,

но официально воздерживались от сексуальных отношений. Постепенно целибат епископов стал нормой, но низшие (и молодые) священнослужители, если были женаты до посвящения в сан, продолжали жить обычной семейной жизнью. В конце VII в. эта практика была закреплена и на протяжении последующих трех столетий во всей католической Европе женатые священнослужители не вызывали нареканий. Лишь в XII в. целибат стал обязательен для всего католического духовенства. В 1049 г. папа Лев IX осудил брак священников, а в 1123 и 1139 гг. вселенские соборы вынесли решение о том, что священнический сан является непреодолимым (аннулирующим) препятствием для брака и наоборот.

Главным требованием церкви в семейных делах при Каролингах была моногамия. Если короли и аристократы эпохи Меровингов были откровенно полигамны, Каролинги уже имели по одной жене в каждый данный момент времени, но не отказывались от конкубината. Однако главным вопросом, который тревожил церковь, был не конкубинат, а развод. Во второй половине VIII в. церковные соборы несколько отступили от своих позиций предшествующего периода, признав, что существуют уважительные причины для развода и повторного брака: измена, рабство, проказа, отсутствие согласия, импотенция, уход одного из супругов в монастырь. Тем не менее церковь упорно сопротивлялась разводу по взаимному согласию, который, как свидетельствуют правовые формулы того времени, практиковался довольно широко.

В юности Карл Великий отказался от наложницы, чтобы заключить политически выгодный брак с ломбардской принцессой; годом позже он развелся с принцессой, видимо, по причине ее бесплодия. Но в 780 – 790-е гг. под давлением своих епископов он издал ряд жестких законов, запрещающих развод по какой бы то ни было причине. Он сам подавал пример, трижды женившись, но сохраняя верность каждой из жен, пока она не умирала (правда, старость монарха ублажали четыре наложницы). Его сын Людовик Благочестивый не только поддерживал меры, направленные против развода, но и отказался развестись со своей второй женой Юдифью, когда она была обвинена в любовной связи с чужим мужем. В его правление церковные соборы ввели новый принцип: измена больше не рассматривалась как достаточное основание для развода. Укреплял семью Людовик и другими мерами. Он пресек вольности при дворе, распространявшиеся при отце, удалив сожителей своих незамужних сестер, а своих дочерей поскорее выдал замуж.

В условиях сохранения традиционных брачных отношений, подкрепленных христианской идеей о предназначении семьи исключительно для воспроизводства, многодетность воспринималась как естественное состояние. Но она едва ли везде рассматривалась как гарантия благополучия. Это было характернее для трудовых низов, где мотивация в поведении больше зависела от традиций, чем от конкретной экономической целесообразности.

сти. С вытеснением барщины оброками в западноевропейской деревне (с XII – XIII вв.) экономически выгоднее для крестьян становилась малодетность, но крестьянский консерватизм сохранял традиции многодетных семей. Более жестко экономическая целесообразность действовала в рыцарской среде, в которой для нормальной службы требовались полноценные надель-феоды, что постепенно приводило правящие слои к установлению принципа **майората** – передачи наследства старшему сыну. Это вело к уменьшению детности в рыцарских семьях, хотя и ненамного, ибо традиция, осуждавшая не только бездетность, но и малодетность, сказывалась и на поведении рыцарей. В итоге и в крестьянских, и в рыцарских семьях в XI – XII вв. число детей совпало (до 4–5 детей).

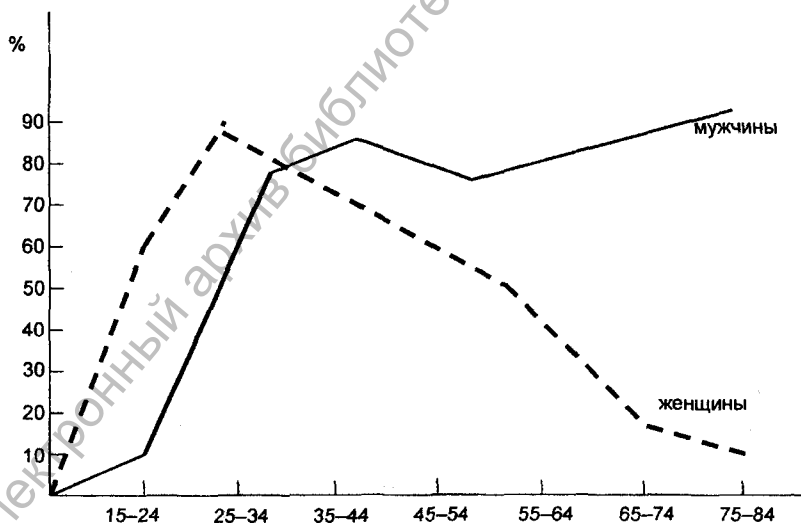
В городах, в ремесленной среде, особенно на ранних этапах, многодетность тоже была распространена, в том числе и потому, что если число подмастерьев и учеников в мастерских ограничивали цеховые уставы, то использование детей не регламентировалось. Иное дело, высокая смертность оставляла в средневековой семье в среднем лишь до 2,5 ребенка.

Парадокс, но на уменьшение детности в семьях влиял постепенно повышавшийся статус женщины, что можно отметить с позднего средневековья. Дело в том, что в условиях приниженого положения женщины инстинктивно стремились видеть в детях надежду и опору. Иными словами, подчиненное положение женщин в традиционных обществах тоже стимулировало высокую рождаемость. Заинтересованность женщин в детях при тогдашних трудных условиях способствовала росту численности народонаселения и даже выживаемости отдельных популяций и обществ в экстремальные периоды их истории.

Таким образом, роль **семьи** в средние века возросла. На Востоке, как отмечалось, сохранились и преобладали большие семьи, даже кланы, что и определяло более быстрый рост населения. В Европе христианская церковь уже в раннем средневековье вернула семью на то место, с которого в античном обществе ее вытеснила гражданская и политическая деятельность. Церковь исходила, как отмечалось, из того, что семья – единственное приемлемое место для рождения и воспитания детей. Собственно, при отрицательном отношении церкви к сексуальным отношениям вообще, при проповеди пользы целомудрия дети были тем единственным, что оправдывало семью в глазах облекавших себя на воздержание и безбрачие и христианских иерархов, и рядовых клириков. Такое понимание назначения семьи

вполне соответствовало ментальности широких народных масс, особенно в варварских обществах. К тому же из общественной жизни средневековой Европы исчезла публичность. Строгая иерархия общества резко ограничивала число активных политических деятелей. В итоге даже в рыцарской среде интересы людей все более замыкались на семье. Тем более это относилось к политически бесправному третьему сословию.

Но урбанизация (с X – XII вв.) накладывала определенный отпечаток на городские семьи. Необходимость обеспечивать семью, не столь актуальная в деревне (была бы земля, да и ближайшие родственники помогали), требовала от горожанина обзавестись собственным делом или хотя бы приобрести квалификацию для получения приличного заработка. На это уходили годы, и городские мужчины все чаще откладывали женитьбу до более зрелого возраста. Наоборот, при наличии приданого, разумеется, в соответствии с традицией девушки выходили замуж рано, даже нередко более молодыми, чем в деревне, ибо в ремесленных и купеческих семьях они занимались обычно только домашним хозяйством. Значительная разница в возрасте мужей и жен в городских семьях породила обилие вдов «бальзаковского возраста». Это хорошо слеживается на предлагаемом графике.

Изменение доли замужних и женатых в разных возрастных группах в Пизе в начале XV в. (по В. Абдуллабекову)

В средневековом городском доме правила женщина. Она сыграла, пожалуй, основную роль в укреплении семьи как основы западноевропейской цивилизации в XI – XII вв. Ценность женщин вызывалась их нехваткой вследствие высокой смертности, а также из-за нередкого отсутствия приданого у младших дочерей. Кстати, наличие большого числа безбрачных женщин и мужчин в средневековых городах (нет приданного, нет средств содержать семью, нет подходящей брачной пары) вело, как подчеркивают психологи, к сексуальному напряжению. А оно, в свою очередь, – к эмоциональной раздражительности, несдержанности, склонности к беспорядкам. Возможно, этим, наряду с обострением социальных отношений, можно объяснить и начало охоты на ведьм в XV в. Массовые гонения на женщин могли быть и реакцией мужчин на рост женского влияния в семьях, на возникавшие вследствие этого сексуальные проблемы, что усугубилось в условиях кризиса феодальных порядков.

Но надо заметить то, что христианство уже с раннего средневековья подавило поздневарварские традиции многоженства, возможно, способствовало постепенному наступлению превосходства Европы, так как готовило условия для создания демократического гражданского общества, а также позволяло большинству женщин иметь детей (в отличие, например, от условий в гаремах). А это содействовало большей сбалансированности и динамичности общественного развития. Европа не знала многих потрясений, порождавшихся активностью большого числа неженатых мужчин и соперничества многих потомков за наследство отца. Хотя, как отмечалось, в средневековой Европе эти отличия от Востока еще только зарождались, а многие проблемы были сходными.

Семьи в Средние века – это не современные супружеские пары с малыми детьми, а чаще группы родственников – кланы, которые стали распадаться на малые семьи лишь с XVIII в. Очевидно, это было связано с хозяйственной неустойчивостью малых семей.

Размеры семей были связаны с этническими и географическими традициями. Так, на севере Европы уже с раннего средневековья появились, а затем распространились малые семьи (родители с детьми, которые еще не обзавелись своими семьями). Но родственные узы были достаточно прочными. Молодые семьи жили в отдельных небольших домах (по 6–12 кв. м), но по соседству друг с другом и со своими родителями, нередко в общей усадьбе и даже вели совместное хозяйство. Это было удобно в условиях феодализма для выполнения различного рода повинностей, обычно на-

лагавшихся на хозяйственный двор, на всю усадьбу, что задерживало дробление больших семей. У франков, например, и в VI – VII вв., и в IX в. сохранились большие семьи (до 200 человек) с общим хозяйством. Хотя, как отмечалось, внутри усадьбы малые семьи уже выделялись в бытовом отношении – имели отдельные жилища. Такая же картина наблюдалась у раннесредневековых славян. Но в отличие от германцев, где право аллода способствовало все же хозяйственной автономии малых семей уже в раннем средневековье, у славян хозяйственное единство больших семей сохранялось дольше. Однако с точки зрения демографии важно подчеркнуть, что у обоих этносов компактное проживание близких родственников способствовало многодетности.

На юге Европы традиции больших семей были больше скреплены обычаем совместного проживания под общей крышей. При образовании молодой семьи для нее обычно сооружалась пристройка, что и теперь делает старинные сельские дома в Южной Европе сложными, многоярусными сооружениями, а поселки очень плотно застроенными. Впрочем, то же было свойственно и тогда, и теперь Востоку. Это, естественно, тоже положительно влияло на многодетность, особенно в крестьянских семьях. Горожане, понятно, не имели таких возможностей в застройке.

В целом, в Средние века господствовали семьи, состоявшие из ряда кровнородственных (по мужской линии) индивидуальных семей; они назывались патриархальными. Такие семьи в репродуктивном отношении наиболее производительны из всех типов семей в истории. И лишь сохранявшаяся высокая смертность «погашала» их возможности.

Противоречивым было и влияние крепостничества. С одной стороны – заинтересованность в рождаемости, что отмечалось, в том числе и стимулированием ранних браков. Но с другой стороны, там, где крепостничество было более суровым, где феодал мог вторгаться в личную жизнь крестьян, где было много двора, возможность браков ограничивалась. Особенно это касалось многочисленных слуг, вообще лишенных возможности иметь семьи.

Детность. До конца XVII в. в Европе сохранялась терпимость к детоубийству. Разрешенной практики, как в античности, уже не было, оно считалось преступлением и сурово каралось. Но к нему прибегали тайно и достаточно повсеместно, маскируя под несчастные случаи: дети умирали от нечаянного удушья в постели родителей, с которыми спали. И ничего не делалось, чтобы это предотвратить. Были лишь церковные требования не класть детей на ночь с родителями, появившиеся с середины XVI в. Впрочем, распростра-

нившееся среди европейских исследователей семейных отношений в конце прошлого столетия представление о безразличии средневековых европейцев к детям в последнее время подвергается сомнению. Все больше выявляется свидетельств переживаний и даже горя, причем и среди отцов, в связи со смертью детей. А бездетность воспринималась как наказание за грехи. Но массовая детская смертность все же притупляла переживания.

Однако она же способствовала постепенному распространению фиксации родившихся через обряд крещения, без которого ребенок принимался семьей, но не небом. Ведь некрещеному не полагались пред- и посмертные обряды, и тела их не могли погребаться на освященном месте (кладбище), а души – пребывать в раю. Для средневекового христианина это было весьма существенно. Поэтому с развитием городской культуры и появлением профессиональных акушеров в XIV в. от них стали требовать умения совершать крещения непосредственно после принятия родов, ибо не все младенцы оказывались жизнеспособными, а миряне нередко забывали совершить сей обряд, ибо еще с раннего средневековья, когда религиозность еще только укоренялась, сложилось так, что детей приносили крестить тогда, когда возникало желание или вспоминали об этом. Поскольку массовое крещение происходило в определенные дни, обычно дважды в год: накануне Пасхи и Троицы, но без жестких требований, принуждавших крестить, это могло делаться с опозданием. Баптистерии (крещальни) еще и в XI – XII вв. имели большие емкости-ванны для погружения в них вполне взрослых людей. Чтобы сделать этот обряд безопасным для младенцев, постепенно перешли от погружения в ванну к окроплению. А с XVI в. приходских священников обязали вести контроль за крещением и делать соответствующие записи, что, кстати, способствовало созданию массовых источников к радости позднейших демографов. С этих записей появилась и фиксация дат рождения, чему раньше не придавали особого значения. В более ранних источниках пользовались чисто вербальной (устной, словесной) хронологией: детство и отрочество, юность и молодость, старость и дряхлость.

С XV – XVI вв. в зажиточных и образованных слоях общества отношение к детям стало меняться. Вместо прежнего «любящего небрежения» (Д. Херлихи), когда на детей смотрели как на «маленьких взрослых», за ними начали признавать право на особый, детский возраст с игрушками, шалостями, с правом на ласку и особое внимание. Но в массовом масштабе это проявилось в Европе лишь в Новое время.

В восточных обществах при меньшей роли религии в семейной сфере брачные отношения и детность испытывали меньший общественный контроль, что, кстати, отрицательно сказалось на необходимой демографам статистике. Но и столь резких измене-

ний семейных традиций, как это проявилось в Европе при распространении христианства, а затем при переходе к Новому времени, Восток не знал.

В целом средневековая семья имела больше возможностей для выживания детей, хотя общий уровень бытовой культуры, состояние гигиены и медицинской помощи оставались еще крайне низкими.

Быт, физическое состояние

В Средние века существовал почти весь спектр известных и теперь болезней, за исключением, пожалуй, большинства венерических. Самыми распространенными были туберкулез, малярия. Из эпидемических, помимо уже упоминавшейся чумы, частой была холера. Как ни странно, несмотря на редкость сладостей в Европе, а в раннем средневековье их почти не было, отмечается распространение кариеса. Например, в погребениях полабских славян рубежа I – II тыс. он встречается у 76% погребенных, причем чаще – у женщин (вероятно, из-за беременности и длительного кормления грудью, что выводило из их организма укрепляющий костные ткани кальций). В тех же погребениях у 53–66% костяков обнаружен и пародонтоз (из-за недостатка витаминов?). Тяжелый физический труд, несбалансированное питание и примитивный быт порождали ревматизм, артриты и другие болезни суставов.

Особое место занимали профессиональные болезни ремесленников. Например, среди кожевников отмечены деформации и болезни зубов, ибо ими обычно придерживали обрабатываемую кожу. Ювелиры страдали от соприкосновения с различными ядовитыми химическими соединениями и медленно себя травили. Нерегулярное и часто неполноценное питание нарушало обмен веществ и ослабляло иммунитет перед болезнями. Оно же порождало широко распространенный рахит, который серьезно влиял в том числе и на рост тогдашних людей, составлявший в среднем 150–175 см, причем женщины были обычно на 5–10 см ниже, а горожане – на 3–5 см выше крестьян. Поскольку физический облик человека за последние 40 тыс. лет не менялся, его меньший рост по сравнению с нынешним отражал, прежде всего, худшее питание. В реальности, конечно, всякое бывало. Известен викинг из погребения IX в., имевший рост 178 см, но при этом страдавший от ревматизма.

На состоянии здоровья и продолжительности жизни сказывались и бытовые условия. Если на Востоке, в древних очагах

цивилизации, уже были выработаны некоторые бытовые стандарты, которые почти не изменились до нашего времени, варварская Европа начинала с землянок. Такие жилища были относительно дешевы при постройке, лучше держали тепло, хотя едва ли были здоровыми из-за переувлажненности.

В 1981 – 1983 гг. чешские исследователи соорудили точные копии жилищ VI и IX вв. и даже пожили в них. Оказалось, что на строительство полуземлянки со стенами из переплетенных, обмазанных глиной прутьев, с крышей, покрытой соломой, потребовалась работа трех человек в течение 3–6 недель. В доме IX в. площадью 9,5 кв. м в течение нескольких месяцев жила семья с детьми 3, 8 и 13 лет. Пяти человекам места вполне хватало. Зимой при наружной температуре -5°C после трех дней непрерывной топки помещение прогревалось до $+18$ градусов. В день на обогрев требовалось около 0,5 куб. м дров. Влажность зимой, однако, не опускалась ниже 70–80%. В таких условиях жило большинство европейцев в раннем средневековье.

В X – XI вв. в Европе начался переход к наземным жилищам, более приемлемым в гигиеническом отношении, но и более дорогим (требовавшим больше строительных материалов и дров). После XII – XIII вв. полуземлянок в Европе почти не осталось. Но крестьянские жилища, в которых жило большинство тогдашнего населения, топившиеся по-черному, без оконных стекол, были еще далеко не совершенными.

В средневековых европейских городах и замках очень актуальной была проблема отопления. Переохлаждение зимой было постоянным спутником не только бедняков. На низкий санитарный уровень городов влияла и скученность населения в них. Она достигала 100–120 человек на гектар (в современной густонаселенной Бельгии городами считают поселения с плотностью 3 человека на гектар). В городах практически отсутствовала канализация. Римский опыт сооружения акведуков и водопроводов забыли (или не знали). А там, где сохранились старые резервуары воды, плавали дохлые крысы и кошки. Воду обычно брали из колодцев. Но из-за скученности расположенных в центрах городов кладбищ (при соборах), отсутствия канализации (помои выливали прямо на улицы), всякие гадости просачивались и в колодезную воду. Туалеты были далеко не в каждом доме. О состоянии туалетов в германских замках свидетельствует практика вывешивания в них на ночь одежды для дезинфекции аммиаком. А нечистоты из тех же замков выливали в окружавшие их рвы.

Мылись европейцы до крестовых походов нерегулярно, обычно дома в лоханях. С XIII в. распространяются и бани, в которых

мылись целыми семьями или компаниями. Около таких бань нередко устанавливали особые каморки «для уединения». Но после появления в XV в. венерических болезней (возможно, их завезли моряки Колумба из Америки) общественные бани потеряли привлекательность.

Низкой была и гигиена питания. Вилки европейцы в Средние века не знали, мыть руки перед едой начали только после крестовых походов, познакомившись с культурой Востока. Ели обычно из общего котла, в том числе и жидкую пищу. Даже в аристократической среде супы ели «на французский манер» – по двое из одной миски. Разделявали пищу рабочими и боевыми ножами. Поэтому кишечных расстройств хватало.

Лекарств, кроме трав и некоторых мазей, почти не было. Известен способ излечения ран с помощью медвежьего сала. Популярна была уринотерапия. Но антисептических средств не было, и нагноения, в том числе и смертельные, были частыми. Квалификация большинства врачей тоже была невысокой. В Европе в XI в. церковь запретила анатомировать трупы, чем надолго затормозила развитие медицины, особенно хирургии. На Востоке таких ограничений не было. Сказывалось и богатое культурное наследие. Но широкого распространения более высокий уровень медицины не имел и там.

Уже отмечалась высокая детская смертность. На ней, помимо общего низкого состояния медицины, сказывалось и отношение к акушеркам. Как и в античности, на них долго распространялись первобытные представления о нечистом, к которому христианство добавило представление о женской неполноценности и пожелание «родить в муках». Поэтому и в средневековой Европе акушерок относили к низшим слоям, хотя ставили выше цирюльников и банщиков, своей заботой о теле противоречивших идеям христианского аскетизма.

Но с XIV – XV вв. в западноевропейских городах акушерки стали объединяться в особые корпорации, подчиненные городским властям. Были установлены специальные экзамены, которые под руководством органов власти проводили врачи, а священники проверяли благонадежность кандидаток и знания необходимых для крещения молитв. После сдачи такого экзамена, как в университетах и цехах, происходил торжественный прием и давалась клятва соблюдать устав, который обязывал акушерок оказывать помощь всем, в том числе нищим, и в любое время. На акушерок стали учить в течение 2–5 лет. И это сказалось в Новом времени.

Итоги демографического развития в Средние века

Сохранялся традиционный тип воспроизводства населения, характерный высокой смертностью, которая колебалась в значительных пределах, отражая бытовые условия, уровни хозяйственного развития, климатические изменения, войны и

эпидемии. Но в отличие от предшествовавшего времени общее повышение хозяйственных возможностей в добывании пищи и улучшении бытовых условий, развитие культуры способствовали некоторому сокращению смертности и повышению продолжительности жизни.

Рождаемость оставалась высокой, несколько уменьшилась детская смертность. Все это способствовало росту населения, особенно увеличившемуся в Европе в X – XIII вв., где в то время наблюдался настоящий демографический бум. Но в Европе, так и в других регионах мира периоды демографического подъема сменялись упадками, падением численности людей, что вызывалось природными и социально-политическими факторами.

В определенной степени средневековье явилось переломным периодом в демографическом развитии, но только в Европе. Здесь к концу эпохи традиционный тип брачности стал вытесняться новым, так называемым европейским, характерным для современной индустриальной цивилизации, о чем – в следующей главе.

Глава V ДЕМОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Общее демографическое развитие и статистика

Новое время (условно: XVI – начало XX в.) отмечено радикальными переменами в демографическом развитии почти всех регионов Земли (за исключением Африки). В Европе постепенное увеличение прироста населения в XVI в. после некоторого спада

в XVII в. резко усилилось с середины XVIII в. Причем прирост второй половины XVIII – XIX в. был настолько бурным, длительным и устойчивым, что получил название *демографической революции*. Считалось, что причинами таких демографических изменений в Европе, особенно Западной, были экономические и социальные перемены (промышленная революция, становление капитализма). Но, как прояснили более углубленные исследования последних десятилетий, демографические процессы, начавшиеся в Западной Европе со второй половины XVIII в., постепенно распространяясь на другие регионы, продолжают и теперь. То есть с указанного времени начинает меняться модель демографического поведения, особенно – типа брачности. Поэтому теперь указанные демографические изменения предпочитают называть **демографическим переходом**, то есть переходом к современному демографическому поведению.

Термин «демографический переход» ввел американский демограф Ноутстайн в 1945 г. Этот процесс, начатый европейским промышленным переворотом, заключается в следующем. Во-первых, качественно изменяется самосознание индивида, происходит раскрепощение личности, что ведет к свободе поведения, в том числе и полового. Как следствие – отход от традиций и стереотипов. Во-вторых, формируется более гуманный и экономичный режим воспроизводства, при котором вместо бесконечного расходования сил на рождение и выхаживание многих детей, из которых выживала лишь малая часть, происходит более заинтересованное и качественное выхаживание немногих в условиях регулирования и снижения рождаемости. В-третьих, жен-

щины из машин по производству детей превращаются в полноправных членов общества. Однако, в-четвертых, эти процессы породили деформации в демографическом поведении: инстинкт совокупления уже не направлялся исключительно на продолжение рода и не стимулировал создание семьи. В обществе появляется много одиноких. А как свидетельствует современная психология, одинокие более склонны и к пассивности, и к экстремизму. То же относится и к детям из неполных семей. Это ведет к усилению нестабильности в обществе.

Общая динамика роста населения была следующей (в млн человек, по С.И. Бруку).

Территории годы	Бывш. СССР	Зарубеж. Европа	Зарубеж. Азия	Африка
1500	15	75	260	60
1750	30	114	475	95
1850	75	205	790	110
1900	230	295	950	130
1910	154	344	910	130

Территории годы	Сев. Америка	Южн. Америка	Австралия	Весь мир
1500	1	6	2,5	440
1750	1	11	2	728
1850	26	39	2,5	1248
1900	61	64	6	1656
1910	101	79	7	1755

(Здесь и далее в таблицах в колонке «Австралия» указывается население Австралии с Океанией)

Как видно, наиболее динамичный рост населения начался с середины XVIII в. А до того этот рост был столь незначительным, что еще и в XVII в. направление динамики развития народонаселения было неясным. Не случайно Мирабо Старший и Монтескье считали, что население Европы сокращается. И лишь к концу XVIII в. голоса об убывании населения смолкли. Если за первые 250 лет рассматриваемого периода население Земли увеличилось менее чем на 300 млн человек, то за следующие 150 лет – на 928 млн. Рубеж первого миллиарда человечество преодолело.

ло к 1800 г. Наиболее резко темпы прироста увеличились во второй половине XIX в., прежде всего из-за значительного снижения смертности, особенно детской.

Обратимся к ситуации в регионах. В Европе в целом с 1500 по 1700 гг. население с 90 млн выросло до 119,1 млн (годовой прирост – 0,2%); с 1700 по 1800 гг. – рост до 186,9 млн (годовой прирост – 0,6%). Быстрее население росло в тех странах, где происходило интенсивное развитие капитализма. В 1550 – 1680 гг. в Западной Европе население выросло на 18%, а за 1690 – 1820 гг. на 62%. В XIX в. годовой прирост населения в Европе (0,77%) был в 7 раз выше, чем в средневековье, и в 3 раза выше, чем в период перехода к буржуазным порядкам (XVI – XVII вв.). Конкретная ситуация в основных европейских странах (в млн человек) была следующей.

Страны \ Века	XVI	XVII	XVIII
Франция	ок. 15 – 18		18 – 21
Англия	2,7 – 3,6	5	5,5-5,8
Испания	6,5	8	7,3
Португалия	2	1,4	1,9
Дания	0,6		
Италия	11	12	13
Россия*	4,7 – 6,7	7 – 11,5	10,5 – 18

*Русское население.

В XVI в. в Нидерландах проживало 2,5 млн человек, а в Великом княжестве Литовском, по разным оценкам, – от 2,7 (Ловмянский) до 3,5 млн (из них на территории Беларуси – 1,75 млн) (Косман).

В начале XVII в. 12 городов Западной Европы имели по 100 тыс. жителей, Лондон, Париж и Неаполь – по 250 тыс., Лиссабон, Милан, Венеция – по 200 тыс., Севилья, Палермо, Антверпен, Рим, Генуя – несколько менее 100 тыс. То есть половина крупных городов располагалась в Италии. Но затем быстрее стали расти более северные города: в начале XVIII в. в Париже и Лондоне насчитывалось около 500 тыс., в Амстердаме – около 200 тыс., Вене, Мадриде и Риме – 125–140 тыс., в Гамбурге – 100 тыс. жителей. При этом уже к 1500 г. в Голландии горожане составляли около 50% от всего населения, во Фландрии и Брабанте – 33–40 %.

Быстрее и стабильнее увеличивалось население Англии. С XVI по XIX в. оно выросло в более чем в 4,5 раза, достигнув в 1841 г. 14,9 млн, что отразило ее тогдашнее динамичное развитие в целом. Рост населения, хотя и не столь интенсивный, отме-

чен и в других западноевропейских странах. Только во Франции в течение XIX в. отмечено снижение прироста населения вплоть до нулевого к концу столетия. Причины этого – распространение новой брачной модели, о чем – ниже. Наоборот, в Ирландии в XVI – XVIII вв. отмечено снижение общей численности населения (примерно с 65 тыс. до 40 тыс., в первую очередь из-за эпидемий и дефицита продовольствия), а в XIX в. отмечен его прирост и восстановление уровня XVI в.

В Испании рост населения отмечался в XVI и XIX вв. А изгнание морисков в 1594 – 1723 гг. привело к уменьшению населения на 31%. На демографическом развитии Португалии отрицательно сказалось участие в Великих географических открытиях XVI в. С XVIII в. там началось восстановление численности населения. Во Франции во второй половине XVI в. гугенотские войны унесли до 1 млн человек. И лишь многолюдность в стране сделала эти потери малозаметными.

Вообще же отмеченный в Европе демографический бум сглаживал отрицательные последствия войн нового времени. Лишь Тридцатилетняя война (1618 – 1648) сказалась на германском населении, сократившемся в среднем на 35%. Но это было еще до демографического бума. Семилетняя война (1756 – 1773) с общими потерями в 1–1,5 млн уже не оказала особого влияния на демографическую ситуацию в Европе. Хотя битвы стали весьма кровопролитными. Во время наполеоновских войн под Лейпцигом из 500 тыс. участников погибло 140 тыс. (28%), под Бородино из 246 тыс. было убито около 80 тыс. (32%), под Ватерлоо из 192 тыс. погибло 65 тыс. (35,8%).

В России из-за ее постоянного территориального расширения рост населения отражал не столько демографические, сколько политические процессы. Причем, если за XVI – XVII вв. население увеличилось менее чем в 2 раза, то территория – более чем в 10 раз. В XVIII – XIX вв. прирост населения возрастает. За XVIII в. произошёл рост в 2,4 раза. При этом существенно повышался удельный вес русского населения: в начале XVIII в. оно составляло примерно 30% от всех жителей страны, а в конце XIX в. его доля превысила 50%. Демографическое развитие разных этнических групп, естественно, происходило по-разному. Наименьший прирост демонстрировало русское и белорусское население, наиболее обремененное крепостничеством и рекрутчиной. Медленный рост был характерен и для прибалтийских народов. Украинцы, наоборот, отличались динамичным приростом, чему, возможно, способствовало слабое закрепощение и предоставление прав на частное землевладение.

В предреформенные десятилетия XIX в. демографическая ситуация была противоречивой. С конца XVIII в. до 1858 г. население удвоилось и достигло 74 млн. По европейским меркам это был высокий прирост. Но рост крестьянского населения при этом замедлился. Впрочем, у исследователей по этому поводу есть прямо противоположные мнения. Одни считают, что крепостная деревня вымирала, другие имеют иную точку зрения. Статистика однозначного ответа не дает.

Годы ревизий	Удельный вес крепостного крестьянства (в %)	Падение удельного веса по сравнению с предыдущей ревизией
1795	53,9	- 2,2
1811	51,7	- 3,9
1815	47,8	- 3,9
1833	41,9	- 5,9
1850	37,4	- 4,5
1857	36,3	- 1,1

За весь период – сокращение на 17,6%. Переход в другие сословия составлял менее половины этого числа. Остальное – рекрутские наборы и снижение естественного прироста. В пореформенное время, в недолгие полстолетия интенсивного развития капитализма (до 1914 г.), население России выросло еще в 2,4 раза, достигнув 178 млн (без Польши и Финляндии – 165 млн).

Быстрее среднероссийских показателей увеличивалось население Сибири: за XIX в. число русских там с 3,3% выросло до 4,7%, прежде всего, естественно, за счет переселенцев. В дальнейшем поток миграции из центральных и западных губерний еще более возрос. Примечательно, что при переходе части коренного сибирского населения к земледелию увеличивался и их удельный вес в населении края (от 12% в 1795 г. до примерно 18% в 1858 г.).

Показательна для развития России динамика соотношения между численностью сословий. Во второй половине XVII – начале XVIII в. рост численности феодалов и армии обогнал общий рост населения (67% при общем росте в 60%). При этом рост феодально зависимого населения был почти в 2 раза меньшим (38%). В конце XVIII в. при общей численности населения около 40 млн дворян насчитывалось более 200 тыс., а с женами – около 400 тыс.

Красноречива и динамика соотношения городского и сельского населения России. В первой половине XVIII в. в сельской местности проживало 92% населения, в 1858 г. – 90,3%, в 1917 г. – 82,8%. То есть урбанизация началась только в пореформенное время – в эпоху интенсивного развития капитализма. В крупных

городах преобладали ремесленники – 66,3%, с промыслами и сельским хозяйством было связано 13,8%, торговцев было 5,5%, извозчиков и прочих – 13%. При этом в 1857 г. среднее расстояние между соседними городами в Европейской России (без Польши и Финляндии) составляло 87 км, в Сибири – 516 км. В 1914 г. данные почти не изменились: в Европейской России – 83 км, в Сибири – 495 км. Для сравнения: в Западной Европе в середине XIX в. эти расстояния составляли 10–28 км, а в начале XX в. – 8–15 км.

В 1897 г. все трудоспособное население России насчитывало 47,4 млн человек, из них 35,5 млн – сельские жители. Среди крестьян 29,7% – беднейшие, а 52,3% – крепкие и деревенские верхи.

Неравномерность демографического развития России определялась и миграционными потоками на ее обширной и постоянно увеличивавшейся территории. С середины XVI в. аграрное население из русского ядра к северу от Оки ринулось в южные черноземные области, затем и на восток, в Поволжье. Что, собственно, и положило, в определенной степени начало перманентному кризису земледелия в старорусских областях (так называемое Нечерноземье). Во второй половине XIX в. внутренняя миграция устремилась на Кавказ, в Сибирь, на Дальний Восток. В итоге, если население европейских губерний с 1863 по 1897 гг. выросло на 52,8%, то в азиатской части – почти в 4 раза.

Завершая общий статистический обзор по России, следует обратить внимание на ее место среди народонаселения Европы. Самой обширной страной она была только по территории. Но демографически и с учетом плотности населения – вполне сопоставима с соседями на Западе. Так, например, в 1709 г. русская армия насчитывала около 200 тыс., а шведская – 110 тыс. человек. В 1812 г. и в России и во Франции проживало около 22 млн человек, что необходимо иметь в виду при оценке часто встречающегося в литературе утверждения об авантюристности Карла XII и Наполеона и при анализе российских побед.

Обратимся к материалам по Беларуси. К середине XVII в. ее население составляло более 2,8 млн человек (Саганович). Но в результате так называемой русско-польской войны 1654 – 1667 гг., которая в основном велась на белорусской территории, население здесь сократилось более чем наполовину – на 1,1 – 1,4 млн (в некоторых поветах северо-востока – до 90%). К концу столетия численность жителей увеличилась до 2,2 млн. Но в годы Северной войны России со Швецией людские потери в белорусских землях достигли 700 тыс. человек. Очевидно, такие катастрофические потери были следствием не столько непосредственных военных дей-

ствий, сколько возникших них эпидемий, голода и других сопутствующих войнам трагических явлений.

В литературе есть и локальные данные о демографической динамике крестьянского населения в Восточной Беларуси. В конце XVIII – начале XIX в. доля крестьян в общей массе жителей возросла (с 90,3% до 92,8%). Затем, в 30-е гг. XIX в. доля крестьян резко уменьшилась (до 76,1%). А в 40-е гг. она несколько возросла (до 79,8%). Причины таких колебаний, вероятно, следует увязывать с общеполитической ситуацией после включения белорусских земель в состав России.

Спецификой Беларуси была слабая урбанизация. Еще с позднего средневековья здесь, как и в центрально-европейских землях, был распространен специфический тип поселений – местечки – с ремесленно-торговым и административным населением, но сохранявшим аграрный быт. В таких поселениях обычно жило 5–10 тыс. жителей. Но с 1897 по 1913 гг. число горожан выросло в 1,5 раза и составило 14% всего населения, которое к началу 1914 г. насчитывало 7,5 млн человек. В Могилеве в начале XVII в. проживало 17 тыс. человек, в середине XVIII в. – 19 тыс.

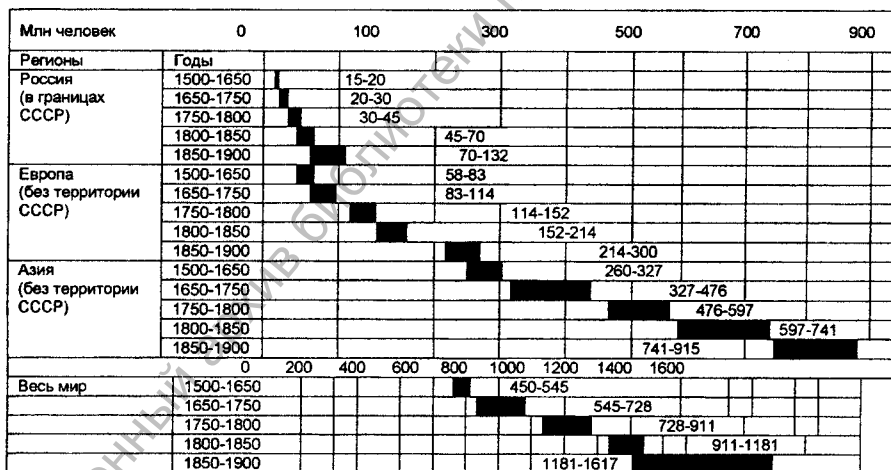

Диаграмма изменения численности населения Земли и ее основных регионов в XIV – XIX вв. (по С.И. Бруку, 1978)

По Азии данных намного меньше. В Сибири в начале завоевания ее Россией, в конце XVII – начале XVIII в., насчитывалось около 240 тыс. жителей.

В Китае отмечена следующая динамика:

в 1500 г. проживало 66 млн человек,

в 1700 г. – более 120 млн человек,

в 1750 г. – 180 млн человек,

в 1800 г. – около 300 – 350 млн человек,

в 1850 г. – 430 млн человек,

в 1900 г. – 430 млн человек (из-за гибели в тайпинском

восстании около 50 млн человек). Скачок населения более чем вдвое с середины XVIII в. до середины XIX в., сильно повлиявший на общую демографическую динамику на Земле (даже сильнее, чем демографический бум в Европе), объясняется рядом факторов: благоприятными природными условиями (не было значительных стихийных бедствий), обеспеченностью продовольствием, стабильностью политической ситуации и отсутствием крупных военных конфликтов (от начала в середине XVII в. маньчжурской династии до восстания тайпинов), поощрением многодетности.

Стабильно росло население и в других крупных государствах Азии.

	Индия	Япония
1500 г.		16 млн человек
1600 г.	– около 100 млн человек	20 млн человек
1700 г.		27 млн человек
1800 г.	157 млн. человек	28 млн человек
1900 г.	290 (с Пакистаном)	44 млн человек

В Османской империи в течение XVI в. население выросло более чем в 2 раза – с 11–12 млн до 22–35 млн человек. Но ухудшение экономической и политической ситуации в XVII в. привело к падению численности населения до уровня начала XVI в.

Следует заметить, что в XIX в. общий прирост азиатского населения был невысоким. Оно выросло в 1,5 раза. Годовой прирост по сравнению с XVIII в. сократился примерно с 0,5% до 0,3%, что отразило проникновение труда колонизаторов. Но в начале XX в. ежегодный прирост возрос до 0,8%. Очевидно, при сохранении колониального и полуколониального режимов сказались успехи в гигиене и медицине (ликвидация отдельных эпидемических очагов, уменьшение детской смертности, во что значительный вклад внесли европейцы).

В Африке население росло более медленными темпами, что объяснялось как замедленным развитием региона, так и выводом примерно (по разным методикам вычисления) от 40–50 до 60–75 млн рабов в Америку во второй половине XVI – начале

XVIII в. И в XIX в. прирост африканского населения оставался самым минимальным в мире – лишь в 1,3 раза.

Весьма показательна динамика демографического развития населения Америки и Австралии. К приходу испанцев население Америки составляло около 30 млн человек (из них 1 млн – в Северной Америке). С 1500 до 1700 гг. коренное население там уменьшилось примерно в 4 раза. На Гаити до появления Колумба жило 1,5–2 млн индейцев, а к середине XVI в. они все вымерли. В Перу из 11–12 млн коренных жителей до прихода испанцев через 40 лет их хозяйничанья осталось 8 млн. К середине XVII в. коренное население Мексики сократилось в 3–3,5 раза. Депопуляция индейцев остановилась лишь во второй половине XVII в.

Но демографическая ситуация в Америке в новое время определялась все же не этими процессами, а иммиграцией. Уже к 1550 г. в Новом Свете находилось до 15 тыс. испанских колонистов. За XVII в. только в Северную Америку переселилось 500 тыс. человек. А с середины XVIII до середины XIX в. население Северной Америки выросло уже в 26 раз, затем за последующие 50 лет почти в 3 раза, за 10 лет в начале XX в. – на 20 млн человек. Это – следствие иммиграции, прежде всего из Европы. К этому надо добавить и завезенных до середины XIX в. негров (по разным данным, при перевозке через Атлантику их выжило от 7 до 20 млн). При таком наплыве иммигрантов оказалось незаметным уменьшение индейского населения в Северной Америке. На юге континента, где туземное население до прихода европейцев было значительным, показательна более чем двукратная убыль коренных жителей с XVI до середины XVII в. Последовавший затем бурный рост числа жителей – тоже следствие наплыва иммигрантов.

То же относится и к Австралии с Океанией. Там, как и в Латинской Америке, общий прирост населения был трехкратным.

Эмиграция, хотя и менее заметно, сказывалась на демографической ситуации в Европе. В XIX в. из нее выехало 28 млн человек, причем почти половина – в 80–90-е гг. Основной поток был направлен в США, причем на первом месте была Англия с Ирландией (более 17 млн), значительным был поток иммигрантов из Германии (за вторую половину XIX в. – около 5 млн). Во второй половине XIX в. 1 млн человек переселился в Северную Америку из Швеции, 600 тыс. – из Португалии. С 90-х гг. XIX в. основную массу мигрантов в США стали составлять выходцы из Южной и Восточной Европы (из России за 1900–1914 гг. – 2,2 млн).

С отменой рабства в Латинской Америке с 80-х гг. XIX в. увеличился поток переселенцев и туда. Но в течение XIX в. все же 98,5% всех эмигрантов из Европы отправлялось в США. А за 1900 – 1913 гг. в Америку приезжало до 1 млн европейцев ежегодно. Это был пик европейской эмиграции.

**Продолжительность
жизни,
рождаемость
и смертность**

Переход к Новому времени, относимый обычно к XVI – XVII вв., не отразился на изменении длительности жизни европейцев. Она в среднем продолжала колебаться в пределах 30–33 лет (речь идет о модальной продолжительности жизни). Даже в знатных семьях, например, в Нидерландах XVI в. из 100 родившихся до 50 лет доживало 33 человека. А в Лондоне в первой половине XVII в. из 100 родившихся до 26 лет доживало 25 человек, до 46–10 человек, а до 76 – только 1.

Такое положение отразилось даже в европейских языках. Например, во Франции до XVI в. существовало лишь общее понятие «предки». С XVI в. появились слова, обозначающие дедушек и бабушек (*Grand-père, Grand-mère*), в чем отразилось увеличение пожилых в аристократических и буржуазных семьях, совместно проживавших с внуками. Но в низших слоях дедушки и бабушки еще оставались редкостью и рассматривались, к тому же, как обуза (лишние рты).

В первой половине XVIII в. ситуация мало изменилась. В Западной Европе перемены начались во второй половине столетия, а существенно стали проявляться уже в XIX в. В середине этого столетия средние показатели продолжительности жизни по Европе составили 37 лет, в 80-е гг. – 40 лет. Средний возраст женщин при этом стал превышать мужской, что было связано с уменьшением смертности при родах. В Германии во второй половине XIX в. мужчины в среднем жили по 56 лет, женщины – по 58,6 года.

Но на востоке Европы ситуация менялась не столь интенсивно. В России даже в начале XX в. средняя длительность жизни оставалась на уровне 30–33 лет.

Какие же процессы стояли за интенсивным ростом продолжительности жизни в Западной Европе?

Как отмечалось, до середины XVIII в. сохранялся традиционный тип смертности со значительным числом ранних смертей из-за болезней, вызывавшихся плохим питанием, антисанитарией, тяжелым трудом. Отношение к смерти оставалось пассивным, ибо она – окончание лишь земной жизни. В итоге в Европе XVII в. смертность была почти столь же высока, как и в Древнем Риме.

Эпоха Возрождения с ее идеями самоценности человека и его земных целей поколебала такое традиционное отношение к жизни и смерти. Но лишь к XVIII в. смерть в массовом сознании начинает осознаваться как враг, с которым надо бороться. На смену невозмутимому «все умираем» приходит осознание уникальности, неповторимости каждой человеческой жизни, и возникает стремление проявлять активность в противодействии смерти. Этому способствовали и первые успехи западноевропейского промышленного развития, создававшие определенную базу улучшения условий жизни и снижавшие неблагоприятные условия внешней среды. Меняется и поведение медиков: они становятся смелее. Показательный пример: в 1667 г. личный врач молодого Людовика XIV, ослабевшего от модных тогда «лечебных» кровопусканий, впервые осуществил переливание крови – ввел около 250 кубических сантиметров крови ягненка. Больной быстро поправился. Ему, конечно, очень повезло, ведь легко отправить человека на тот свет, введя ему кровь не то что животного, а человека с другой группой крови. Но важен сам факт – медики ищут новые пути борьбы за жизнь пациентов.

В XIX в. в Западной Европе укрепляется микромир – семья. Становится более активной борьба за жизнь близких и в целом начинается более целенаправленная деятельность общества по борьбе с преждевременной смертью. В этом проявилось **начало перехода к современному типу смертности**. К середине XIX в. на основе предыдущего развития происходит значительное улучшение состояния личной гигиены.

Положительные изменения отмечаются уже с XVI в., при этом, что существенно, они постепенно распространялись от верхов общества на широкие слои населения. Повышается внимание к чистоте тела, гигиене питания, начинается регулярная целенаправленная борьба с насекомыми-паразитами. В XVII – XVIII вв. у знати входит в обычай ежедневно умываться, регулярно менять белье, не есть руками. В XIX в. эти обычаи распространяются и в широком быту, чему способствовало серийное производство дешевой одежды и бытовых предметов (посуды, мыла и т.п.), а также строительство благоустроенных жилищ с централизованной канализацией. Это привело к резкому сокращению дизентерии, чумы, холеры и других кишечных заболеваний. Сказался и прогресс медицины. В конце XVIII в. появилась вакцина Дженнера против оспы, от которой прежде умирало до 1/3 детей и каждый 7–8 из 10 взрослых. К XIX в. возникла бактериологическая теория Пастера, что положило начало прививкам, вакцинам, появлению разных методов антисептики. В XVIII в. в экзотическую болезнь превращается бич средневековья – проказа, после вспышки конца XV

XVI вв. ослабевает заболеваемость сифилисом. В итоге – снижение смертности в разных возрастных группах, снижение сезонной смертности (особенно летом из-за кишечных инфекций), снижение социальной дифференциации в смертности.

Сокращение смертности, начавшись с наиболее развитых стран Западной Европы, постепенно распространялось по всему миру. Причем, если во второй половине XVIII в. уменьшение смертности происходило в ходе промышленной революции, улучшавшей питание, условия труда и быта, то с конца XIX в. снижение смертности в первую очередь определялось успехами медицины.

Особое значение имело снижение детской смертности. Но еще в XVIII в. оно было минимальным. Некоторое уменьшение младенческой смертности уравнивалось ее увеличением среди детей от 4 лет и подростков. В XIX в. наблюдалась другая картина – среди детей преобладала именно смертность в младших возрастных группах. Эти колебания вызывались тем, что поначалу интенсивнее боролись за жизнь младенцев. А в XIX в. уже научились лучше лечить детские болезни, и на этом фоне младенческая смертность стала заметнее.

Однако за пределами Западной Европы положение менялось медленно. Например, в Польше XVII – XVIII вв. до года умирало 35% детей, а до детородного возраста доживало тоже лишь около 35% юношей и девушек. В Киевской епархии во второй половине XVIII в. до 14 лет умирало около 60% детей. До 1/3 детей умирало в первые 5 лет жизни в Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в.

На Востоке, где сохранялся традиционный тип смертности, более были распространены и древние варварские обычаи. В частности, в отношении к детям они ярко проявлялись в Японии, где во второй половине XVIII в. был исчерпан земельный фонд и в крестьянских семьях дети становились не в радость. Каждый третий ребенок в такой ситуации считался у крестьян позором, и его убивали. Лишь в 1872 г. японские власти приняли решительные действия против детоубийства, что привело к резкому росту населения страны.

Но отступление высокой смертности шло медленно и неравномерно. Еще во второй половине XVIII в. вспышки голода сотрясали Европу. Например, во Франции в XVI в. было отмечено 13 голодных лет, в XVII в. – 11, а в XVIII в. – 16. В самом конце первой половины XIX в. из-за неурожая картофеля погиб 1 млн ирландцев. Но голодные годы стали повторяться все реже. Однако несмотря на отмеченные выше успехи медицины, большие опустошения приносила холера,

сохранялись болезни бедных – малярия и туберкулез. Низы общества страдали и при ухудшении продовольственного положения из-за роста цен.

Сказывались и конфессиональные различия, влиявшие на быт. Например, на Украине в 1887 г. до 15 лет умирало 67% детей, а у мусульман Крыма – 48%. Отсюда и тогдашняя модальная продолжительность жизни на Украине – около 33 лет, а в Крыму у мусульман – до 40 лет. Существенное влияние на уровень смертности оказывали и многочисленные войны. Если в XVI в. военные потери в Европе составили (по Урланису) сотни тысяч человек, то в XVII в. они превысили 3 млн. человек, в XVIII в. – 5 млн, а в XIX в. только в период наполеоновских войн (1800 – 1815) – более 3,6 млн. Новая тактика ведения войн со все увеличивающимся применением огнестрельного оружия, при низком уровне антисептики приводила не только к увеличению количества убитых непосредственно на поле боя, но и к росту смертности более многочисленных раненых. Передвижение больших масс войск осложняло также санитарное состояние и продовольственное положение мирного населения, что вело к росту потерь и в его среде. Приведем численность убитых и умерших от ран в основных странах Европы за XVIII в. (в тысячах человек).

Франция – 1400	Немецкие государства, Англия – по 500	Итальянские государства – 100
Австро-Венгрия – 780	Испания – 300	Польша – 70
Турция – 600	Швеция – 200	Дания, Португалия, Швейцария – по 50
Россия – 550	Голландия – 150	

Только за 2 года Отечественной войны 1812 г. количество венчаний в России сократилось почти на 100 тыс., родившихся – почти на 300 тыс. при росте смертности примерно на 40 тыс., что привело в 1813 г. к уменьшению общей численности населения в стране примерно на 3 тыс. человек, тогда как перед этой войной население ежегодно увеличивалось на 300 тыс. и более.

Тем не менее тенденция падения смертности, особенно в Западной Европе, была налицо. За XIX в. коэффициент смертности в Западной Европе снизился на 19%. Особенно увеличились темпы снижения смертности в последнюю четверть XIX в. Но это относилось именно к Западной Европе, где коэффициент смертности составил 16%. В восточной же части континента он еще достигал почти 30%.

На Востоке сохранялись прежние уровни рождаемости и смертности. Не был изжит голод. В Китае в XIX в. голодной смер-

тью умерло около 100 млн. человек, лишь в одном 1877 г. в северных провинциях страны погибло от голода 4–6 млн человек. В Индии в XIX в. было более 30 вспышек голода, а за последние 30 лет XIX в. от голода там погибло 20–25 млн человек. А ранее, только за 1770 – 1771 гг., в Бенгалии голод унес до 1/3 населения.

Рождаемость в начале Нового времени была высокой в соответствии с господствовавшим тогда повсеместно традиционным демографическим поведением. А из-за уменьшения детской смертности реальная рождаемость возросла. Но в середине XIX в. в Западной Европе начался переворот в рождаемости, вызванный старением браков (повышением возраста вступления в первый брак). Первые проявления этого отмечены во Франции, где с середины XIX в. рождаемость могла обеспечить лишь простое воспроизводство населения, то есть едва покрывала смертность. С конца XIX в. подобные процессы стали отмечаться и в других западноевропейских странах. Они были вызваны совпадением по времени ряда факторов:

1. Отмеченное снижение детской смертности, что позволяло сохранять привычный уровень детности в семьях без новых рождений.

2. Втягивание женщин в трудовую деятельность, повышение их образовательного уровня, получение избирательного права и в целом расширение сфер деятельности и интересов вне семьи.

3. Отсюда – повышение возраста вступления в брак, распространение «светских» взглядов на семью, создаваемую не только для рождения и воспитания детей.

4. Названные процессы, а также урбанизация способствовали распространению малых, нуклеарных семей, сами условия существования которых не располагали к многодетности.

5. Увеличение расходов на содержание детей в городах с введением всеобщего начального обучения и запрещением детского труда.

6. Распространение с 60-х гг. XIX в. сравнительно безвредных противозачаточных средств.

В итоге в городских семьях наиболее экономически развитых стран начинается переход к *внутрисемейному планированию, к современному типу воспроизводства населения.*

Снижение рождаемости, впрочем, отмечалось и ранее. Например, в Испании оно было связано с экономическим упадком конца XVI – XVII вв. Тогда власти отреагировали вопреки католическим традициям, даже поощрением внебрачных рождений. Но ситуация начала меняться лишь при некоторой стабилизации хозяйственной жизни. Однако это были локальные явления.

Но изменения в рождаемости, начавшиеся во второй половине XIX в. в Западной Европе и Северной Америке, отразили необратимые изменения во взглядах на семью и детность. Как ни парадоксально, но именно распространение материального благополучия на большее число людей подвигало их к сохранению достигнутого уровня ценой ограничений количества детей и даже вело к нежеланию или оттягиванию времени вступления в брак. Первоначально эта тенденция коснулась социальных верхов, но затем распространилась и на широкие массы. Все это и привело к изменению модели брака.

Изменялось отношение к детям в западноевропейском обществе и в целом, и в семьях. Бесповоротные изменения начались с конца XVII в., когда школа заменила практическое обучение «в людях». Ребенок уже не смешивается со взрослыми и не постигает жизнь в непосредственном контакте с ними. Школа, коллеж стали своеобразным карантинном, предварявшим выход ребенка в мир. Этот процесс стал возможным лишь благодаря эмоциональной поддержке семьи, что повысило роль воспитания. Задачей родителей становится не только обеспечение своих детей имуществом и фамильной честью, но и внимание к их образованию и вообще к ним, что стало обычным с XIX в. Семья организуется вокруг ребенка. Детей воспроизводят уже не слишком часто, в том числе и чтобы лучше о них заботиться.

Особо выделяется раннее детство, когда ребенок требовал максимального внимания. Характерным стало появление с XVI в. изображений обнаженного ребенка¹. В Средние века обнаженный ребенок был лишь символом души. Теперь же такая символика исчезла, и появились именно детские портреты и жанровые сцены с детьми. Образы детей становятся очень распространенными в живописи. В литературе возник особый детский жаргон (типа «ням-ням», «вава» и др.). С XVII – XVIII вв. стали оберегать детей от кровяного поведения и разговоров взрослых. Возникло базовое понятие – «детская невинность».

С XVII в. в зажиточных слоях появляется и специальная детская одежда. Но даже в аристократической среде детский быт оставался примитивным, как, впрочем, и быт вообще. В описании быта Тюдоров (XVI в.) находим: обычно детские отапливались так, что их обитатели то мерзли, то, наоборот, страдали от перегрева и покрывались сыпью, а сквозняки то и дело вызывали кашель и насморк. К тому же донимали вездесущие ненасытные блохи, от укусов которых у высокородных младенцев краснели и распухали ладони, уши и пальцы на ногах. А для подросших во дворце была в запасе такая мудрость: «Пожалеешь розгу – испортишь ребенка».

¹ Так называемого *путти* – карапуза.

По французским источникам, с конца XVII – XVIII в. семья ушла с улиц и площадей, из коллективной жизни и стала замыкаться в домашних стенах, более приспособленных для создания личного пространства, в котором выделяются изолированные комнаты, сообщающиеся через коридор, вместо прежней анфилады проходных комнат. Во Флоренции этот переход отмечается уже с XV в.

О внимании к личности ребенка свидетельствуют требования записи в приходских книгах точной даты рождения. Во Франции оно было введено Франциском I (первая половина XVI в.). Однако поначалу точную дату рождения указывали лишь те, кто проходил через коллеж. Обычно же мало кто мог помнить свой точный возраст. Позднее даты появляются на портретах. Но лишь в XVIII в. была преодолена народная враждебность к точным цифрам и священники стали пунктуально заполнять приходские книги. В XVII в. появилась привычка гравировать или писать значимую дату на кроватях, кофрах, сундуках, ложах, шкафах, праздничных бокалах; чаще – день свадьбы. Просуществовало это пристрастие до середины XIX в. у людей среднего достатка и довольно быстро исчезало в городской среде и королевском дворе, где к нему относились как проявлению наивности и провинциальности.

В Восточной Европе, где отмеченные процессы происходили со значительным опозданием, высокая в целом рождаемость сохранялась до Первой мировой войны. Здесь оставался прежним и высокий уровень замужества женщин (до 80% против 55% в Западной Европе к началу XX в.) и более низкий возраст вступления женщин в брак (19–21 год против 24–25 лет в Западной Европе и Скандинавии).

Некоторые следы регулирования рождаемости, однако, были отмечены в Восточной Европе при отмене крепостного права и выразились в стремлении ограничить количество детей, чтобы не расплывать крестьянские наделы. Причем инициатива этого обычно исходила от женщин, более, вероятно, думавших о благополучии своих детей. Такое ограничение достигалось путем намеренного удлинения срока кормления грудью – до 4–5 лет, брали порой и соседских детей, отмечены даже случаи кормления беззубых щенков (чтобы сохранялась лактация). Такое отмечено, например, в данных за 1866 г. из Новгородской губернии. Там, где мужья уходили на заработки, детей кормили до ухода мужей. Это были примитивные способы задержки новой беременности. Так нецивилизованным путем в народную среду проникали импульсы к изменению демографического поведения. Но массового характера это не приняло и касалось прежде всего западных губерний Российской империи.

Высокой была рождаемость и в российских дворянских семьях: между 1782 и 1858 гг. при увеличении населения в стране в 2 раза дворян стало в 4,3 раза больше. Конечно, сословие росло и за счет других социальных групп, но дворяне все-таки имели больше возможностей для выхаживания детей, чем низы. Известна поговорка «У кого детей много – не забыт Богом». Но эта «безмозглая плодовитость» вела к обеднению российских дворян.

Однако удел всех слоев российского общества – сохранение высокой детской смертности. Безвременно умирали и императорские отпрыски. Из воспоминаний купчихи XVIII – XIX вв.: «Умерло больше, чем выжило». Но выхаживать больных детей было обязанностью матери во всех социальных слоях так же как обязанность воспитывать и учить. Однако в России сохранялся и даже усиливался родительский произвол, узаконенный правилом 1775 г., дававшим право отцам и матерям помещать строптивых детей в смирительные дома, в чем отразились первые проявления кризиса патриархальности – увеличение конфликтов между детьми и родителями. Но большая власть в семьях старших женщин (бабушек), удивлявшая европейцев, была связана с консервативными традициями приоритета материнского слова и поступка по отношению к ребенку, даже ставшему взрослым. Она сохранилась и в среде дворянства. Осознание ценности детского возраста пришло в российское общество лишь с середины XIX в. А до того: «Лета ребячьи ничьи не интересны» (Пушкарёва, 1997).

Поэтому если в Прибалтике, в окрестностях Санкт-Петербурга, Полтавской и Витебской губерний с 1861 по 1913 гг. коэффициент рождаемости снизился до 40–30%, то в целом по России этот коэффициент понизился лишь с 50,7% до 43,9%.

Российское общество еще не было готово к демографическому переходу. Показательны суждения Льва Толстого, упрекавшего женщин богатых классов, занятых «своими талиями, прическами и пленительностью для мужчин»; а также тех, которые «ходят на разные курсы ... и... стараются избавиться от рождений детей с тем, чтобы не препятствовать своему одурению, которое они называют развитием».

Но тенденция все же пробивала себе дорогу, и к началу XX в. практика ограничения рождаемости охватывала более широкие слои населения. Не случайно внимание властей к абортам, за которые в тогдашней России полагалась тюрьма от 4 до 5 лет. Но криминальные аборты были известны даже в пригородных деревнях. Другие средства контрацепции применялись только в городах. В целом отход от традиционного контроля над рождае-

мостью в России наметился лишь в 20-е гг. XX в., то есть в другую эпоху.

Семейные отношения

Еще эпоха Реформации принесла новые взгляды на вопросы брака и семьи в Западной Европе. Она развенчала предпочтение, отдаваемое средневековой церковью целомудрию перед браком. «Семейная жизнь превыше целибата, – заявлял великий реформатор М. Лютер, – брак создает здоровое тело и совесть, защищает имущество и честь. Он закладывает основы домохозяйства, которое создало все общественные ценности». Позднее на общих изменениях в семейно-брачных отношениях на Западе сказывался экономический прогресс.

В 1850 – 1860-е гг. фабрики начали производство швейных машин. Одна только фирма «Зингер» к концу века делала их до 600 тыс. в год. Швейные машины стали необходимой принадлежностью чуть ли не каждого дома. Облегчилось не только шитье. К концу века во многие дома пришли водопровод, центральное отопление, а затем и электричество. Женщины освободились от многих прежде неизбежных хозяйственных дел, поскольку промышленность поставляла пищу, одежду, предметы обихода не только в изобилии, но лучшего качества и дешевле, чем это могло быть произведено в домашних условиях. Медленно под влиянием идей либерализма, призывов известных общественных деятелей, активности женских организаций менялось и общественное мнение в отношении положения женщин. Стали складываться существенные предпосылки к их включению в активную деятельность вне дома.

Индустриализация открыла женщинам из семей, зарабатывавших на жизнь собственным физическим трудом, новые возможности. Внедрение машинной техники в ходе промышленной революции упростило производственные операции, свело трудовые функции к выполнению сравнительно простых приемов и допускало использование элементарно обученных, малоквалифицированных работников. К тому же применение паровых двигателей требовало меньше физической силы для обслуживания станков, особенно в текстильной промышленности, а это позволяло заменять мужчин женщинами. Дешевый женский и детский труд на производстве стал повсеместным и широко распространенным явлением. Текстильные фабрики эпохи промышленной революции, возможно, вообще не были бы построены, если бы их владельцы не рассчитывали на постоянный приток дешевой женской рабочей силы.

Под воздействием работы вне дома значительная часть женского населения изменила свой статус и собственную жизнь.

Появилась финансовая независимость, которую принесла женщинам, особенно незамужним, работа на производстве. Возникшая благодаря индустриализации возможность работать вне дома ослабила зависимость женщины от отца или мужа.

Женщины, которые в силу своего социального статуса и имущественного положения не помышляли о фабрике, тоже начали задумываться о том, как вырваться из тесных рамок семьи, найти поле приложения сил вне ее. Представительницы состоятельных, образованных и социально активных кругов притязали не только на то, чтобы освоить профессиональные занятия, которые монополизировали мужчины, но стремились добиться гражданского равноправия. В XIX в. в общественное сознание все больше начинает проникать представление о том, что женщины, особенно незамужние, должны приобретать профессию.

Так общество исподволь подводилось к осознанию необходимости профессиональной подготовки, развития женского образования. Пример в этом показали США, где в течение 1780 – 1790-х гг. появилось некоторое количество школ специально для девочек. Они также зачислялись вместе с мальчиками в общественные школы. Результатом стало повышение образовательного уровня девушек, и к середине XIX в. он сравнялся с мужским. В связи с основанием большого количества школ в стране возник массовый спрос на учителей. Но поскольку женщинам платили «вдвое, а то и втрое меньше, чем мужчинам», именно их и стали привлекать к преподаванию. Поначалу это были девушки-учителя, имевшие гимназическое образование. Учебные заведения для подготовки учительниц учредили по всей стране, а сама эта профессия все больше становилась женской: в 1900 г. более 3/4 всех учителей в США были женщины. Быстро росло и число женщин-учителей в Великобритании: женщины в 1901 г. составляли 75% школьных учителей.

Важным этапом на пути к включению женщин в интеллектуальный труд стало распространение права на получение ими высшего образования. Впервые это произошло в США в 1837 г. Характерно, что в отличие от старых мужских многие женские колледжи были основаны не на средства религиозных организаций, а на деньги, пришедшие из промышленности и бизнеса. В Европе высшее женское образование берет начало с 1860-х гг., когда перед студентками открыл двери Цюрихский университет. Швейцарские высшие учебные заведения быстро стали и лидерами, и международными центрами европейского женского образования.

Технический прогресс открыл дорогу женщинам к канцелярской работе. В 1867 г. в США появилась первая печатная машинка. С 70-х гг. началось их массовое производство. Редакции газет, деловые конторы, органы управления стали оснащаться «ремингтонами» и «уиндервудами». Работа на них стала чуть ли не монополией женщин.

Постепенно повышался и социальный статус медсестер. Особо сказался пример англичанки Флоренс Найтингейл, ставшей медсестрой в годы Крымской войны 1853 – 1856 гг. Ей удалось вопреки предубеждению собственной семьи привлечь к госпитальному делу специально обученных сестер милосердия и придать этому занятию облик серьезной профессии. Труд медсестер

стал ценится выше, чем гувернанток из богатых домов, хотя зарабатывали они меньше. Затем началось распространение среди женщин и высшего медицинского образования.

На этом фоне и происходили отмеченные выше радикальные изменения западноевропейского семейного уклада в Новое время. Рассмотрим их подробнее.

В начале Нового времени еще продолжали существовать большие семьи – до нескольких десятков совместно проживавших родственников. Но постепенно, как отмечалось, увеличивалась доля малых семей. В XVIII – XIX вв. они становились преобладающими в индустриально развитых странах, но постепенно распространялись и в более отсталых, аграрных. В середине XIX в., в связи с втягиванием в капиталистические отношения такие семьи выделяются из больших у западных и южных славян. Таким образом, малая семья становится в Европе распространенным типом брачного союза.

Уже отмечалось повышение возраста вступления в брак. Увеличивались и интервалы между рождениями. Но эти показатели, как и количество детей в семьях, колебались в зависимости от стран и регионов. Во Франции к XIX в. их становилось чуть более двух. В Украине второй половины XVIII в. у казаков, например, было до 2,8 ребенка, в семьях священников – 2,4, столько же – у разночинцев, у посадских – 2,3 ребенка, у дворовых – 2,1. Зато среди крестьян Сибири тогда же было по 4,2 ребенка на семью.

Уже отмечалось, что на уменьшение детности влияло много причин. Но главная – увеличение удельного веса нуклеарных семей, в которых молодые матери были лишены постоянной помощи со стороны родственников в уходе за детьми, что и вело к увеличению интервалов между родами. Но сказывалось и стремление к планированию количества детей, в чем и отразилось изменение брачной традиции, что было характерно для Европы рассматриваемого времени.

Новый тип брачных отношений получил название *брака европейского типа*, или *европейского типа брачности*. Для него в отличие от традиционного характерны именно поздние браки и высокая доля женщин вне браков. Период женской плодовитости стал использоваться наполовину, что и вело к снижению рождаемости (тоже наполовину).

Этот тип брачности точнее надо бы называть западноевропейским, ибо он зародился в западноевропейской дворянской среде из принципа майората еще в позднем средневековье. Уже

тогда в верхах поздние браки, вообще долгое безбрачие не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Старые холостяки и девы вызывали скорее иронию, нежели всеобщее презрение, как в России и азиатских странах. Конечно, считалось лучше быть женатым. Но, особенно с «проклевыванием» предпринимательской морали, уже в эпоху раннего Возрождения (XIV в.) неперенным условием для создания семьи считалась возможность мужчин содержать семью. Постепенно вступление в брак людей несостоятельных стало бóльшим вызовом общественному мнению, чем холостяцкая жизнь.

Кстати, майорат там, где он не был навязан властями, а сложился как естественный обычай, способствовал резкому повышению социальной активности лишенных наследства младших сыновей. Не рассчитывая на помощь своих родителей, они прилагали огромные усилия, чтобы завоевать место под солнцем и вступить в брак: открывали и завоевывали заморские земли, делали военную или гражданскую карьеру, достигали успехов в торговле, сколачивали капиталы в промышленности. Их старшие братья, унаследовавшие отцовские дома, капиталы, земли и титулы, проявляли личную инициативу обычно в гораздо меньшей степени. В XVIII – XIX вв. снижение смертности привело к увеличению числа младших сыновей. Они, вынужденные заниматься нетрадиционной деятельностью вне сельского хозяйства, ибо земельные участки получали только старшие сыновья, сыграли важную роль в развитии индустриализации и возникновении капитализма. По крайней мере, этот строй быстрее и прочнее утвердился там, где был майорат – среди народов Западной Европы и их заокеанских потомков, а также в Японии (где майорат был отменен только после Второй мировой войны). Итак, майорат везде развивал личную предприимчивость.

Парадоксально, что хотя принцип передачи наследства (прежде всего недвижимости) исключительно старшему сыну возник в верхах общества, в рассматриваемое время он распространился и в трудящихся слоях, более ограниченных в имущественных возможностях. В среде английских и французских аристократов, женеvского патрициата, богатства которых позволяли и младших детей не обделять, частыми были и ранние браки, и холостяков было мало и, следовательно, уровень рождаемости в XVII – XVIII вв. оставался высоким.

Таким образом, если традиционный тип брачности был основан на обладании землей большими семьями, в которых молодая пара не вела своего обособленного хозяйства, европейский

тип возник из ограниченности земельных владений и обособленного хозяйствования малыми семьями. Традиционный же тип брачности ориентировался не на возможности жениха содержать семью, а на его рабочие руки (в низах) и степень политического влияния (в верхах).

Стимулировала распространение европейского типа брачности в Западной Европе и секуляризация семейных ценностей под влиянием эпохи Просвещения и Французской революции.

Новый тип брака не только способствовал замедлению роста населения. Поздние браки, высокая доля холостяков и сравнительно малый разрыв в возрасте мужей и жен (в среднем 3 года) могли влиять на изменение порядка выбора брачных партий, структуры семей и на весь комплекс отношений между полами. Среди многочисленных холостяков особую остроту приобрела проблема внебрачных отношений: «Соитие по необходимости обособлялось от зачатия» (Ю.Л. Бессмертный). В Италии, с ее более развитыми общественными отношениями и «продвинутыми» нравами, в XV в. в аптеках появилась мазь, имитирующая девственность. В отношениях мужчин и женщин все большее место занимает чувственность. Этим подготавливалось внутрисемейное планирование рождаемости, сыгравшее огромную роль в демографическом переходе от традиционного к европейскому типу брачности и рождаемости: половые отношения превращались в самоцель, отрывались не только от своего предназначения (размножения), но и от семейной жизни тоже. Этим закладывались основы современной модели сексуального поведения. Наряду с супружескими возникало немало неполных семей (матери-одиночки, холостяки). Некоторые супружеские семьи, наоборот, разрастались за счет длительного включения взрослых неженатых детей и одиноких старших родственников.

Следует еще заметить, что процесс формирования европейского типа брачности не был прямолинейным даже в западноевропейских странах, где он возник. При улучшении экономической конъюнктуры после эпидемий возраст молодоженов даже в Англии и Франции понижался, и начинала расти рождаемость. Во Франции в XVIII в. рост населения даже обгонял темпы экономического роста, что, возможно, и обострило предреволюционные противоречия.

Вообще же в XVIII в. недороды, дороговизна, падение реальной заработной платы и доходов наиболее непосредственно сказывались не на смертности, а на сокращении брачности и рождаемости. В этом – тоже отход от традиционного типа брачности.

Обратим внимание еще на один парадоксальный результат появления нового типа брачности. Как отмечалось, при нем из-за повышения возраста выхода замуж сокращался примерно наполовину репродуктивный период у женщин (ибо самые плодотворные годы – молодые). Примерно со второй половины XIX в., а кое-где и ранее, благодаря общему увеличению продолжительности жизни сокращение прожитых в супружестве лет стало сменяться увеличением продолжительности совместной жизни. Но к увеличению рождаемости это уже, понятно, не вело. Отмеченное явление показало, что переход к новому репродуктивному поведению состоялся.

В таких условиях началось и юридическое оформление семейных отношений: в XVII в. во Франции становятся обязательными брачные контракты, что, кстати, повышало статус жены в семье.

Общественное мнение нелегко смирялось с новыми демографическими веяниями. Представления о «естественности» для женщин рожать много детей, о том, что это – ее главное предназначение и главная цель браков, были еще сильны. Так же, как и представление о греховности каких-либо мер, направленных на ограничение рождаемости в браке. Большинству современников ограничение семейной рождаемости представлялось проявлением прискорбного падения нравов, делом противозачаточным и аморальным. «Как, – восклицал Руссо, – основываясь на том, что существует какая-нибудь сотня больших городов, где женщины, ведя распущенный образ жизни, производят на свет мало детей, вы утверждаете, что для женщины естественно иметь мало детей!.. Разве для женщины не естественно быть матерью? И разве материнство не охраняется основными законами природы и существующими обычаями?». Другой просветитель, Моо, писал: «Богатые женщины, для которых наслаждение – высшее благо и единственное занятие, не одни, кто смотрит на продолжение рода человеческого как заблуждение старых времен. Пагубные секреты, неизвестные никаким живым существам, кроме человека, проникли уже в деревню. Природу обманывают, и это дошло до деревни». Вспомним, что через сто с лишним лет такими же нравами, но уже в России, возмущался Толстой.

Но вернемся во Францию второй половины XVIII в. Вольтер, не столь благочестивый, как Моо, и менее сентиментальный, чем Руссо, писал: «Наша главная забота заключается в том, чтобы люди, которые живут, были счастливы настолько, насколько это позволяет человеческая природа и огромное различие между разными положениями в жизни. Но если мы не смогли еще обеспечить это счастье людям, к чему так стремиться к увеличению их числа? Не для того ли, чтобы создать новых несчастных? Большинство отцов семейств опасаются иметь много детей, тогда как правительству хотя бы умножения народа».

В общем-то ко времени Французской революции о регулировании семьи уже знали широкие массы французов. Впрочем, уже Людовик XIV в 1666 г. издал эдикт о премиях вступающим в

брак. То есть демографические проблемы Франция ощутила еще при «короле-солнце» – кризис традиционного брака нарастал постепенно. Но, очевидно, французское Просвещение и революция способствовали окончательному разрушению старого демографического стереотипа, что и сделало Францию родоначальницей новой брачной модели и нового типа демографического поведения на Земле.

Иногда пишут, что падению рождаемости способствовало появление в XVIII в. новых средств контрацепции, широко распространившихся в XIX в. Но есть пример Франции, где внутрисемейное планирование и регулирование рождаемости привилось задолго до изобретения способа вулканизации резины. И, наоборот, если общество внутренне не созрело для рассмотренных явлений, знание о самых современных противозачаточных средствах не изменит модель семейного поведения, что мы видим и теперь на примере многих афро-азиатских народов.

Поэтому Франция выделялась низкой рождаемостью в течение всего XIX в. Причем настолько, что там забили тревогу. В 1896 г. был основан Народный союз за увеличение Французского населения, который всячески способствовал введению во Франции законов, поощрявших рождаемость (кстати, безуспешно, хотя и страхи о вымирании французов за прошедшие 100 лет не подтвердились). Лишь в 20-е гг. XX в. означенная монополия Франции перестала существовать. Но об этом – в следующей главе.

Пока же, в Новое время, классический европейский тип брачности был характерен лишь в ограниченном регионе Северо-запада Европы (Северная Франция, затем Англия). На юго-западе (Южная Франция, Испания, Италия) поздний брак среди женщин был менее распространен. Но здесь существовал более существенный разрыв в возрасте супругов (не 3 года, как на севере, а 5–10 лет). Холостяками на юге оставались обычно лишь те мужчины, которые надолго (навсегда) покидали отчий дом. В определенной степени это было связано с сохранением в ряде областей традиций больших домовых общин со свойственным им принципом майората. В такой общине младшие сыновья приводили молодых жен в общий дом, но не создавали самостоятельных хозяйств. Это вело к другому типу регуляции: рост населения определялся не поздними браками, как на севере, а за счет сокращения количества детей в семьях.

Показательно, что в Юго-Западной Европе сохранялся традиционно церковный подход к семье и ее репродуктивному

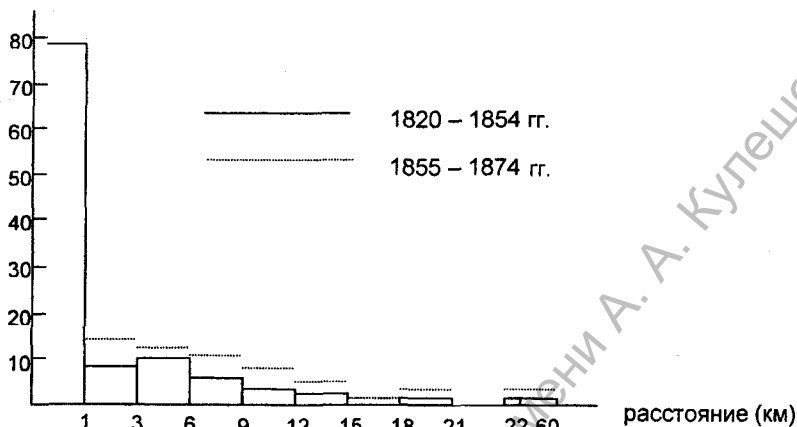
значению (все должны жить в семье, а главная задача супругов – рожать и воспитывать детей). Те же традиции оставались в Центральной и Восточной Европе, которую тоже почти не затронула волна эпоха Реформации. В Польше, Прибалтике, других центрально-европейских странах европейский тип брачности стал сказываться только с середины XIX в. Причем он был сглажен ростом рождаемости и понижением возраста вступающих в брак крестьян после отмены крепостного права (в середине XIX в.).

В некоторых странах и местностях Центральной Европы, особенно в германских землях, распространился так называемый пробный брак, позволявший молодым пожить некоторое время вместе без регистрации. И лишь спустя определенное время, обычно после рождения ребенка, такой брак регистрировался. Здесь причудливо переплетались сохранившиеся в глубинах народной памяти дохристианские традиции группового брака и новые веяния, пришедшие с запада. Такие браки были известны в сельской местности, отличавшейся как большей патриархальностью, так и поверхностной христианизацией, не вытеснившей до конца языческие обычаи.

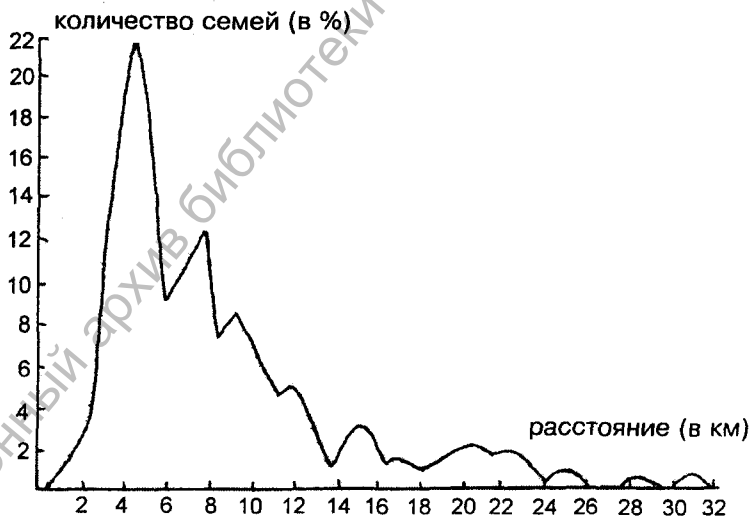
Для оценки европейского типа брачности следует отметить и то, что в странах Западной Европы и Северной Америки с середины XIX в. наметилась тенденция к снижению возраста вступления в первый брак и сократилось безбрачие. Но уровень рождаемости все снижался, теперь уже из-за изменения так называемого прокреационного поведения в браке (внутрисемейного регулирования рождаемости), которое к этому времени стало массовым. Ибо с ростом образовательного уровня и женской занятости повышались общекультурные запросы семей и дети уже не становились самоцелью семейной жизни. Естественно, это было характерно для городских семей.

С другой стороны, значительный отток сельского населения в города в ходе промышленной революции и распространение индивидуальных крестьянских хозяйств (то есть малых семей), особенно в северных регионах с традиционным хуторным расселением (в том числе и в Восточной Прибалтике), создавал проблемы в поисках женихов и невест в деревнях. По подсчетам польских демографов, в XIX в. большинство брачных партнеров в деревнях подбирались в пределах до 20 км, при этом более 1/3 браков заключалось между жителями одной деревни или соседней (в радиусе до 8–10 км). Это, естественно, вело к преобладанию экзогамных браков, что влияло на генофонд деревни.

количество семей (в %)

Расстояние выбора брачных пар в деревнях Великопольши
(по М. Хеннебергу)

Распределение семей по месту первоначального проживания
в Великопольше в XIX в. (по М. Хеннебергу)

В регионах с сохранившимся традиционным браком (частично Центральная, целиком Восточная и Южная Европа) у женщин сохранялись более сильные эмоциональные связи с детьми, чем с мужьями, причем особенно с сыновьями. Это объясняется тем, что только на сына можно было рассчитывать в старости. Только он мог продолжить семейное дело. Однако тяжелые условия жизни вели к тому, что к детям, особенно к девочкам, с младенчества не проявляли никакой ласки.

Среди таких традиционных обществ типичными были Балканы, где в течение почти всего Нового времени сохранялись патриархальные семейные традиции. В системе полового разделения труда у южных славян основную роль отводили женщине. Домашняя работа целиком ложилась на ее плечи. Присутствие в доме мужа не изменяло ситуации: в доме он мог только сидеть и курить трубку, пить кофе, т.е. «проводить время по-турецки». Девочки привлекались к хозяйственным работам с 7–8 лет. Коллективное сознание закрепило определенные ограничения в видах женского труда. У черногорцев, например, существовало проклятие: «Дай бог, чтобы у вас пахала женщина». Но все остальное виды полевых работ выполняли именно женщины. «Черногорец считает позором заниматься полевыми и другими хозяйственными работами или ремеслами (это, по его мнению, дело цыган)», писали этнографы. Основным видом деятельности черногорки была переноска грузов. Согласно социальным представлениям черногорцев единственный предмет, который мог носить мужчина, – это ружье. Русский консул в Белграде отмечал, что «сербин в отношении к труду занимается только хлебопашеством и выгонкою из слив водки, обыкновенно столько, сколько нужно ему для годового обихода... и то работают большей частью женщины». Большая хозяйственность болгарина в сравнении с сербами и черногорцами не освобождала женщину от помощи мужу во всех делах, включая постройку домов. Следовательно, женщины у южных славян выполняли работы, закрепленные в сознании многих других народов как типично мужские, однако мужчины не осваивали типично женских.

Но, возможно, именно из-за столь значимого участия в труде и в семейной жизни женщинам на Балканах не был присущ страх перед мужчиной. Чем старше становилась женщина, тем больший почет и уважение она имела в обществе. Женщина имела право подавать иски по поводу убийства, по делам о наследстве, по несправедливому захвату ее имущества родственниками, жаловаться на мужа во все инстанции вплоть до князя, могла требовать развода. Иногда женщины использовали эти права. Но реально добиться правды было сложно (О.В. Петровская).

Интенсивное включение славянских женщин в хозяйственную жизнь являлось одной из основных причин высокой женской смертности в Болгарии, Сербии, Черногории. Об этом свидетельствует факт сравнительно меньшей смертности турчанок детородного возраста, заботы которых преимущественно ограничивались домом. Важным фактором было отсутствие сознания, что надо ухаживать за собой, привычки проявлять заботу о собствен-

ном здоровье, равно как и о здоровье детей, следить за личной гигиеной. Мировоззрение, основанное на суевериях и фатализме, выражалось во фразе «Смерть не придет, если не наступит день, который назначен каждому». В итоге характерной особенностью на Балканах было сохранение средневекового уровня смертности женщин репродуктивного периода.

В России традиционный тип брачности сохранялся до начала XX в. И если в Западной Европе уже в конце XVIII в., как отмечалось, коэффициент рождаемости был 34-39%, то в России даже к концу XIX в. он составлял 49,5%. Здесь сохранялись коллективистские крестьянские ценности, что закрепляло патриархальные традиции, да и урбанизация была меньшей.

То же относится и к семейно-брачным отношениям рассматриваемого времени в Беларуси. Традиционно девочки достигали совершеннолетия в 13 лет, юноши – 18 лет. Еще в Статутах ВКЛ 1529 и 1566 гг. девушки считались совершеннолетними с 15 лет. Это, впрочем, не означало прав на свободу действий. Молодежь продолжала находиться под опекой семей, в том числе и в выборе брачной партии. В шляхетской среде выход замуж за человека более низкого социального статуса мог привести девушку к лишению приданого и наследства. Брак оставался главной жизненной целью женщины. Альтернативой для женщины, как и в Средние века, оставалось служение Богу (Н.И. Служ).

К рубежу XVIII – XIX вв. среди крестьян в Центральной Беларуси, согласно наблюдениям В.Л. Носевича, средний возраст вступления в брак составил 20,3 года у мужчин и 19,8 – у женщин. В дальнейшем он постепенно повышался и, к началу XX в. критическим возрастом, после которого шансы на замужество стремительно сокращались, считалось уже 25-летие девушки, после которого она причислялась к старым девам. В этом ощущалось влияние новых западноевропейских семейных порядков, тогда как далее на восток, в центральных российских губерниях, средний возраст вступления девушек в брак оставался более низким. При отмеченном среднем брачном возрасте бывали и характерные исключения. Самый ранний брак в изученной В.Л. Носевичем деревне зарегистрирован при возрасте невесты в 11,8 года, выданной замуж за 19-летнего юношу. Но, как замечает автор, вероятно, целью этого брака было вступление жениха в хозяйство отца невесты в качестве примака. Первое рождение ребенка в этой семье зафиксировано десятью годами позже. Для жениха самое раннее вступление в брак в той же деревне зафиксировано в 12-летнем возрасте; невесте же было 19 лет. И в этом случае брак, видимо, диктовался желанием заполучить в односемейное хозяйство лишнюю пару рабочих рук. Первый ребенок в этом браке родился лишь спустя 8 лет. Самый поздний возраст жениха в первом браке составил 43 года: отставной солдат женился после отбытия 20-летней воинской службы.

В крестьянской среде брачные пары создавались обычно жителями одной или нескольких соседних деревень, то есть фактически внутри одной популяции. По материалам В.Л. Носевича, «за пределы популяции в среднем отдавалась одна невеста из десяти, и примерно столько же прибывало извне»¹. Исследователь отметил, что в XVIII в. почти две трети свадеб приходилось на два месяца: ноябрь (по окончании уборки урожая) и февраль (период Масленицы накануне Великого поста). В дальнейшем эта традиция сохраняется, но уже не столь ярко выраженной. Связано это, как подчеркивает автор наблюдений, с христианским календарем: оптимальным для свадьбы на рубеже XVIII – XIX вв. считался период между праздником Покрова (1 октября у католиков и 13 октября по григорианскому календарю у православных) и началом рождественского поста, причем октябрьские дни уходили на длительные подготовительные обряды. Само заключение брака при этом растягивалось почти на месяц и сочетало в себе обширную, строго регламентированную последовательность действий, из которых подавляющее большинство имело языческие корни, но завершалось венчанием по христианскому обряду. И такая традиция сохранялась вплоть до начала XX в. Впрочем, более 20% крестьянских семей даже в конце XVIII в. оставались незарегистрированными. Анализ времени рождений показывает, что зачатия в большинстве случаев приходились на февраль и март, то есть на время самого длительного и строгого поста, когда предписывалось и сексуальное воздержание. Но ведь это были и первые месяцы после свадеб!

Особо продолжительными браки не были. Из-за, прежде всего, ранней смерти одного из супругов, отдачи мужа в рекруты средняя продолжительность брака составляла обычно чуть более 18 лет. Вследствие затруднения разводов у католиков довольно часто отмечены бегства одного из супругов. В повторный брак вступало около 54% овдовевших мужчин и не менее 30% женщин в изученной деревне. При этом вдовцы очень часто женились на девушках. Но вдовы, если и выходили замуж повторно, то, как правило, за вдовцов. Характерно, подчеркивает В.Л. Носевич, что этнографические материалы ничего не сообщают о чувствах мужей и жен. «Наблюдатели отмечали: Если вы поговорите со стариками и старухами, то они вам скажут, что и красота невесты мало нужна для хозяйства, куда требуются только хорошие рабочие руки»².

Численно преобладали сравнительно малодетные семьи. Из семей, имевших потомство, почти у половины рождалось не более 4 детей. Основной прирост обеспечивали же многодетные семьи, где рождалось от 5 до 9 детей. В среднем на одну брачную пару приходилось примерно по 4,2 ребенка. С рождениями были чисто медицинские проблемы. Как отмечает В.Л. Носевич, есть основания предполагать неудачную первую беременность для значительной части браков: на каждые 100 рождений приходилось порядка 35–40 неудачных беременностей. На смертность влияли, прежде всего, болезни, особенно инфекционные. Они являлись причиной не менее чем половины всех смертей, в первую очередь детских. Смертность же от несчастных случаев (сгорел, утонул, ис-

¹ См. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. – Мн., 2004. – С. 125.

² Там же. – С. 130-131.

кусан собакой, надорвался) была минимальной. Огромной была детская и юношеская смертность, уносившая более 52% родившихся. Так что среднее число выживших потомков составило 2,3.

Внебрачных беременностей во второй половине XVIII в. известно немного, но в XIX в. их число резко возросло. Часто они отмечены у солдаток, чьих мужей забирали в рекруты. При этом выживаемость внебрачных детей была очень низкой.

К середине XIX в. на территории Беларуси сохранялось преобладание больших, неразделенных семей: в их состав которых входило несколько брачных пар, которые были связаны родственными отношениями и вели общее хозяйство. Таких исследователи насчитывают до 51,3%. Малых семей, состоявших из одной брачной пары (с детьми или без), было несколько меньше – 47,1%. Одиноких было ничтожно мало – 1,6%.

В большой семье статус женщин сильно различался. Все подчинялись главе семьи, женщины – жене главы семьи и мужчинам, младшие по возрасту – старшим. Женщина стояла на заднем плане и должна была беспрекословно слушаться своего мужа. Этнограф П.В. Шейн отмечал, что «в семейной жизни... считают женщину ниже мужчины, даже если муж и убьет жену, то ответственности не несет...». Бесправное положение мужчины-крестьянина по отношению к представителям власти неминуемо отражалось и на внутрисемейных отношениях. Главу семьи можно было сравнить с монархом в его мини-государстве или с помещиком в вотчине. Он так же беспрекословно распоряжался семейной собственностью и жизнями своих домочадцев. Наиболее высоким среди женщин был статус жены главы семьи, так как ей подчинялись остальные женщины. Но одновременно она была в полной зависимости от своего мужа. Тяжелее всего приходилось жене младшего сына. Отношение мужа зависело от того, как невестку воспринимают старшие. Частенько случалось, что муж бил свою жену «через подстрекательство его матери». Большеей свободой пользовалась женщина в малой семье. Она подчинялась только мужу. Однако на ней одной лежали все многочисленные обязанности по хозяйству. Еще более тяжелой была участь крестьянок, мужья которых служили в армии, и вдов. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы со стороны женщин на родственников мужа, игнорирующих их имущественные и личностные права. На женщину в крестьянской среде смотрели исключительно как на рабочую силу. Так, например, в Минском, Речицком и Игуменском уездах Минской губернии в середине XIX в. предпочитались весенние и зимние свадьбы, «потому что к лету семья получает рабочую силу... Взяв молодуху осенью, ее нужно целую зиму бесполезно для семьи кормить. Оттого родители девушки дорожатся ими весной и охотнее отдают осенью, по окончании полевых работ» (С.А. Толмачева).

В крестьянской семье независимо от ее формы существования разделение на «женскую» и «мужскую» работу. Обязанности женщины заключались в том, что она готовила пищу, шила, стирала, убирала в доме, работала в огороде, помогала в поле и на сенокосе, то есть женщина занималась не только домашними делами, но и постоянно принимала участие в выполнении «мужской» работы. Одновременно мужчина считал оскорбительным для себя не только достать обед из печи, но и взять самому чистое белье из «кубла» (сундука). «Беременная женщина почти до последней минуты родов исполняет все тягостные обязанности не только хозяйки дома, но нередко и работницы...». Реально без женских рук мужчины не могли материально обеспечить семью.

Многие исследователи крестьянской жизни белорусов первой половины XIX в. указывали на широкие права в отношении девушек и женщин, которых присваивал себе помещик. Нередким было насилие со стороны владельца или, что еще чаще, его управляющего. Ходить же с подарком к помещику перед или после венчания, как отмечал Шейн, было принято везде. Вмешательство помещиков в брачные дела «своих» крестьян и присвоение ими весьма широких «обычных» прав в области семейных отношений были крайне развиты при существовании крепостной зависимости. Помещик по достижении молодыми людьми известного возраста то соединял пары по своему усмотрению, то предоставлял это крестьянскому сходу. Так было до самого освобождения.

В пореформенный период по мере экономического расслоения крестьянства людность крестьянской семьи уменьшалась. Одной из важных причин этого являлись семейные разделы. Они были обусловлены не только заменой натурального хозяйства товарным, расширением сферы внехозяйственных доходов крестьянства, количественным ростом крестьянского населения, но и ослаблением патриархальной власти главы семьи, опорой которой до 1861 г. служила неограниченная власть помещика над крепостными крестьянами. И уже в конце XIX в. отмечен постепенный рост возраста вступления в брак для девушек: с 15–16 до 17–19 лет.

После отмены крепостного права статус женщины-крестьянки постепенно повышался. Этому способствовало отходничество, которое повышало самостоятельность женщины, укрепляло ее уверенность в собственных силах. Кроме того, женщины продавали продукты своего труда. М. В. Довнар-Запольский отмечал: «Вообще положение женщины в белорусской семье [в пореформенное время] не может быть названо угнетенным. В хозяйстве она является помощницей своего мужа, а сфера домоводства принадлежит ей целиком... Наконец, женщина в белорусской семье обладает своим, отдельным от семейного, имуществом».

И гражданское право постепенно вставало на защиту женщин. Так, в Минской губернии уже в 1861 г. были освобождены от телесных наказаний женщины «из числа крестьянок и дворовых женского пола, вышедших из крепостной зависимости... достигшие 50-летнего возраста, получившие образование в учебных заведениях; занимающие должности повивальных бабок, смотрительниц больниц, сельских училищ и школ, принадлежащие к семействам

изъятых от телесного наказания должностных лиц волостного и сельского управлений». Это было одно из первых подобных решений в Российской империи, хотя на бытовом уровне женщины все так же терпели побои и унижения (С.А. Толмачева). Так в патриархальный мир белорусского крестьянства на волне социально-политических изменений начинали проникать веяния, подготавливавшие постепенное изменение традиционной брачной модели.

Восток, не испытывавший динамичной ломки традиционного общества, не изведдал в Новое время и вышерассмотренных изменений семейных отношений.

Итоги демографического развития в Новое время

Вышеизложенное свидетельствует, что демографические процессы в рассматриваемое время характеризуются все большими различиями между Западной Европой, близкой ей по уровню развития Северной Америкой и остальным миром, в котором сохра-

нялись традиционная модель демографического поведения, традиционный тип брачности и, следовательно, традиционный тип воспроизводства, при котором высокая смертность, в том числе детская, компенсировалась высокой рождаемостью. Ранние браки позволяли использовать практически весь женский репродуктивный период. Планирование семьи вводилось лишь в условиях малоземелья и действовало вопреки традициям через государственные указы. Такой тип брачности и демографического поведения предполагал полное отсутствие представлений о правах и интересах личности, особенно женщин. Нарушения норм жестоко карались. При этом традиционный тип не всегда был ориентирован на быстрый рост народонаселения. Например, в Индии, при большой плотности населения запрещалось вступать в брак вдовам, для супругов предписывалось воздержание.

В Западной Европе новый тип брачности и вообще демографического поведения формировался в следующих демографических условиях:

1. Интенсивный рост населения не столько из-за роста рождаемости, сколько из-за сокращения смертности.
2. Падение смертности как медленный процесс.
3. Не столько меньше умирало, сколько больше стали жить.

В Европе к XVII в. смертность была, в основном, столь же высокой, а средняя продолжительность жизни – столь же низкой,

сколь и в Древнем Риме или даже Древнем Египте. Но затем начинается демографический переход, от социальной верхушки постепенно распространявшийся на все слои населения. Причем начался он с уменьшения смертности, затем – рождаемости. И к концу XVIII – середине XIX в. с Западной Европы распространяется современный тип воспроизводства населения. Во Франции это происходило наиболее ярко из-за совпадения двух фаз: снижения смертности и рождаемости примерно в одно время. В других странах Северной и Западной Европы рождаемость снижалась медленнее. Отсюда – более растянутый процесс (В Англии население в XIX в. выросло на 340%, притом при массовой эмиграции, а во Франции – лишь на 40%).

Социальные условия формирования европейского типа брачности возникли еще в условиях западноевропейского феодализма, когда развитие отношений привело к заинтересованности населения в увеличении своего жизненного уровня за счет роста производительности труда и предпринимательства. Образовавшееся избыточное сельское население переливалось в другие отрасли экономики. Но эти тенденции получили возможность более полной реализации только после успешных буржуазных преобразований, снявших препону перед личной инициативой. В итоге начались рассмотренные выше демографические изменения. При этом были важны не только социально-экономические перемены, не только то, что промышленное развитие постепенно устранило угрозу голода. Новая идеология раскрепостила личность, избавила ее от необходимости обязательно подчиняться традиционным стереотипам поведения. Новые условия жизни стимулировали и повышение образовательного уровня. В итоге появились возможности индивидуального планирования семьи, включение в круг семейных ценностей общекультурных и образовательных целей. Так с победой капитализма закладывались традиции современной (рациональной) семейной и демографической модели.

Глава VI

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

**Общие
статистические
данные
о народонаселении
в XX в.**

Доминантой современных демографических процессов является распространение европейского типа брачности на востоке Европы, в Азии, Африке, Латинской Америке. То есть этот тип семейных и вообще демографических отношений, тип воспроизводства напрямую связан с западной эконо-

номической моделью, индустриальным, урбанистическим обществом. Потому этот тип демографического поведения часто называют современным в противоположность традиционному.

Общая динамика развития народонаселения в XX в. выглядит следующим образом (в млн человек и % прироста)

Регионы	Территория СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Северная Америка	Южная Америка	Австралия и Океания	Весь мир
Годы								
1900	130	295	950	130	81	64	6	1656
1910	154 (1,7)*	344 (1,5)	940 (-0,2)	130	101 (2,3)	79 (2,3)	7 (1,5)	1755 (0,6)
1920	158 (0,3)	329 (-0,4)	966 (0,3)	141 (0,8)	117 (1,4)	91 (1,4)	9 (1,4)	1811 (0,3)
1930	179 (1,25)	355 (0,3)	1120 (1,5)	164 (1,5)	135 (1,4)	107 (1,6)	10 (1,0)	2070 (0,35)
1940	195 (0,9)	380 (0,7)	1244 (1,6)	191 (1,5)	146 (0,8)	128 (1,8)	11 (1,0)	2295 (1,05)

*Процент прироста

Регионы	Территория СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Северная Америка	Южная Америка	Австралия и Океания	Весь мир
Годы								
1950	180 (0,8)	382 (0,3)	1368 (0,9)	219 (1,4)	166 (1,3)	164 (2,5)	12 (1,4)	2501 (0,85)
1960	214 (1,75)	425 (0,8)	1644 (1,8)	273 (2,2)	199 (1,8)	215 (2,75)	16 (2,3)	2986 (1,8)
1970	243 (1,3)	459 (0,8)	2028 (2,1)	352 (2,6)	226 (1,3)	283 (2,8)	19 (2,0)	3610 (1,9)
1980	260 (0,9)	480 (0,6)	2323 (1,9)	425 (2,7)	242 (0,8)	338 (2,4)	23 (1,8)	4085 (1,75)
2000	**	679 (0,5)	3211 (1,5)	1098 (2,7)	290 (0,8)	576 (1,8)	30 (1,3)	6100 (1,47)
**Россия – 146 млн, Беларусь – 9,99 млн								
Показательно изменение доли отдельных регионов в общем населении Земли (в %)								
1900	7,9	17,8	57,3	7,8	4,9	3,9	0,4	100
1950	7,2	15,7	54,7	8,7	6,6	6,6	0,5	100
1977	6,4	11,7	56,9	10,4	5,9	8,2	0,5	100

Прежде всего, бросается в глаза нарастание прироста численности населения, неизвестное в прошлом и едва ли ожидающееся в будущем. Бурный рост населения стал фиксироваться в 50-е гг., и в первой половине 60-х гг. он достиг максимума, а затем стал снижаться. По мнению экспертов, тенденция к снижению темпов роста населения сохранится и в будущем его численность стабилизируется на уровне 11–12 млрд человек.

В начале октября 1999 г. родился 6-миллиардный житель Земли¹. Население увеличилось на 1 млрд с 1987 г. и в 2 раза – с 1960 г. То есть за XX в. население Земли дважды удвоилось! К 2010 г., по прогнозу ООН, на Земле будет проживать 8 млрд человек, к 2050 г. – 9,3 млрд. Рост населения прогнозируется в Африке, Китае, США, Индии (в августе 1999 г. в Индии уже насчитывался 1 млрд). В Европе ожидается снижение численности коренных жителей.

¹ С учетом политических реалий того времени, принято считать таковым мальчика, родившегося в Сараево в ночь с 11 на 12 октября.

В России по переписи 1989 г. население составляло 147 млн человек, по переписи 2002 г. – 145 млн человек. За почти 14 лет между переписями население России сократилось на 1840 тыс. человек, или на 1,3%. При этом за время между последними переписями родилось 20,5 млн и умерло 27,9 млн человек. Естественная убыль ее населения составила, следовательно, 7,4 млн. Однако она была на 3/4 компенсирована чистым миграционным притоком. С 1992 по 2003 гг. в Россию переселилось 3,538 млн человек, в подавляющем большинстве из бывших советских республик Средней Азии и с Кавказа. Но если в 1994 г. приток мигрантов в Россию составил 810 тыс. (максимальная цифра за постсоветскую историю), то в 2003 г. – лишь 35 тыс. Если сохранятся нынешние тенденции, в 2050 г. ожидается снижение населения, по российским данным – в полтора-два раза, от 75 до 122 млн жителей, по прогнозам ООН, от 96 до 137 млн.

В Беларуси в 1994 г. проживало 10,243 млн человек, в 2001 г. осталось 9,99 млн, в 2004 г. – 9,951 млн, на 1 января 2005 г. – 9,8 млн человек. При сохранении таких темпов к середине XXI в. в стране прогнозируется 8,3 млн жителей. Причин такой ситуации много, и о них пойдет речь далее. Чтобы компетентно разобраться в обстановке, рассмотрим общую демографическую ситуацию на Земле.

Среднегодовые темпы роста населения мира (расчет ООН 1982 г.)

В разных регионах мира, как видно, темпы роста населения были различными. В экономически развитых странах среднегодовой показатель роста составлял 0,64% (самый низкий – в Западной Европе – 0,33%). В странах так называемого «третьего мира» он был более чем в 3 раза выше: в среднем – 2,02% (самый высокий – в Африке – 3,01%).

Особых комментариев требуют данные по СССР. Людские потери от Первой мировой и Гражданской войн составили 20 млн. человек. К этой цифре следует добавить около 3 млн. человек (причем наиболее образованных), бежавших из России за годы Гражданской войны. Затем начался компенсаторный рост рождаемости, достигший почти довоенного уровня (45,5%) к 1926 г. – 44,7%, он таковым оставался до 1928 г., затем стал снижаться, и эта тенденция сохранилась до сего времени. Но дальнейшая статистика, как известно, стала весьма лукавой, скрывала человеческие потери годов коллективизации и репрессий. Тех, кто проводил перепись спустя 10 лет, в 1937 г., и показал отставание прироста населения по сравнению с прогнозными (что шло вразрез с пропагандой успехов социалистического строительства), признали вредителями и казнили, а результаты переписи, назвав ошибочными, аннулировали и засекретили.

Вина статистиков была в том, что они вышли на реальные цифры. На 1937 г., конец второй пятилетки, планировалось, что в стране будет проживать 180,7 млн человек. Перепись дала 162 млн. Могло ли быть иначе, если голод 1933 г. и коллективизация забрали около 8 миллионов, плюс разгул репрессий? Лопнул и миф о всеобщей грамотности: четвертая часть опрошенных не умела читать, треть женщин – даже по слогам, а подписываться и вовсе не могли. В стране воинствующего атеизма среди людей старше 16 лет оказалось 56,7% верующих.

Новую перепись провели в 1939 г. Поскольку примитивная подстановка цифр не годилась, ее итоги сфальсифицировали ТОНЬШЕ. Значительную часть контрольных бланков, которые заводились на временно отсутствующих граждан, включили в переписные листы дважды. Приказано было обшарить все чердаки и подвалы в поисках уклонившихся. И и особая статья – заключенные НКВД, контингент «В». Их переписные листы «в обезличенном виде» то есть без имен, смешивали с остальными, принадлежавшими «свободным» гражданам. А поскольку объемы «В» резко увеличивали численность людей в малонаселенных северных и сибирских областях и могли, как сказано в секретной инструкции, «внести путаницу в планирование народного хозяйства», эти листы перераспределяли между другими территориями. Тем не менее всего «наскребли» только 170,7 млн.

Грамотность разделили на «читает» и «пишет». Неграмотным считали лишь того, кто не умел ни того, ни другого. Медленно читающий считался грамотным. Может подписаться – тоже грамотный. Религию из опроса вообще исключили.

Впрочем, на заметное снижение прироста населения в Советском Союзе в 30-е гг. повлияли и быстрая урбанизация, и

индустриализация с переходом на современный или европейский демографический тип воспроизводства и брака. Но насколько на эти в общем-то естественные процессы повлияли репрессии 30 – начала 50-х гг.?... Современные исследования свидетельствуют примерно о 3 млн жертв коллективизации и голода 1932 – 1933 гг. Массы людей были депортированы и частично погибли. Оставшимся, естественно, было не до забот о рождении детей (из Беларуси только в 1937 г. было депортировано до 10% населения, а всего число репрессированных оценивают в количестве от 600 тыс. до 1,5 млн). Все это, помимо прямых жертв, вело к существенному сокращению деторождения.

Далее – потери Великой Отечественной войны. Сначала И. Сталин директивно установил цифру в 7 млн погибших, при Н.С. Хрущеве остановились на «более 20 млн». Эта цифра была ближе к реальности, но насколько? Окончательно прояснить его постаралась комиссия ведущих демографов в начале 1990-х гг. Ее выводы дали величину почти в 27 млн. Потери вооруженных сил СССР составили 8,668 млн человек. Остальные (примерно 18,330 млн) – мирные жители. Из них около 8,5 млн погибло на оккупированных и прифронтовых территориях, 2 млн – на принудительных работах в Германии (из 4,5 млн угнанных). 7,5 млн было уничтожено гитлеровцами в ходе репрессий (расстрелы, концлагеря, гетто, тюрьмы). Но окончательны ли эти данные? Примечательно, что практически к тому же результату пришел еще в 1948 г. американский демограф русского происхождения Н.С. Тимашев: в его расчетах получилось 26,4 млн человек¹.

Ведь пишут и о 40 млн потерь.

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ПО РАЗЛИЧНЫМ ОЦЕНКАМ (в млн человек)

Авторы	Годы подсчетов	Все	Военные
Б. Урланис*	1972	20	10
С. Максудов*	1977 и 1998	24,5-25	9,5
Р. Сивард*	1991	17	8,5
Ж. Дельма*	1994	26	8,6
Б. Соколов**	2000	43,4	26,4

Источники:

*Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования РАН, март 1995 г. № 5.

**Б. Соколов. Неизвестный Жуков. – М., 2000.

¹ См.: **Переведенцев В.** Секретное оружие Госплана // Новое время. – 2005. – № 19.

Причина такой разбежки данных – в методиках подсчета. Можно считать по документам Министерства обороны. В них есть карточки личного учета, собирались донесения из воинских частей. Но ведь донесения о потерях были неточными, особенно при отступлении, кто-то оставался неучтенным (попадал в плен, оставался на оккупированной территории, попадал в другие части или госпитали, а о чьей гибели некоторое время вообще не сообщали, чтобы сохранить получаемые пайки...). Потом все это суммировалось в донесениях. Поэтому исследователи вносят различные поправочные коэффициенты, проводят локальные исследования по отдельным соединениям, затем экстраполируют полученные сведения...

Но ведь были еще и косвенные потери: умершие от ухудшения условий жизни, плохого медобслуживания, нервных стрессов, снижение рождаемости (на 30–50% от довоенного уровня – более 10 млн неродившихся) – всего 22–23 млн человек. Эти потери в советской демографической статистике обычно не учитывались. Однако современные демографические методики требуют такого учета. К тому же, как признают и сами демографы, точное число жителей СССР перед войной также неизвестно, особенно с учетом присоединенных в 1939 – 1940-е гг. западных территорий! Вот и получается, что совокупные (общие) прямые и косвенные потери населения СССР в Великой Отечественной войне составили не менее 48–50 млн человек! А если учесть, что в 40-е гг. в возраст наивысшей рождаемости входило самое многолюдное в истории страны поколение 1920-х гг., то к середине 1950-х население СССР должно было бы составлять не тогдашние 195 млн человек, а более 250 млн. То есть реальные потери находятся, скорее всего, в вилке от 50 до 60 млн вдвое выше прямых военных¹.

Показательно, что известный современный российский демограф академик Ю. Поляков заявил перед годовщиной 60-летия победы над Германией, что точная цифра потерь Советского Союза в той войне не будет установлена никогда². Так или иначе, известная довоенная численность населения в СССР была восстановлена только в середине 50-х гг., а в Беларуси – лишь в 70-е гг. Вспомним, что в Беларуси прямые потери в войне составили 2,2 млн человек, выше (относительно общей численности населения) они были только в Югославии.

После Второй мировой войны во всех воевавших странах отмечен «компенсаторный» всплеск рождаемости. Но в СССР он был значительно ниже, чем в остальной Европе из-за огромной убыли мужского населения. Еще к концу 50-х гг. количество женщин в стране почти на 40% превышало число мужчин (на 1000 женщин 35–49 лет приходилось в разные годы 623–641 мужчин).

¹ См.: **Переведенцев В.** Секретное оружие Госплана // Новое время. – 2005. – № 19.

² Известия, 6 мая 2005 г.

Следующим резким спадом естественного прироста стала вторая половина 60-х гг., когда он упал на 35%. В итоге достигнутый к 70-м гг. коэффициент рождаемости вышел на современный уровень. При отсутствии резких политических потрясений в то время именно 60 – 70-е гг., таким образом, можно считать временем массового распространения европейской модели демографического поведения на большей части территории СССР. Этому способствовала тогдашняя государственная политика, вызванная тем, что в те годы в рабочий возраст вступало меньше молодежи, чем выбывало труженников на покой и умирало людей, не доживших до пенсии (в тогдашней прессе это явление называли «эхом войны»). Нехватка рабочей силы потребовала массового перемещения сельской молодежи в города, в промышленное производство. Колхозникам предоставили свободу передвижения, постепенно наделяя их нормальными гражданскими паспортами вместо прежних справок.

Так в СССР возникла новая волна урбанизации и численность городского населения начала приближаться к сокращавшемуся сельскому, а затем и превысила его. Но городское население страны к этому времени **уже** воспроизводилось по европейским демографическим стандартам, то есть «не воспроизводило себя». Рост населения в Советском Союзе сохранялся лишь за счет сельских жителей³. Стремительное его сокращение и привело к общему падению рождаемости и современному общему уменьшению численности населения, впервые отмеченному в России и других европейских постсоветских государствах с 1992 г. Так завершился цикл перехода восточноевропейских народов на современную модель воспроизводства. Совпадение этих процессов с распадом СССР и последовавшими вслед за этим проблемами обострило ситуацию, но не стало, как видно, ее причиной. Скорее наоборот, демографические процессы, сокращавшие трудовые ресурсы и ослаблявшие семейные узы (о чем – далее), а, следовательно, и общественную мораль, легли в копилку причин, повлекших за собой кризис советского общества, советской экономической и политической системы.

На демографической ситуации в зарубежной Европе существенно отразились потери Первой мировой войны. Вторая мировая повлияла даже не столь катастрофично (см. график на С. 132). В межвоенные и послевоенные годы прирост был минимальным, что, пока не привыкли, порождало драматические комментарии.

³ В деревне в те годы на женщину приходилось на одного ребенка больше, чем в городе [Переведенцев В. Куда несет нас рок событий // Новое время. – 2004. – № 43].

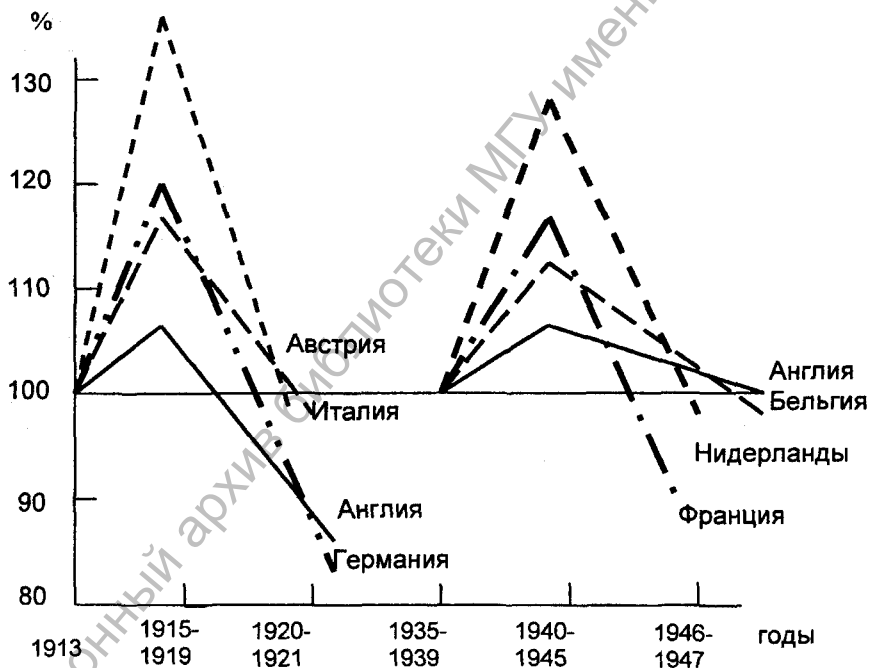
Так, во Франции на каждую женщину в 80-е гг. приходилось только 1,3 ребенка, что прогнозируют, приведет к сокращению там населения с 61 до 27 млн к 2050 г. В Германии в 1965 г. на 1 женщину приходилось 2,5 ребенка, в 1975 г. – 1,5, в 2000 г. – 1,4. При прогнозируемом среднем увеличении продолжительности жизни к 2050 г. до 80,5 года у мужчин и 84,5 года у женщин вместо современных 82,2 млн человек (на 2000 г.) в Германии останется около 70 млн. Близкая ситуация и в других странах Западной Европы. С 1981 г. отмечен отрицательный прирост населения (снижение общей численности) в Венгрии, Дании, Австрии, с 1989 г. – в обеих Германиях, с 1990 г. – в Болгарии. Отсюда прогноз демографического развития – застой и старение. А ведь численное увеличение стариков из-за роста продолжительности жизни и уменьшения рождаемости приводит к значительной нагрузке на молодежь и людей среднего возраста, то есть на основную массу работающих. Существующая ныне в Западной Европе система социального обеспечения хорошо действует при соотношении 5 работающих на 1 пенсионера и обрушится при грядущем изменении этого соотношения в пользу пенсионеров.

В последнее время к этим проблемам подошла и Северная Америка. Очевидно, социальные выплаты можно будет обеспечить только за счет повышения производительности труда, развития новых технологий. Но 90-е гг. показали, что и здесь существуют определенные пределы – экологические возможности природы, ибо новейшие технологии уже превысили способность окружающей среды к «перевариванию» техногенных отходов современной цивилизации. Оптимистические прогнозы теперь ориентируются только на науку. На рубеже нового тысячелетия стали обращать усиленное внимание и на возможности миграций: в богатых, но проблемных в плане демографического развития странах теперь работает много миллионов выходцев из других регионов, особенно из Азии. Но здесь возникает проблема социальной и культурной адаптации мигрантов...

Не меньше сложностей и в тех регионах и странах, где с соотношением возрастных групп и ростом населения пока все в порядке. Ведь именно рост населения и создал там демографические, продовольственные и социальные проблемы. Азия после катастрофических эпидемий и продовольственных кризисов начала XX в. переживает постепенное падение смертности, что особенно проявилось в 60 – 70-е гг. в условиях обретения стабильности многими новыми независимыми государствами. Темпы годового прироста населения к этому времени удвоились и превысили 2%. Это был азиатский демографический бум 70-х гг.

В большинстве азиатских стран и теперь естественный прирост превышает 2% в год, а у арабов он более 3%. В Саудовской Аравии, например, за время «невероятного бума» второй половины XX в., связанного с «золотым дождем нефтедолларов», население выросло с 7 до 19 млн человек. Но все имеет свой предел, и теперь доходы снизились в обратном порядке – с 19 до 7 млн в год на одного человека. Саудовские власти оказались перед угрозой обнищания своих подданных, ибо миллионам саудовцев просто нечем заняться в своей стране, так как вместо индустриализации и общекультурного развития растущее население просто проело огромные доходы.

Более низкий прирост населения происходил на Дальнем Востоке – в Японии (не более 1% в год). В Китае в последние десятилетия вследствие активной демографической политики (под лозунгом «Одна семья – один ребенок») прирост резко снижен. Менее успешно процесс снижения рождаемости осуществляется в Индии.

Потери отдельных стран Западной Европы в Первой и Второй мировых войнах

По нарастающей идет прирост населения в Африке. В 1999 г. там уже проживал 1 млрд. До стабилизации темпов прироста, не говоря уже о его снижении, там еще далеко, что при крайне низ-

ком экономическом и культурном уровне порождает состояние перманентного кризиса из-за нехватки, прежде всего, продовольствия. Традиционный же способ естественной регуляции численности населения за счет роста смертности (особенно детской) цивилизованное мировое сообщество старается не допускать.

Показатели по Северной Америке некорректны из-за продолжающейся массовой иммиграции. Только за 1900 – 1930 гг. в США прибыло 18,6 млн человек. То же отчасти относится и к Латинской Америке. В результате резкого снижения смертности в 50-е гг. Латинская Америка вышла на первое место в мире по приросту населения. Но в 70-е гг. началось падение рождаемости, что снизило темпы прироста, то есть начался массовый переход к европейскому типу демографического поведения.

В целом максимальный рост населения за всю историю человечества – это «демографический взрыв» 50 – 60-х гг. Затем началось снижение и, вероятно, выравнивание демографических процессов. Наивысшего пика роста населения в XX в. первоначально достигла Латинская Америка как экономически более развитая по сравнению с Африкой и большинством стран Азии. Затем пик роста был достигнут в Азии, Африке, где и теперь сохраняются резервы для снижения смертности. Значит, там еще есть условия для высоких темпов роста населения. Развитые же страны переходят к простому воспроизводству населения, что ведет к стабилизации его численности. Об этом свидетельствует то, что низшую границу прироста населения (15 рождений на 1000 человек) уже перешагнули или приблизились к ним Западная Европа, США и Канада.

Рассмотренные процессы отразились и на быстром росте **продолжительности жизни**. В Англии, например, в 1908 г. длительность жизни составляла 50 лет, в 1935 г. – уже 60 лет, в 70-е гг. – 70 лет. Теперь наивысшая средняя продолжительность жизни регистрируется в Швейцарии (75 лет) и в Японии (76 лет). В целом по Западной Европе и США ситуация такова:

1900 г. – 50,5 года	1910 г. – 54,3 года	1950 г. – 69,8 года	1997 г. – 75,5 года
1900 г. – 50,5 года	1930 г. – 61,7 года	1960 г. – 72,0 года	
1920 г. – 58,3 года	1940 г. – 64,6 года	1965 г. – 72,3 года	

Данные о продолжительности жизни на территории СССР.

годы	муж.	жен.	в среднем
1938 – 1939	44 года	50 лет	47 лет
1955 – 1956	63 года	69 лет	67 лет
1970 – 1977	64 года	74 года	70 лет
1984 – 1986	63 года	73 года	68 лет
1997	58 лет	72 года	65 (данные по России)
2003	59 лет	72 года	67 (данные по России)

Данные для Беларуси на 2003 г.: продолжительность жизни мужчин – 62, женщин – 74, в среднем – 68.

Данные по отдельным странам Африки (обобщенных сведений нет из-за отсутствия статистики по многим регионам).

Египет

1936 – 1938 гг. – 35,6 года

1960 – 52,7 года, в том числе мужчин – 51,6 года, женщин – 53,8 года.

1960 – 1961 гг. – 37 лет (Габон), 49,6 года (Марокко).

Данные по Азии.

Годы	Индия	Шри-Ланка	Малайзия
1941 – 1950	32,4 года		
1955 – 1958	45,9 года (городские жители)	55 – 59 лет	49,6 года

Из приведенных данных, естественно, бросается в глаза обратная общемировой тенденция снижения длительности жизни в СССР, зафиксированная уже с начала 80-х гг. Социально-экономический кризис в странах постсоветского пространства 90-х гг. ощутил у нас едва ли не каждый, и его влияние на демографические процессы понятно без комментариев. А вот сокращение продолжительности жизни в тогда еще едином Советском Союзе в 80-е гг. демонстрирует истоки кризиса конца XX в.

Демографическая статистика бесстрастно отражает падение жизненного уровня именно с того времени, что, естественно, породилось проявившимся уже в 80-х гг. экономическим кризисом. Таким образом, бурные события и катаклизмы, начавшиеся на территории СССР в 90-е гг. возникли не спонтанно или по чьей-то злой воле, а вызревали постепенно в недрах советского общества. Впрочем, это наблюдение уже выходит за рамки чисто демографических проблем, но демонстрирует значение демографических данных для изучения широкого спектра общественных явлений.

Среди демографических факторов современности еще более, чем в прошлом, играют роль **миграции**. Наибольшее количество эмигрантов, особенно в первой половине XX в., приходилось на Великобританию (впрочем, как и в XIX в.). Но теперь больше выезжало не в США, а в бывшие британские колонии: за 1913 – 1935 гг. в Канаду выехало 36,2%, в США – 24,1%, в Австралию – 21,6%, Британскую Южную Африку – 5,3%, в Индию и на Цейлон – 5%, в прочие британские колонии – 3,9%, в другие страны – 3,9%. Из Германии стали меньше выезжать в США, но в первой половине XX в. резко возрос выезд в Бразилию. Из Италии продолжали более всего выезжать в США, менее – в Латинскую Америку и Африку. Из Скандинавии в основном выезжали в Северную Америку. Особое место в эмиграции до 1940 г. занимали Балканы, откуда ежегодно выезжало до 30–40 тыс. человек, но, в значительной степени – в соседние европейские страны. Это, в основном, была сезонная миграция (на заработки). Кроме того, много православных греков и болгар переселилось на Балканы из Малой Азии, а мусульмане – из Европы в Азию. Всего из Европы за первые 40 лет XX в. выехало около 30 млн человек.

После Второй мировой войны миграция европейцев за океан уменьшилась и составляет в среднем 0,5 млн в год (с 1946 по 1959 г. – 7,5 млн). В 60-е гг. и этот поток стал сокращаться. Но усилилась внутриконтинентальная миграция, дополненная потоками в Европу из стран Азии и Африки, что составляет важнейшее изменение в международной миграции вообще и отражает, очевидно, расширение территории с высоким и стабильным жизненным уровнем за счет многих европейских стран.

До 60-х гг. Азия и особенно Африка принимали европейцев. В Африке их накопилось до 6 млн. Много выезжало в соседние страны индейцев и китайцев. Но добротной статистики этого процесса нет. Выезд в более бедные страны был связан, очевидно, с избытком работоспособного населения как в европейских метрополиях афро-азиатских колоний, так в Индии и Китае.

С 60-х гг., как отмечалось, миграционные потоки кардинально изменились. Отъезд из тогдашней капиталистической Европы практически прекратился и сменился встречным потоком из Северной Африки, Турции, Кипра, бывших колоний. В более развитые европейские страны активно выезжали также из Италии, Испании, Португалии, Греции, Югославии. Эти процессы отразили известный рост уровня жизни в странах Северо-Западной

Европы. Общая численность иностранных рабочих, приехавших в эти страны после Второй мировой войны, составила 30 млн. Но так как значительная их часть после продолжительного пребывания все же возвращалась на родину, на 1974 г. в Западной Европе насчитывалось 11 млн иностранных рабочих. В 80 – 90-е гг. среди них в Западной Европе преобладали: в Англии и Франции – выходцы из бывших колоний этих стран, в Германии – турки и выходцы из Югославии, а затем и жители бывших социалистических стран. На 2001 г. в Германии отмечено 8,9 млн иностранцев, из них 2,8 млн российских немцев. Нелишне заметить, что эти иммигранты находят себе применение, ибо при безработице в 5,1 млн (на 2005 г.) немцы согласны выполнять далеко не все работы, необходимые для функционирования общества.

Если миграция в Европе носила и носит преимущественно экономический характер, в Азии и Африке она вызывалась политическими проблемами или голодом, то есть была представлена беженцами. Это и палестинцы после арабо-израильской войны 1947 г. (700 тыс.), и 7 млн беженцев, бросивших родные места после выхода Пакистана из состава Индии. В 1971 г., после отделения Восточного Пакистана (современная Бангладеш), свыше 10 млн западных бенгальцев оказалось в соседних индийских штатах (основная их масса была позднее репатриирована).

Миграция служит основным фактором роста числа жителей в некоторых районах Азии с относительно незначительным коренным населением. Так, более половины из 3 млн жителей Гонконга родилось за его пределами. В Кувейте в 1965 г. коренное население составляло лишь 35% всех жителей. Можно отметить и активный миграционный поток из Японии в Бразилию. С конца 60-х гг., после отмены миграционных ограничений, усилился выезд из азиатских стран в США и Канаду. Причем в этом случае в отличие от традиционной миграции не очень квалифицированной рабочей силы среди переселенцев все чаще оказывалась интеллектуальная элита стран «третьего мира», что привело к явлению, известному как «утечка мозгов». В конце XX в. с такой проблемой столкнулись и восточноевропейские страны.

В последние десятилетия миграционные процессы уже не влияют катастрофически на количество населения отдельных стран. Тем более что наиболее благополучные государства начинают вводить иммиграционные квоты (в середине 90-х гг. к этому пришла и главная страна эмигрантов – США). Но в недавнем прошлом эмиграция опустошала целые страны. Классический пример – Ирландия. Со второй половины XIX в. из нее выехало более половины жителей, и сейчас там осталось только 3,1 млн,

что, кстати, позволяет ей поддерживать достаточно высокий жизненный уровень при весьма ограниченных ресурсах.

Но миграция не только вызывается внешними к демографии (экономическими, политическими, экологическими, этническими) причинами. Миграция и сама может оказывать на них влияние. Для примера обратимся к бывшему СССР. За всю его историю было много переселенческих потоков. В основном они были направлены в Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, несколько менее – в Среднюю Азию, индустриальные районы Украины и Прибалтики. Население этих территорий росло, прежде всего, за счет жителей земледельческих областей Центральной России, отчасти за счет белорусского и украинского крестьянства. За 1926 – 1939 гг. население Азиатской части СССР выросло на 25,9%, а Европейской – только на 13,8% (в этих данных едва ли учтены жители ГУЛАГА). На активном переселенческом движении довоенного времени сказались огромные различия в заселенности разных земель. Наивысшая плотность от наименьшей в 1926 г. отличалась в 126 раз, в 1939 г. – уже в 80 раз.

По послевоенной статистике мужчин и женщин в миграционных потоках на территории СССР было поровну (в 1968 – 1969 гг. 6,9 млн мужчин и 7 млн женщин). Но существовали региональные различия. Наибольший удельный вес мужской миграции приходился на Среднюю Азию, Казахстан, Азербайджан, то есть на области с традиционным избытком трудовых ресурсов. Такая миграция носила в основном временный характер. Заработав, молодежь возвращалась домой, обзаводилась семьями, и на их места отправлялись новые молодые. В последнее время при нарастании безработицы среди таких мигрантов все больше становится и отцов семейств, тем более не рассчитывающих (в основном) осесть на новых местах. Речь, безусловно, не идет о беженцах из «горячих точек». В Грузии соотношение полов среди мигрантов было одинаковым. Женщины преобладали среди мигрантов из России, Украины, Беларуси, Молдовы, Литвы, Эстонии, Армении и Киргизии.

При анализе миграции учитывается и устойчивость оседания переселенцев на новых местах. Меньше всего оседало мигрантов из Туркмении, Узбекистана, Киргизии (менее 50%).

Ближе к концу XX в. отмечен спад миграционной активности среди жителей Беларуси и Украины. А латыши и эстонцы вообще не были склонны уезжать со своей родины. И в целом, с 70-х гг. отмечено замедление миграционной активности на территории СССР. А уже с 60-х гг. отмечен отток населения из вос-

точных районов, даже в места с избытком трудовых ресурсов, из-за чего в 80-е гг. остро встал вопрос о новом заселении Дальнего Востока.

Нежелательные демографические тенденции в 70-е гг. регулировались типичными для того времени методами: ограничением свободы передвижения (закрытием для прописки почти всех городов на западе СССР), борьбой с «летунами», часто менявшими место работы и другими аналогичными методами, нарушавшими права граждан на свободу выбора места жительства. В этом – демографическое отражение того общественного кризиса 70 – 80-х гг., который мягко назывался «застой».

Среди итогов миграций в СССР следует, прежде всего, выделить «великое переселение народов» из деревень в города. С 1926 г. (первая полная перепись в СССР) по 1970 г. население городов выросло на 100 млн человек, и 57% этого прироста пришлось на миграцию из деревни. Затем эта волна стала постепенно спадать, что было связано с завершением бурной индустриализации большинства регионов страны. Позже всего это произошло в Беларуси, которая в 1970 г. обогнала Россию по темпам урбанизации (из каждой тысячи сельских жителей в города выбыло 26 человек). А самый низкий показатель тогда был в Туркмении (4 человека из тысячи).

Приведем сводные данные об урбанизации в Беларуси.

Городское население в 1913 г. составило 14% всех жителей,

в 1940 г.	–	21%,
в 1959 г.	–	31%,
в 1970 г.	–	43%,
в 1990 г.	–	66%,
в 1996 г.	–	68%,
в 2002 г.	–	70%,
в 2004 г.	–	72%.

В 2004 г. в белорусских городах проживало 7 млн 56 тыс., в деревнях – лишь 2 млн 744,1 тыс. человек.

Но при этом более половины населения нашей страны – горожане в первом поколении, еще не полностью адаптировавшиеся к городской культуре. Аналогичная ситуация – в России и Украине, что необходимо учитывать в социальной политике.

Все приведенные данные представляют интересную пищу для размышлений о том, как мы пришли к нашим нынешним проблемам. Но объективная оценка произошедшего теперь едва ли возможна – это дело будущего.

Рождаемость и смертность. Брачность

Как отмечалось, глобальный «демографический взрыв» 50 – 60-х гг. в решающей степени определялся повсеместным падением уровня смертности, что впервые на Земле произошло в столь массовом масштабе. Но и это явление не было однозначно прямолинейным. В определенное время, когда рост населения привел к значительному общему его старению, снижение смертности тоже замедляется, а порой и приостанавливается. То есть демографическим процессам присуща саморегуляция на каждом историческом этапе развития человечества. Эта саморегуляция не допускает крайностей как в росте, так и в падении численности населения, если, конечно, не вмешиваются внешние причины (войны, катастрофы).

Можно отметить, что коэффициент смертности в развитых и развивающихся странах теперь весьма близок: 9,6% в развитых и 11% – в развивающихся. Это в значительной мере объясняется различиями демографических структур в этих группах стран. В отличие от развитых в населении развивающихся стран большую долю составляют дети и молодые, что «амортизирует» показатель смертности, снижает его. Этим объясняется примерное равенство коэффициентов смертности в Азии (10,2%) и Европы (10,7%), еще ниже он в современной Латинской Америке (8,2%). Действительную оценку смертности дает показатель средней продолжительности жизни. В экономически развитых странах в 1980 – 1985 гг. он составлял 70,6 лет, в развивающихся – 56,6 года.

В СССР резкое снижение смертности наблюдалось в 50-е гг., когда коэффициент смертности снизился более чем в 1,5 раза (с 18% до 9,7%). Затем этот коэффициент стабилизировался на уровне, в 2–2,5 раза ниже довоенного.

Кстати, именно с позиций соотношения рождаемости и смертности становятся понятными основные составляющие «демографического взрыва» 50 – 60-х гг. Беспрецедентный рост населения был вызван тем, что в развивающихся странах был достигнут уровень смертности, присущий развитым государствам начала XX в., а рождаемость там осталась на европейском уровне XVII в. И это притом, что по производительности труда и доходу на душу населения, по урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота, по грамотности населения и вообще культурному уровню большинство народов в развивающихся странах живет (по европейским меркам) примерно в XIX в., если не в более раннее время.

Быстрое снижение смертности в XX в. благодаря прогрессу медицины и социальной гигиены привело к изменениям статистики причин смертности. Так, еще в 1926 г. в СССР преобладала смертность от туберкулеза, инфекционных, желудочно-кишечных заболеваний. И лишь 15–17% умирало от так называемых болезней пожилых: сердечно-сосудистых, рака и т.п. Уменьшение смертности и связанное с этим старение населения в странах современного демографического типа увеличивало смертность именно от сердечно-сосудистых болезней, свойственных людям пожилого возраста, а также профессиональных болезней и производственного травматизма.

В странах же «третьего мира» положение осталось прежним и даже обострилось. В ряде стран рост населения стал опережать рост производства продуктов питания. В итоге от голода в 60-е гг. страдало до 60% населения этих стран, что явилось причиной около половины всех смертей там. В 70 – 80-е гг. продовольственные проблемы стали решаться в ходе так называемой «зеленой революции», которая благодаря новым технологиям и агроприемам позволила резко поднять урожайность в этих странах. Но с начала 90-х гг. отмечено замедление роста урожайности, и она стала вновь отставать от роста населения. Как отмечал английский журнал «Экономист», «Мальтус смеется в своей могиле», ибо его предсказание о грядущем голоде из-за переизбытка людей и отставания сельскохозяйственного производства сбываются, что подчеркивают неомальтузианцы. Остается надеяться, что современная цивилизация преодолет и эту проблему. Но пока она существует. Тем более что успехи медицины в «третьем мире» уменьшили смертность, в первую очередь от карантинных болезней: чумы, холеры, оспы, тифа. И если в начале XX в. в Индии от чумы умирало ежегодно 400–500 тыс. человек, то в начале 60-х гг. во всем мире регистрировалось менее полутора тысяч случаев этой болезни.

Но борьба со смертью в этих странах наталкивается на живучесть многих традиций и предрассудков. Патриархальный консерватизм, слепое следование религиозным канонам, неверие в человеческие возможности и отсюда пассивность в борьбе со смертью, сохранение многих вредных для человека обычаев – все это свойственно странам с традиционным типом демографического поведения. Даже если где-то и соблюдали гигиенические нормы, то не потому, что знали об их пользе, а только из-за религиозных предписаний или обычаев. Размывание этих норм в урбанизированной среде части афро-азиатского общества

разрушало и гигиенические навыки, ибо нормы цивилизованного поведения еще не успевали прививаться.

В общем, современная структура причин смертности населения стран «третьего мира» многими чертами напоминает ту переходную структуру, которая была характерна для развитых европейских государств рубежа XIX – XX вв. Если в Англии и США из каждой тысячи новорожденных 700 и более имеют шансы умереть от сердечно-сосудистых заболеваний, то есть болезней пожилых, то в Таиланде таких набирается лишь 70. Соответственно увеличивается риск смерти от болезней, поражающих детей и молодежь. Например, из 112,2 тыс. людей, умерших в Мексике в 1970 г. от инфекционных и паразитарных болезней, 40,3% умерло в возрасте до 1 года, 29% – в возрасте от 1 до 4 лет и еще 12,8% – от 5 до 34 лет. То есть до 35 лет умерло 82,1% от всех умерших по названной причине. А из 69,5 тыс. умерших от сердечно-сосудистых заболеваний и рака в возрасте до 35 лет умерло лишь 12,7%.

В последние десятилетия, однако, порог смертности стал повышаться и в развивающихся странах. Но там данное явление – только начало перехода к современному типу смертности. В Индии, Индонезии, Бирме средняя продолжительность жизни составляет менее 50 лет, а в ряде стран Африки (Заир, Эфиопия, Нигерия) этот показатель еще не достиг и 40 лет.

Итак, за 150–200 лет смертность населения значительной части земного шара отступила на 35–40 лет (настолько повысилась средняя продолжительность жизни). Конечно, и сегодня даже в экономически развитых странах есть люди, умирающие от тех же причин, что и жители Древнего Египта, античные греки или римляне. И сегодня есть младенцы, живущие не более нескольких дней или часов. Но смертность как явление, присущее всему человечеству, сегодня уже не та. В результате резко возросшего контроля над враждебными здоровью и жизни человека факторами биологической и социальной среды подавляющее большинство людей стало умирать не от тех причин и не в том возрасте, как прежде. Средняя продолжительность жизни увеличилась более чем вдвое. Старый тип смертности повсеместно отступает. В Европе этот процесс, наряду со снижением рождаемости, привел, как отмечалось, к старению населения, что увеличивает и нагрузку на более молодых. Например, в Англии расходы на одного ребенка еще в начале 50-х гг. составили около 35 фунтов стерлингов в год, а на пожилого – около 70 фунтов. То есть старение населения требует определенной переориентации социальной сферы, что возможно лишь в экономически благополучном обществе.

Как уже отмечалось, старение населения связано и с сокращением **рождаемости**. В странах Западной Европы между двумя мировыми войнами коэффициент рождаемости неуклонно снижался.

Страна	1925 – 1929 гг.	1930 – 1934 гг.	1935 – 1939 гг.	1940 – 1941 гг.
Бельгия	13,9	17,6	15,5	13,8
Франция	13,5	17,2	15,1	14,7
Германия	19,1	16,3	19,4	17,4
Англия	17,6	15,8	15,9	15,9
Нидерланды	23,4	21,7	20,3	21,8
Италия	27,2	24,5	23,2	20,7

Показательно резкое падение рождаемости в ряде стран в период катастрофического кризиса 1929 – 1933 гг. Особенно оно было ощутимо в Германии, что характеризует драматизм эпохи прихода к власти Гитлера. Такая ситуация стимулировала активную демографическую политику, которая наиболее интенсивно велась в фашистских Германии и Италии из-за нацеленности на внешнюю агрессию, и отсюда – потребности в «пушечном мясе». В Италии эта политика заключалась в стимулировании браков и рождаемости, запрете аборт, ограничении выезда из страны. В Германии были не только запрещены аборты, но и продажа противозачаточных средств. Вступающим в брак давались займы. Женщинам ограничивали возможности для работы и учебы, ориентируя на выполнение только материнских функций. В годы войны в Германии пропагандировались и случайные половые связи, поощрялись внебрачные беременности, особенно от солдат-отпускников. В отличие от Италии, где подобная практика в целом закончилась провалом, в дисциплинированной Германии рождаемость несколько поднялась. Но решающую роль в этом, по-видимому, сыграли стабилизация после кризиса 1929 – 1933 гг. и перевод экономики на военные рельсы, что увеличивало число рабочих мест.

Кстати, одновременно с гитлеровской Германией и в СССР также были запрещены аборты. За 1936 – 1937 гг. за их осуществление было осуждено около 500 тыс. врачей и женщин.

После Второй мировой войны картина поначалу несколько изменилась. Произошел указанный выше компенсаторный рост рождаемости после военных потерь. Но уже с середины 50-х гг. наблюдается восстановление тенденции снижения рождаемости:

Страна	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1969 г.
Бельгия	16,9	16,8	16,9	16,4	14,6
Франция	20,6	18,5	17,9	17,6	16,7
Италия	19,6	18,0	18,3	19,2	17,6

Окончание табл.

Страна	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1969 г.
Нидерланды	22,7	21,3	20,8	19,9	19,2
ФРГ	16,5	16,0	17,8	17,9	15,0
Англия	16,3	15,5	17,5	18,3	16,6
Швеция	16,4	14,8	13,7	15,9	13,5

В середине 60-х гг. западноевропейский тип рождаемости докатился до тогдашних социалистических стран. При этом самая низкая рождаемость оказалась в Венгрии, где практически прекратился рост населения. Но в Юго-Восточной Европе все оставалось по-прежнему; наибольший прирост населения был отмечен в Румынии.

В США в целом при преобладании европейского типа брачности и рождаемости из-за пестроты этнического состава населения сохранился и традиционный тип (у негров, выходцев из Латинской Америки и стран «третьего мира»). Американским демографам удалось проследить конфессиональные различия в рождаемости. Женщины-католички в 40-е гг. имели в среднем 3,4 ребенка, протестантки – 2,9, что, очевидно, было связано с запретом в католичестве регулировать рождаемость, тогда как в протестантизме разрешается применение противозачаточных средств. Наименьшее число детей американцы отметили тогда в еврейских семьях – 2,4. В 60-е гг. американцы проследили связь рождаемости с образовательным уровнем. У белых женщин, не имевших образования, по сравнению с женщинами, завершившими 12-летнее школьное образование, количество детей было выше примерно в 2 раза (такое же, кстати, соотношение было зафиксировано и в Малайе). Сельские женщины в современных США рожают в 1,5 раза больше горожанок (в СССР в 1965 г. этот же показатель составил 1,3).

В СССР уровень рождаемости до начала 60-х гг. был довольно высоким, в среднем 25–26% (но ниже довоенного, доходившего до 37% в 1938 – 1939 гг.). Однако с 1963 г. он стал резко снижаться, особенно в западных областях, раньше воспринявших европейский тип брачности. При этом средний возраст вступления в брак за последние 100 лет почти не изменился: в 1897 г. он составлял 24,2 года для мужчин и 21,4 для женщин, в 1989 г. – 24,4 и 21,8 соответственно. То есть падение рождаемости произошло за счет уменьшения детности. В Восточной Прибалтике европейский тип брачности распространился еще в середине 30-х гг. Именно к этому времени рост коренного насе-

ления в тогдашних прибалтийских республиках практически прекратился, что стало одной из причин нынешнего отношения коренного населения стран Балтии к переселенцам.

После 1969 г. рождаемость по СССР в целом перестала падать и с тех пор почти не менялась. Лишь в 90-е гг. отмечен новый этап ее падения, вызванный, очевидно, и социально-экономическим кризисом.

Коэффициент рождаемости и смертности в СССР.

Годы	На 1000 человек		Умерло детей до 1 года на 1000 родившихся
	родилось	умерло	
1926	44,0	20,3	174
1928	44,0	23,3	182
1937	38,7	18,9	170
1939	36,5	17,3	167
1940	31,5	18,0	182
1950	26,7	9,7	81
1960	24,9	7,1	35
1970	17,4	8,2	25
1975	18,1	9,3	28
1980	18,3	10,3	?
1985	19,4	10,6	26

Динамика прироста населения в России:

1960 г. + 15,8% 1975 г. + 5,9% 1990 г. + 2,2% 1993 г. -5,1%
 1965 г. + 8,1% 1980 г. + 4,9% 1991 г. + 0,7% 1994 г. -6,2%
 1970 г. + 5,9% 1985 г. + 5,3% 1992 г. -1,5% 1995 г. -5,3%

И, наконец, в 1996 г. при 533,2 тыс. родившихся умерло 933,7 тыс. чел., а в 1997 г. при 533,1 тыс. родившихся умерло 881,1 тыс. чел.

В Беларуси аналогичная картина.

Годы	Родилось	Умерло	Прирост (уменьшение) населения
1990	142167	109582	+ 32585
1996	95798	133422	- 37624
1997	90229	137428	- 47199
2001	93141	134517	- 41376
2004	89249	140453	- 51204

Такая драматичная статистика объясняется, однако, не только существующим экономическим и социальным кризисом. В ней отразилось длительное нарастание изменений брачного поведения, что наглядно видно из динамики браков и разводов, показывавшей медленный, но неуклонный отход от традиционной модели семьи в Беларуси.

Годы	Кол-во браков	Кол-во разводов
	на 1000 человек	
1940	5,9	0,7
1950	6,9	0,2
1955	11,5	0,3
1960	11,0	0,7
1965	8,2	1,1
1970	9,3	1,9
1975	9,9	2,5
1980	10,1	3,2
1985	9,9	3,1
1990	9,7	3,4
1991	9,2	3,7
1992	7,7	3,9
1993	7,9	4,3
1994	7,3	4,3
1995	7,5	4,1

Такая же тенденция сохраняется и поныне. Ослабление семьи отмечается уже с 60-х гг. Соответственно, постепенно увеличивается количество матерей-одиночек (с 1970 г. в 1,8 раза в городе и в 2,2 раза в деревне). Уже с 70-х гг. начинается падение рождаемости в деревне, ибо в ней распространяются малые семьи: молодежь, поучившись в городе, приносит в деревню европейский тип брачности, и прирост населения в Беларуси стал осуществляться уже за счет городских жителей, а в деревне началась депопуляция. Если в целом по республике рождаемость снизилась в 2 раза, то в деревне – в 5 раз! То есть падение рождаемости назревало постепенно и было связано, прежде всего, с распространением европейского типа брачности, а экономическое неблагополучие лишь усугубило эту ситуацию. К тому же в начале 90-х гг. в брачный возраст вошли внуки рождавшихся в годы Великой Отечественной войны, когда, естественно, рождаемость снизилась. То есть ко всему добавился еще и очередной послевоенный демографический спад. В итоге, в 1993 г. смертность в Беларуси впервые превысила рождаемость.

Показательно, что когда в 70-е гг. при вышеотмеченном уменьшении трудовых ресурсов в СССР развернулась кампания по максимальному вовлечению населения в общественно-полезный труд, в том числе молодых матерей и вообще домохозяйек, демографы указывали на то, что это приведет к еще большему падению рождаемости в будущем. Но обычный ответ был: «А работать кто будет?!»¹. Потом, правда, началась более актив-

ная демографическая политика: увеличен оплачиваемый декретный отпуск с одного до трех лет, в условиях нехватки жилья стали строить малосемейки (общежития для молодых семей), но процесс уже пошел. Государственные программы могли его лишь смягчить, но вернуть население к расширенному воспроизводству уже было невозможно – очевидно, этот процесс необратим.

Кстати, проблемы драматического спада рождаемости свойственны и лидерам современного благополучия. Так, в Швеции в 1997 г. при 91 тыс. родившихся умерло 94 тыс. человек. Но средняя продолжительность жизни там намного выше, следовательно, рождаемость падает стремительнее, чем у нас. Как видно, демографическая тенденция имеет свою инерцию, не связанную с сиюминутными жизненными реалиями. Так, вызывая порой драматические коллизии, европейский тип брачности и рождаемости в течение 30 – 60-х гг. XX в. распространялся по всем индустриально развитым и близким к ним по уровню развития странам. При этом большинство западноевропейских стран догнали по основным показателям Францию, тогда как в начале XX в. отставали от нее лет на 100. Позднее всех развитых стран снижение рождаемости достигло Японию (из-за более поздней индустриализации и особенностей ментальности ее населения). Но в конце 40 – начале 50-х гг. и там наступил перелом – брачная рождаемость стала быстро снижаться, что наглядно видно из статистики изменения рождаемости на 1000 женщин (в возрасте 15–49 лет) в этой стране:

1906 – 1915 гг. – 223,4	1950 г. – 172,8
1916 – 1925 гг. – 237,5	1955 г. – 127,3
1926 – 1935 гг. – 197,8	1960 г. – 107,4

Однако при переходе к европейскому типу семьи отмечены и положительные демографические ситуации: пока поколение прежних, многодетных семей еще в расцвете сил, а детей у них

¹ Кстати, советская идеологическая система с ее приоритетом общественных ценностей над личными тоже способствовала постепенному ослаблению семейных интересов женщин. Ведь уже с 20-х гг. постоянно воспевались женщины-труженицы, передовицы производства, активистки-общественницы [См.: Карпова Г.Г., Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная идеология и социальная политика... // Женщины в истории. – Вып. 2. – Мн., 2002]. Приходится лишь удивляться стойкости патриархальных традиций, которые лишь с 60 – 70-х гг. начали вытесняться новыми отношениями к семье и детности.

уже меньше, возрастает доля работоспособного населения. В Японии, например, в 1950 г. работоспособное население составило 50% всех жителей страны, а в 1975 г. работоспособных было уже 60%, что в итоге увеличило доходы на душу населения на 22%.

В этом сказывается еще одна важная специфика демографических процессов. Если они протекают без катаклизмов и внимательно изучаются самим обществом, они как бы дают время адаптироваться к наступающим изменениям, приглушить возможные их отрицательные последствия.

Таким образом, можно сделать вывод, что в странах с современным типом брачности естественный прирост населения в целом завершился. Практически во всех европейских странах рождаемость находится ниже порога воспроизводства. Во Франции на одну женщину приходится 1,85 ребенка, Великобритании – 1,7, в Италии – 1,24, в Испании – 1,15. Но в развитых странах Европы и Америки, как и в Японии, низкая рождаемость как бы затушевывается и частично компенсируется ростом продолжительности жизни¹. В странах бывшего СССР этой компенсации нет, что и объясняет драматизм ситуации. К тому же сохраняется и разница в уровне детской смертности: в Западной Европе она составляет 5 детей на 1000, в восточноевропейских странах – в пределах 10–20 на 1000 детей.

В странах Азии и Африки (кроме белой популяции в ЮАР) рождаемость остается приблизительно в 3 раза выше общеευропейской. Там сохранились традиции многодетности. Причина – реакция на высокую детскую и общую смертность предшествовавших поколений. Отсюда стремление иметь побольше детей, чтобы хоть часть из них выжила. Но есть и экономическая причина. Отсталое сельское хозяйство этих стран, в котором занята подавляющая часть населения, не требует сколько-нибудь длительного производственного обучения или какого-либо специального образования. Этим объясняются ранние браки, ибо они позволяют быстро получать добавочные рабочие руки для труда в поле или в домашнем хозяйстве². Особенность аграрной экономики позволяет широко применять детский труд, что тоже способствует сохранению традиции высокой рождаемости. К тому

¹ По данным на 2001 г., дольше всех в Европе живут мужчины в Исландии (до 78 лет), а также шведы и швейцарцы (до 77 лет), женщины – в Испании и Швейцарии (до 83 лет), во Франции и Италии (до 82 лет).

² Так, если в Индии до 80% девушек выходит замуж до 20 лет, в Англии и до 30 лет 1/3 девушек – не замужем.

же широкое распространение в Азии и Африке имеют родовые и патриархальные семьи, часто с общим хозяйством. Вступление в брак членов этих семей облегчается тем, что оно не требует наличия у будущего супруга самостоятельного хозяйства или заработка. Эти традиции многодетности поддерживаются общественным мнением, отражаются в нормах морали и закреплены в религиозной догматике. Но они консервируют бедность, плодят социальное напряжение и политические конфликты, столь частые и кровавые в современном «третьем мире». Как не вспомнить известное изречение: «Когда люди ничего не имеют, они имеют детей». На это обратил внимание еще Адам Смит, заметивший, что «бедность благоприятствует размножению».

Сохранение высокого уровня рождаемости в афро-азиатском регионе при снижении уровня смертности потребовало активной демографической политики по сдерживанию роста населения, без чего в ряде случаев невозможно выйти из бедности. Первой страной, официально принявшей политику ограничения рождаемости еще в 1950 г., была Индия. Ее программа включала в себя пропаганду идеи планирования семьи, обучение населения «технике» регулирования рождаемости и научные исследования в этой области. С 1965 г. в стране разрешили стерилизацию. Нередко сторонников такой политики обвиняют в неомальтузианстве. Но сдерживание темпов роста населения там действительно необходимо. Хотя в Индии эта практика не принесла желаемого эффекта (там теперь ежегодно рождается до 16 млн человек), в 1958 г. началось проведение политики планирования семьи в Пакистане, затем в странах Юго-Восточной Азии. Тогда же началось активное сдерживание рождаемости в Египте, где удалось на протяжении 60-х гг. снизить рождаемость с 40% в послевоенные годы до 2,7%.

Успешной эта политика оказалась и в Китае, где лозунг «Одна семья – один ребенок» сейчас является законом. При рождении второго и последующих детей семьи лишаются ряда льгот. Экономический нажим в тоталитарной стране дает результаты. Но за 1966 – 1976 гг. население Китая все же выросло на 258 млн. Нынешние природные ресурсы этой страны способны выдержать 700 млн человек, но в текущем столетии ожидается, что оно составит 1,5 млрд. Ибо жизнь расшатывает строгую демографическую политику: благосостояние китайцев медленно, но растет и все чаще семьи готовы платить штраф и иметь больше, чем одного ребенка. Бывает, если рождается девочка, ее вообще не регистрируют, а ждут мальчика. Современная диагностика, как известно, позволяет определять пол еще во время беременности и нередки случаи, когда, узнав о будущей девочке, делают аборт. А это уже грозит сокращением в будущем количества невест. Теперь докторам запрещено сообщать о поле плода...

В целом же «цивилизованное» управление рождаемостью через повышение брачного возраста (европейский тип) или через внутрисемейное регулирование для афро-азиатского региона еще встречается в виде исключения. Но сдвиг в этом направлении есть: постепенно разрушается патриархальная замкнутость, невежество, бесправие женщин, допотопность быта, происходит урбанизация, повышается образовательный уровень населения. То есть создаются общесоциальные предпосылки для изменения демографического поведения.

Заключая рассмотрение современного состояния семейных отношений, следует заметить, что уменьшение рождаемости в настоящее время в сочетании с ростом культурного уровня и индивидуального сознания приводит к повышению ценности детей, их места в глазах родителей. В этом – предпосылки дальнейшего демографического развития человечества, когда традиционные побудительные мотивы брачности и воспроизводства изживаются.

С другой стороны, европейский тип брачности изменяет и место женщины в обществе. Рождение детей перестало быть ее главным назначением в жизни. Современные демографические процессы изменили, таким образом, жизненный цикл женщины, создали условия для уравнивания ее места в обществе по отношению к мужчине. Хотя полного равенства мужчины и женщины нельзя, очевидно, достичь по биологическим причинам.

О перспективах дальнейшего развития европейского типа брачности можно рассуждать на основе современных тенденций во Франции, уже традиционно опережающей остальные страны в современных демографических процессах. С 1990 по 1993 г. число браков там снизилось на 4%, а за 1994 г. – еще на 6%. Соответственно, не только повысился возраст вступления в первый брак (28,7 лет у мужчин и 26,6 у женщин), но и количество женщин вне брака. Таких до 35 лет во Франции в начале 90-х гг. было до 20%, после 40 лет оставалось 15%. При этом число детей, рожденных вне брака, в 1993 г. увеличилось в 3 раза. Впрочем, не все столь однозначно. Если по итогам 2005 г. в западноевропейских странах на одну женщину приходилось 1,6 ребенка, то во Франции – 2. Учитывая вышеуказанное лидерство Франции в демографических процессах, может, это – свидетельство начала некоей стабилизации?

Следствием распространения европейского типа брачности является и так называемая *сексуальная революция*, означающая ломку привычных для старших поколений семейных и сексуальных стереотипов. Она осуществилась раньше, естественно, там,

где уже упорядочились новые традиции. В Западной Европе это 60-е гг. XX в. До нас она докатилась на 30 лет позднее, в 90-е гг., что связано не только с распространением европейской семьи (по этому признаку она могла произойти и раньше), но и с кризисом тоталитарной системы. Один из ее итогов: в России в 2002 г. на 1000 браков приходилось 800 разводов.

Итак, можно констатировать, что на рубеже II и III тысячелетий «демографический переход» в развитых странах уже завершился, но продолжается в развивающихся (где он начался в 20 – 30-х гг.).

Завершение этого перехода в мире и начало нового этапа стабилизации народонаселения можно будет констатировать, когда в «третьем мире» длительность жизни достигнет 74,8 лет, а число рождений на одну женщину снизится до 2,08.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБЩИЕ ИТОГИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Адам Смит писал: «Воспроизводство людей регулируется спросом». Пусть грубо, но объективная зависимость демографических процессов от экономических возможностей и потребностей общества схвачена верно. На всех этапах человеческого развития сложная племенная, затем внутриобщинная, затем внутрисемейная регуляция воспроизводства населения непосредственно зависела от уровня общественного развития.

На графике (С. 152) явственно видны периоды относительной стабильности численности населения и периоды его увеличения.

Первый такой период ускоренного роста совпал с эпохой становления человеческого общества, возникновения архаического типа (архетипа) воспроизводства населения. Люди тогда впервые вышли из природных экосистем. Систематическое применение орудий труда и развитие социальной организации не могло не привести к коренному изменению условий выживания древнейших людей, а значит, и к росту их численности. Ранние неантропы приобрели огромную по сравнению с их животными предками независимость от окружающей среды, смогли приспособиться к самым различным экологическим условиям и расселиться по ойкумене. Эта дисперсия (распыление) человечества по материкам и архипелагам земного шара, если сравнить ее с темпами расселения любого другого биологического вида, по своей стремительности может быть уподоблена взрыву. За эти 15–20 тыс. лет кроманьонцы преодолели такие экологические перепады, а также водные и другие препятствия, какие не преодолевал ни один животный вид. Первый демографический взрыв произошел в ходе пространственной экспансии, которую сдерживала лишь палеолитическая техника. В целом в палеолите рост численности населения был ничтожным – тысячные доли процента в год, несколько тысячных долей процента в тысячелетие.

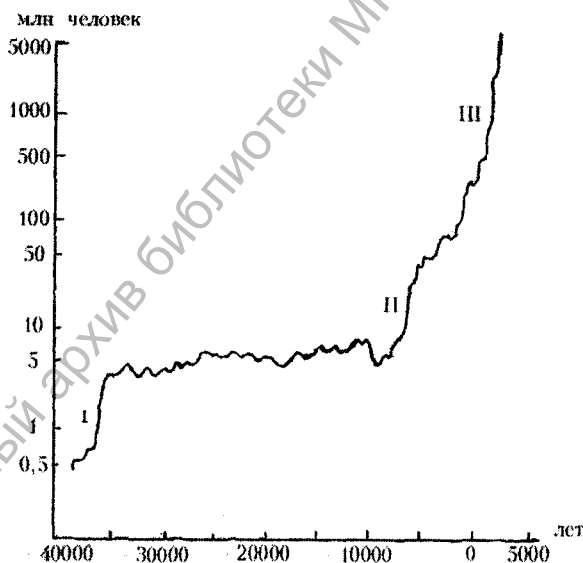
Следующий демографический взрыв – неолитический, с ростом до 0,03–0,04% в год (с удвоением примерно через каж-

дые 2 тыс. лет). Причины этого демографического взрыва – переход от архетипа к традиционному типу воспроизводства населения.

Третий демографический взрыв пришелся на XX в. и был связан с рассмотренными в главе VI процессами неравномерностей перехода к современному типу демографического поведения, основанному на научно-технических достижениях развитых цивилизаций, и постепенным распространением так называемой европейской модели брачности.

В заключение вспомним и обобщим некоторые основные цифры. Прежде всего – динамику длительности жизни в основных исторических эпохах.

Эпоха бронзы и железа	– 20 лет,
Древний мир	– 20–30 лет,
Средние века	– 20–30 лет,
XVI – XVIII вв.	– 25–35 лет,
XIX в.	– 30–50 лет,
XX в.	– 40–75 лет.

Предполагаемое увеличение численности населения Земли (по Ж.Н. Бирабену).

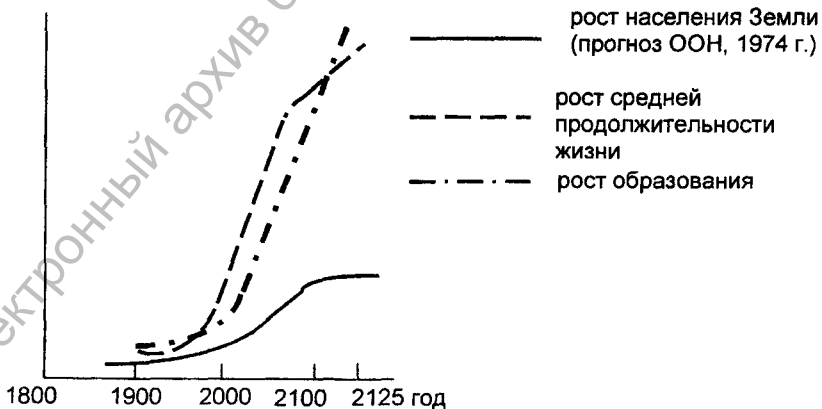
Вертикальная шкала – в логарифмическом масштабе (взято из книги А.Г. Вишневого).

I, II, III – демографические взрывы

Как видно, наиболее существенный перелом приходится на XIX в., а в XX в. наблюдается сближение средней продолжительности жизни в разных странах.

За последнее тысячелетие население Земли увеличилось в 13 раз: для первого его удвоения потребовалось 700 лет, для второго – 150 лет, для третьего – около 50 лет.

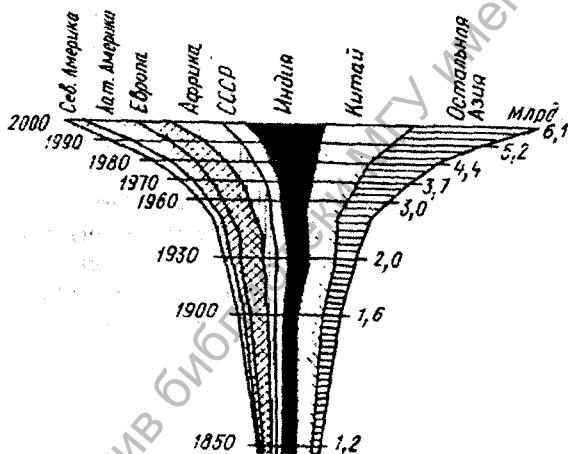
Скачкообразность демографических процессов хорошо заметна на вышеприведенном графике. Все эти взрывы объясняются консервативностью демографических процессов, особенно брачных традиций, обычаев воспроизводства. Отсюда же и неравномерности демографического развития в XVIII – XX вв., когда стала нарастать неравномерность социально-экономических процессов. Отсюда растянутость последнего демографического взрыва, превратившегося в демографический переход (с XVIII в. в Западной Европе и по начало XXI в. в развивающихся странах). Особое место в этом процессе занимает глобальный демографический взрыв 50 – 60-х гг. XX в., вызванный повсеместным резким сокращением смертности. Интенсивность этого взрыва – резкий всплеск прироста афро-азиатского населения – стимулировалась тем, что вслед за быстрым общим снижением смертности в XX в. в этом регионе не наступил второй элемент демографического перехода – падение рождаемости. Однако в последнее время и там уже начинает отмечаться тенденция к снижению темпов прироста населения, но из-за внешних по отношению к демографии факторов (повышения смертности из-за социальных и политических конфликтов, СПИДа, резкой урбанизации).

Рост численности населения в мире и его основных качественных характеристик

Исходя из современного демографического развития и тенденций постепенного всеобщего перехода на европейский тип воспроизводства и семейных отношений население земли, достигнув к рубежу XX – XXI вв. 6 млрд человек, в течение XXI в. может удвоиться, достигнув, как отмечалось, примерно 11–12 млрд человек (см. табл. на с. 126), после чего ожидается или полное прекращение роста населения, или его медленное, крайне незначительное увеличение. Но прогнозы – сюжет не исторической демографии.

В завершение – схема роста населения на Земле с середины XIX в., обошедшая в 60 – 70-е годы многие зарубежные демографические издания.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Авербух М.С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.
2. *Авербух М.С.* Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970.
3. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.
4. *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1994.
5. *Бессмертный Ю.Л.* Историческая демография западноевропейского средневековья и начала нового времени // Современная зарубежная не-марксистская историография. М., 1989.
6. *Бессмертный Ю.Л.* Проблемы исторической демографии // Всеобщая история: дискуссия, новые подходы. М., 1989.
7. *Бессмертный Ю.Л.* Новая демографическая история // Одиссей. М., 1994.
8. *Боярский А.Я., Валентей Д.И., Кваша А.Я.* Основы демографии. М., 1980.
9. Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
10. *Бутов В.И.* Демография. М. 2003.
11. *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939 – 1959 гг. М., 2002.
12. *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.
13. *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М., 1976.
14. *Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество. М., 1982.
15. *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973.
16. *Гис Ф., Гис Дж.* Брак и семья в средние века. М. 2002.
17. *Горская Н.А.* Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994.
18. *Гундаров И.А.* Демографическая катастрофа в России. М., 2001.
19. Демография: современное состояние и перспективы развития / Под ред. В.И. Валентея. М., 1997.
20. Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной медиевистике. М., 1984.
21. Детерминанты и последствия демографических тенденций. Нью-Йорк, 1973. Т. 1.
22. Женщина, брак, семья до начала нового времени. М., 1993.
23. Женщины в истории. Мн., 2001. Вып. 1.
24. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
25. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
26. История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.
27. Историческая демография. М., 1989.

28. Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы. М., 1988.
29. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. М., 1992.
30. Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969.
31. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
32. Коростелев Г.М. Рост народонаселения и общественный прогресс. Свердловск, 1968.
33. Коростелев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения. М., 1981.
34. Курс демографии. М., 1979.
35. Макарова Е.А. Poleмика Годвина с Мальтусом о народонаселении и проблемы кардинального улучшения общества // Экономическая история: исследования, историография, полемика. М., 1992.
36. Маркузон Ф.О. Население мира от начала нашей эры до середины XX в. // Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1967.
37. Медков В.М. Демография. М., 2003.
38. Медков В.М. Основы демографии. М., 2003.
39. Место демографии в системе наук. М., 1975.
40. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Мн. 2004.
41. Основные теории народонаселения. М., 1973.
42. Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977. Кишинев, 1985.
43. Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы. Кишинев, 1991.
44. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.
45. Птуха М.В. Учение о народонаселении Т.Р. Мальтуса // Демографические тетради. Киев, 1972. Вып. IV – V.
46. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М., 1981.
47. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М., 1965.
48. Сагановіч Г. Невядомая вайна. 1654 – 1667. Мн., 1995.
49. Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.
50. Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. М., 1984.
51. Судоплатов А.П. Демографические концепции. М., 1974.
52. Тэннехилл Р. Секс в истории. М., 1995.
53. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
54. Урланис Б.Ц. Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах // Вопросы демографии. М., 1970.
55. Урланис Б.Ц. Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976.
56. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978.
57. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. М., 1996.
58. Херлихи Д. Биология и история: к постановке проблемы // Цивилизация. М., 1993. Вып. 2.
59. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.

60. Численность и классовый состав населения России и СССР XVI – XX вв. Таллин, 1979.
61. Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М., 1983.
62. Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987.
63. Demographic Transition. Berlin, 1993.
64. Giejsztorowa J. Wstęp do demografii staropolskiej. Warszawa, 1976.
65. Henneberg M. Ocena dynamiki biologicznej wielkopolskiej dziewiętnastowiecznej populacji wiejskiej // Przegląd Antropologiczny. Poznań, 1977, Z. 1, 2.
66. Historicka demografie. Praha, 1987, № 12.
67. Imhof A. Einführung in die historische Demographie. München, 1977.
68. Januszewski J. Przebieg roczny zgonów we wczesnym średniowieczu w świetle zmian klimatycznych // Czasopismo Geograficzne. Warszawa, 1968, Z. 3.
69. Kohútova M. Výskum vývoja obyvateľstva na Slovensku v predstatistickom období do roku 1850 // Historický časopis. Bratislava, 1983.
70. Kumatowski S. Nowsze teorie na temat pierwotnych Słowian w świetle analizy paleodemograficznej // Slavia Antiqua. 1977, T. 24.
71. Łowmiański H. Zaludnienie państwa Litewskiego w wieku XVI. Poznań. 1998.
72. Pleinerová J. Experimenty se stavbou a odýváním staroslovanských domu // Vesmír. 1983, R. 61, No. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ДЕМОГРАФИЮ	3
Предмет исторической демографии	3
Основные понятия исторической демографии	5
Источники исторической демографии	7
Становление исторической демографии	10
Глава II. ДЕМОГРАФИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА	29
Общая ситуация. Возникновение человека	29
Особенности рождаемости и смертности в каменном веке	34
Семья, детность	42
Итоги демографического развития первобытного общества	45
Глава III. ДЕМОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО МИРА	49
Общая ситуация	49
Продолжительность жизни	51
Рождаемость	52
Итоги	62
Глава IV. ДЕМОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	65
Общая ситуация. Динамика демографического развития	65
Продолжительность жизни	74
Рождаемость и смертность	76
Брачные отношения, семья, детность	78
Быт, физическое состояние	87
Итоги демографического развития в Средние века	90
Глава V. ДЕМОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ	91
Общее демографическое развитие и статистика	91
Продолжительность жизни, рождаемость и смертность	100
Семейные отношения	108
Итоги демографического развития в Новое время	122

Глава VI. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	124
Общие статистические данные о народонаселении в XX в.	124
Рождаемость и смертность. Брачность	139
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 151
 РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	 155

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулепова

Учебное издание

Риер Яков Григорьевич

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДЕМОГРАФИЯ

Учебное пособие

Редактура авторская
Технический редактор *А.Н. Гладун*
Компьютерная верстка *А.Л. Позняков*
Корректор *Н.С. Осмоловская*

Подписано в печать **19.10.2006** г.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times Pragmatika.
Усл.-печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 300 экз. Заказ № **459**.

Учреждение образования "Могилевский государственный университет
им. А.А. Кулешова", 212022, Могилев, Космонавтов, 1.
ЛИ № 02330/278 от 30.04.2004 г.

Отпечатано на ризографе отдела оперативной полиграфии
МГУ им. А.А. Кулешова. 212022, Могилев, Космонавтов, 1.